

Айдар Сафин

ТАТАРЫ – НАСЛЕДНИКИ ВЕЛИКОЙ БУЛГАРИИ

История народа от Великой Булгарии
до Казанского ханства и современности

Издательские решения
По лицензии Ridero
2026

УДК 82-3
ББК 84-4
С21

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Сафин Айдар

С21 ТАТАРЫ — НАСЛЕДНИКИ ВЕЛИКОЙ БУЛГАРИИ : История народа от Великой Булгарии до Казанского ханства и современности / Айдар Сафин. — [б. м.] : Издательские решения, 2026. — 286 с.
ISBN 978-5-0069-2466-6

Эта книга посвящена истории болгаро-татарского мира — от протоболгарских племён до формирования татарского народа. Она раскрывает многовековой путь развития, созидания и испытаний, рассказывает о городах и ремёслах, вере и знании, культурной памяти и традициях. Книга не затрагивает современную политическую повестку и носит исследовательский характер. Работа сосредоточена на авторском анализе исторических процессов и культурных явлений, археологии и источников, без идеологических схем и упрощений

**УДК 82-3
ББК 84-4**

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-0069-2466-6

© Айдар Сафин, 2026

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга появилась не в тишине академического кабинета и не из желания перечислить имена и даты. Она возникла из стремления приблизиться к миру наших предков и почувствовать его таким, каким он был в прошлом. Напомнить народу то знание, которое долгое время оставалось рассеянным, скрытым в рукописях, археологических слоях, дипломатических письмах и свидетельствах путешественников.

История Булгарии Идея и её наследников, татар, никогда не была простой чередой событий. Это история народа, который проходил через войны и нашествия, сталкивался с давлением чужих культур, переживал периоды рассеяния, но всегда умел собирать себя заново. Он сохранял язык, веру и достоинство даже тогда, когда мир вокруг рушился. Поэтому исследование его прошлого требует не только интереса к теме, но и способности соединить множество источников, разбросанных по разным эпохам и континентам.

Сегодня такая работа стала возможной благодаря новым интеллектуальным инструментам, открывающим доступ к огромным массивам информации. Они помогают сопоставлять данные, расшифровывать забытые свидетельства, пересматривать привычные представления и замечать детали, которые раньше легко ускользали.

Объём сведений о болгарской истории настолько велик, что один человеческий взгляд не способен удержать его целиком без поддержки тех средств, которые расширяют границы нашего понимания. В работе над этой книгой мне приходилось опираться на инструменты, которые помогают удерживать в поле зрения забытые страницы прошлого. Но окончательный выбор источников, их сопоставление и выводы всегда оставались результатом человеческого решения, стремящегося к исторической достоверности.

Когда говорят о преемственности, важно не впадать в крайности. История народов — это не история «чистой крови», хо-

тя и биологическая связь между поколениями, безусловно, существует. Но народ живёт и продолжается прежде всего через язык, веру, привычки, формы власти и общее представление о своём прошлом. Эти вещи переживают века даже тогда, когда состав населения меняется и становится сложнее. В этом смысле болгары и татары связаны не прямой и простой линией происхождения, а непрерывным процессом наследования и развития общего культурного и исторического опыта.

Чем глубже погружаешься в подлинные источники Идея, тем яснее становится, что наши предки никогда не были окраиной великих держав. Они создавали города, ремёсла и торговые пути, развивали образование, религию и мысль. Их медресе дарили миру учёных, их монетные дворы свидетельствовали о государственности, их дороги связывали города. Всё это существовало, но оставалось в тени.

В книге собраны подтверждённые факты, реконструкции, основанные на проверяемых данных, и сведения, позволяющие увидеть историю целостной, а не разрезанной на удобные фрагменты. В книге нет идеологии и политических выводов, но не скрывается то, что судьба народа всегда была связана с борьбой за землю, за веру, за память, за право быть собой.

Каждый, кто когда-либо задавал себе вопрос о происхождении татар, о пути от Котрага до Алмуша, от Булгара до Казани, от арабской письменной традиции до современного языка, найдёт здесь ответы или хотя бы увидит направление, в котором стоит искать дальше.

Эта книга говорит о преемственности.

О внутренней стойкости.

О народе, который прошёл через века и сумел сохранить себя

Айдар Сафин

1. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПРОТОБУЛГАР

История татарского народа начинается там, где степь хранит свои тайны в песках, курганах и старых торговых путях. Многое ушло в туман времени, и первые века теряются в бескрайних просторах, оставляя после себя только обрывки следов. Первые достоверные ориентиры появляются там, где археологи находят остатки поселений, захоронения и надёжные письменные источники. Именно с этого момента можно говорить о событиях достаточно уверенно.

Для обозначения ранних предков булгар учёные используют термин «протобулгары». Он возник ещё в XIX веке и служил «рабочим названием» для степных групп, которые ещё не имели государств, но уже обладали общими чертами культуры, хозяйства и образа жизни. Они жили среди других культур, создавали тесные связи с соседями, перенимали обычаи и постепенно формировали новую общность.

Степи между Тánасом (Доном), Кóросом (Кубанью), побережьями Меотиды (Азовского моря) и берегами Понта Аксинского (Чёрного моря) на протяжении многих веков оставались одной из самых насыщенных историей зон Евразии. В открытом пространстве, связывающем Восток и Запад, появлялись и исчезали народы, проходили торговые пути, двигались армии и соприкасались различные культуры. Особую роль играл и полуостров Таврís — так именовали его византийцы, а позднее в тюркской среде укоренилось название Кы-рым. Уже в I веке нашей эры эта территория представляла собой сложное переплетение этнических и культурных традиций. Основу населения составляли сарматские племена аланов, аорсов, сираков и роксоланов, распространившиеся от северокавказских предгорий до приазовских степей.

Погребения, исследованные археологами, демонстрируют развитую конную культуру. В них часто встречаются длинные мечи — оружие, рассчитанное прежде всего на удары с коня. Наряду с этим оружием находят сложное конское снаряжение,

бронзовые украшения с мотивами ираноязычного звериного стиля.

Эти кочевники тесно взаимодействовали с городами Таманского полуострова, среди которых выделялись Гермонасса, Кепы и особенно Фанагория. Основанная в VI веке до нашей эры выходцами из Ионии, Фанагория в I — III веках превратилась в оживлённый центр Боспорского царства, известный своими ремеслами, амфорами, площадями и большой гаванью. Археологические находки показывают остатки базилики, монументальные стены, кварталы мастерских, клеймённые амфоры, печати чиновников Боспора и глубокие слои некрополей, где греко-римские и сарматские традиции соединяются в единый исторический пласт.

Протобулгары формировались не в стороне от мира, а на перекрёстке дорог и культур. Здесь рядом существовали и влияли друг на друга ираноязычные традиции сарматов, тюркский степной уклад, финно-угорская среда лесостепи и наследие античных городов побережья. Эти миры не вытесняли друг друга, а переплетались, создавая новое качество. Поэтому протобулгары с самого начала были не замкнутым племенем, а живым объединением, способным принимать разное и превращать его в целостную культуру и устойчивую общность. Именно эта способность соединять разнородное станет одной из главных черт болгарской истории на многие века вперёд.

В III — IV веках этот широкий регион пережил глубокие перемены. Гуннские отряды, пришедшие с восточных степей, прошли через Северное Причерноморье и нарушили прежний этнический порядок, который складывался веками. Многие античные города оскудели и утратили своё былое влияние, хотя жизнь в них не прерывалась. В Фанагории уже в V — VI веках заметны следы восстановления, снова работали ремесленники, оживали кварталы и город постепенно входил в новую эпоху степных и морских связей.

Тем временем сама Степь менялась так же стремительно. На её просторах усиливались утигуры и кутригуры, ранние тюр-

коязычные огурские группы, которые соединяли кочевые традиции с влиянием крупных держав Востока. Их появление создавало новые союзы и новые линии соперничества.

VI век стал временем, когда на земли этого региона влияли сразу две мощные силы. С запада надвигался Аварский каганат, обладавший сильной и дисциплинированной армией. С востока всё активнее проявлял себя Западнотюркский каганат, чьи связи тянулись от Алтая до Каспия и доходили до Меотиды, Тánаса и Кавказа. Аварские правители вмешивались в жизнь племён между Тánасом и Днепром, требовали дань и навязывали свою власть. Тюркские же владыки старались удерживать под контролем степные союзы, которые двигались вдоль больших пастбищных дорог.

Сарматские роды постепенно растворялись в новых степных объединениях. На северных окраинах всё заметнее укреплялось финно-угорское население лесостепи. В городах Тамани и в поселениях боспорского круга продолжали жить отголоски античной культуры, хотя её влияние уже не было таким сильным, как прежде. Всё это создавало ощущение постоянно меняющегося мира, где почти каждое десятилетие приносило новые имена, новые союзы и новые столкновения.

В такой подвижной и многослойной среде зарождались будущие протобулгары. Их формирование стало результатом длительного взаимодействия ираноязычных, тюркских, финно-угорских и греко-античных элементов. Археологический ландшафт показывает, что здесь бок о бок соседствовали земледельческие деревни и кочевые стойбища, богатые захоронения знати и ремесленные мастерские, ранние христианские общины и традиционные святилища. Торговые пути соединяли Понт Аксинский, Кавказ, Меотиду и степные дороги, ведущие к Ра̃-Иделю, и именно в этой среде постепенно складывались более устойчивые формы власти. На её основе складывались родовые союзы, способные к объединению вокруг сильного центра и к будущим объединениям, которые позднее сыграли ключевую роль в эту эпоху.

На рубеже VI — VII веков среди степных родов со временем выделялась династическая линия Дуло, которая со временем стала одной из самых влиятельных внутри огурских булгар. Её корни уходили в позднегуннскую эпоху и в среду утигурских и кутригурских союзов, которые византийские авторы описывали как крупные степные объединения, участвовавшие в набегах на Балканы и попадавшие то под власть тюрков, то под влияние аваров. В условиях непрерывных миграций, борьбы за пастбища, давления со стороны аварского и тюркского каганов, а также климатических изменений, заставлявших перегонять стада всё дальше на юг, становилась очевидной необходимость более устойчивой формы власти.

В степи постепенно формировалась новая аристократия. В неё входили военные предводители, наследственные старейшины и главы родов, которые контролировали не только вооружённые отряды, но и торговые пути, пастбища и ключевые переправы, ведущие к Тамани и Кавказу. Род Дуло укреплял своё положение благодаря умению действовать в условиях нестабильности. Его представители поддерживали контакты с византийскими дипломатами, участвовали в борьбе против аваров и сохраняли отношения с тюркской династией Ашина. Их политический опыт и дипломатическая гибкость становились серьёзным преимуществом в многосложном мире степных союзов.

Именно в этой среде, на фоне ослабления Западнотюркского каганата и кризиса Аварского каганата, хроники впервые упоминают имя **Кубрата**. Его власть возникла не внезапно и не была случайным взлётом. Она стала итогом долгих процессов. Степь нуждалась в человеке, который смог бы объединить наследников гуннской традиции, многочисленные булгарские группы, торговые интересы Тамани и прикаспийских земель и при этом удерживать равновесие в отношениях сразу с двумя могущественными каганатами.

Кубрат оказался таким лидером. Воспитанный в Константинополе и знакомый с церковной и государственной системой

Хан Кубрат (реконструкция)

Перстень Кубрата. Фото Wikimedia Commons

Восточной Римской империи, он оставался носителем степных традиций и наследником авторитета рода Дуло.

По свидетельствам Феофана Исповедника и патриарха Никифора, он провёл значительное время в Полисе — ὁ Πόλις (ho Polis), где усвоил основы дипломатии, придворного этикета, государственных законов и религиозных представлений. Титул патрикия, вручённый ему Ираклием, демонстрирует степень доверия, которую он смог вызвать у ромейской власти. Его образование и сочетание двух культур позволили ему стать политическим лидером нового типа. Первое его появление в степной политике VII века стало закономерным итогом процессов, складывавшихся десятилетиями, от распада гуннского мира до ослабления аваров и падения влияния тюрков. Степные союзы искали объединителя, род Дуло — продолжателя власти, а болгарские объединения — правителя, способного вести равноправный диалог с каганами и императором.

Именно с периодом укрепления власти Кубрата археология связывает и один из наиболее выразительных символов его политического статуса — золотой перстень-печатку из знаменитого клада, найденного в 1912 году близ древнего поселения. Перстень был найден в местности, которую в раннесредневековых источниках называют Борисфенской степью или землями верхнего течения Вардана (Орель), притока Днепра. Клад,

включающий более 800 предметов, представлял собой погребальный инвентарь булгарского правителя, и среди них особенно выделялось кольцо с монограммой, читаемой как «ΚΟΥΒΡΑΤ ΠΑΤΡΙΚΙΟΣ», что интерпретируется как сигнатура Кубрата – владыки оногундуров, признанного Византией в достоинстве патрикия. Перстень сочетает византийскую систему знаков власти с степной традицией личных печатей, служивших одновременно символом ранга и подтверждением права на управление союзами племён.

Кубрат вернулся в степь около 620–630 годов и занял место наследственного предводителя оногундуров. Обстановка складывалась так, что он смог быстро укрепить власть. Аварский каганат слабел, Западнотюркский каганат переживал внутренние конфликты, а степные роды нуждались в лидере, который смог бы обеспечить безопасность пастбищ, стабильность торговых линий и защиту от усиливающихся хазар. Первым важным шагом стало освобождение оногундуров от зависимости аваров. Серия побед в северных степях Меотиды завершилась успехом, хотя в одном из сражений погиб его дядя Органа, ранее удерживавший власть. Затем последовали политические действия, которые вывели оногундуров из-под власти тюрков и позволили вести самостоятельную политику.

В 635 году Кубрат заключил союз с императором Ираклием и получил титул патрикия, который закрепил его статус и признание со стороны Ромейской империи. Византия рассматривала его как гаранта безопасности северных рубежей, а он получил международное подтверждение своей власти. После этого началось формирование обширного союза, который византийская историография позднее назовёт Великой Булгарией.

В 630–650 годах под власть Кубрата вошли оногундуры, утигуры, кутригуры, часть угорских групп и население предкавказских и приазовских степей. Конфедерация занимала пространство от нижней Ра-Идели и Каспия на востоке до Днепра и Буга на западе и от Кавказа и Понта Аксинского до Ергеней на севере.

ло. Противоречия между булгарами и хазарами возникали естественно, поскольку обе силы стремились контролировать степной коридор между Ра̃-Идью и Кавказом и влиять на движение товаров между севером и югом. Уже в 640-х годах появляются признаки первых столкновений. Хотя подробных описаний сражений в источниках нет, по косвенным данным можно предположить большую кампанию хазар против булгар в конце 640-х годов, которую Кубрат сумел отразить. После его смерти в середине 650-х годов хазары нанесли серию ударов, ослабивших конфедерацию и приведших к её распаду.

В список подтверждённых или реконструируемых военных действий Кубрата входят войны с аварами в 620–630-е годы, столкновения с Западнотюркским каганатом около 631 года и конфликты с хазарами в 640–650-х годах. Его победы над внешними силами, освобождение от зависимости аваров и тюрков и успешная защита от первых хазарских вторжений создали основу для появления сильного союза.

Сам факт существования Великой Булгарии и её признание ромейской властью подчёркивают масштаб личности Кубрата. Ему удалось объединить множество степных племён в единую политическую систему, которая стала предшественницей будущих болгарских государств.

2. СЕМЬЯ КУБРАТА – РОД ДУЛО, ЖЕНА И ПЯТЬ СЫНОВЕЙ

В истории раннесредневековых степей родственные связи имели не меньшее значение, чем военная сила. Происхождение правителя, его супруга и дети формировали основу легитимности, определяли устойчивость власти и возможность объединять различные племенные группы. Семья Кубрата, создателя Великой Булгарии, занимает среди них особое место, поскольку именно вокруг рода Дуло складывалась политическая структура, охватывавшая пространство от нижней Ра̃-Идели до Тана́са

и от Меотиды до предкавказских территорий. Хотя источники той эпохи нередко обрываются или хранят большие пробелы, сохранившихся данных достаточно, чтобы восстановить состав семьи Кубрата и понять её значение.

Род Дуло, к которому принадлежал Кубрат, считался одним из древнейших и наиболее влиятельных в степном мире VI – VII веков. Научные исследования обычно связывают название «Дуло» с тюркской средой Евразии. Наиболее распространённая версия выводит его из древнетюркских корней, связанных с представлениями о полноте, силе или родовой значимости. В тюркских языках подобные формы нередко использовались для обозначения элитных кланов, обладавших сакральным правом на власть. Некоторые исследователи сближают название рода Дуло с названием племени дулу из состава тюркских «Он-Ок», где дулу обозначало левое крыло Западнотюркского каганата. Эта гипотеза остаётся неподтверждённой, но хорошо ложится на политическую картину эпохи, поскольку Дуло действительно занимали ведущие позиции среди огуро-тюркских групп, поддерживали связи с западнотюркским каганатом и обладали наследственным авторитетом, свойственным тюркским династиям. Опора на лингвистические, исторические и политические данные делает именно тюркскую версию происхождения названия наиболее согласованной с реальностью эпохи.

Истоки рода Дуло восходят к поздним гуннским элитам, которые после распада державы Атиллы вошли в объединения утигуров, кутригуров и оногуров. Уже в VI веке появляются сведения о степных вождях, передававших власть по наследству, и среди них представители Дуло заметны особенно. Они управляли большими пастбищными территориями, участвовали в войнах против аваров, поддерживали дипломатические контакты с Византией и занимали высокое положение в ранних структурах оногундурских булгар. Кубрат вырос в среде, где власть рассматривалась как непрерывная династическая обязанность, основанная на традиции, военной опоре и признанном авторитете рода. Это происхождение обеспечило ему

Семья Кубрата (художественная реконструкция)

поддержку степной знати после возвращения из Константинополя.

Что касается жены Кубрата, то источники почти не дают сведений. Ни хронисты Феофан Исповедник и патриарх Никифор, ни «Именник болгарских ханов», ни археологические данные не называют её имени и не сообщают о происхождении. Для степных обществ раннего Средневековья такая лаконичность обычна, и женщины политической элиты упоминались только в исключительных случаях. Тем не менее современные исследователи предлагают несколько гипотез, опираясь на реалии эпохи. Наиболее вероятной кажется версия, что жена Кубрата происходила из знатного болгарского или оногурского рода, поскольку объединение утигуров, кутригуров и оногундугов в годы правления Кубрата почти невозможно было бы представить без широкой сети родственных связей. Обсуждается и возможность её происхождения из византийской аристократии, ведь Кубрат воспитывался в столице империи и был тесно связан с двором Ирак-

лия. Однако прямых подтверждений этому нет. Иногда предполагают и существование нескольких браков, что соответствовало степным обычаям, но никаких свидетельств о многоженстве Кубрата не сохранилось. Поэтому наиболее нейтральной остаётся позиция, согласно которой у него была жена из среды степной знати, чьё имя и происхождение до нас не дошли.

Там, где источники молчат о жене Кубрата, они неожиданно подробны в отношении его детей. Наиболее ценным свидетельством остаются записи Феофана Исповедника, созданные в IX веке на основе более ранних текстов. Именно он впервые сообщает, что у Кубрата было пять сыновей, и эта информация подтверждается патриархом Никифором. Их имена — Батбаян, Котраг, Аспарух, Кубер и Алцек — позволяют представить семью Кубрата как династическое ядро объединения.

Батбаян, старший сын, с юности воспринимался как наследник. Он сопровождал отца при дипломатических контактах и пользовался поддержкой степной знати. Феофан подчёркивает, что после смерти Кубрата Батбаян принял власть над основной частью булгарских земель. Его роль заключалась в сохранении традиций и поддержании связей с Византией.

Котраг, второй сын, известен как предводитель группы, называемой «котраги». Его имя нередко связывают с этнонимом кутригуры, хотя эта связь остаётся дискуссионной. Однако несомненно, что он руководил крупной частью протобулгар, живших между Танаисом и Днепром. По численности и значению котраги почти не уступали оногундурам, что объясняет присутствие Котрага в династической структуре.

Аспарух, третий сын, известен благодаря событиям более позднего периода, но его деятельность началась значительно раньше. Судя по косвенным данным, он участвовал в военных кампаниях отца, командовал частями войска и пользовался высоким авторитетом среди младших родов. Он не был третьим по значению, а скорее выступал как один из самых активных полевых лидеров, способных действовать самостоятельно.

Кубер, четвёртый сын, возглавлял группу, которая находилась в тесном соприкосновении с аварами. Его деятельность свидетельствует о том, что Кубрат распределял влияние между сыновьями таким образом, чтобы каждый отвечал за определённое направление политики. Кубер поддерживал связи с западными степями, Аспарух усиливал военное ядро, Котраг представлял северо-восточные земли, а Батбаян удерживал центральную власть.

Алцек, младший сын, также упоминается у Феофана и Никифора. Его имя связано с подвижными протобулгарскими группами, участвовавшими как в военных действиях, так и в перемещениях на запад. Алцек, несмотря на младший статус, имел своё место внутри общей системы управления. Младшие династы в степных обществах часто исполняли роль командиров отдельных отрядов или послов, и такую же функцию мог выполнять Алцек.

Семья Кубрата отражала принципы управления степным обществом. Род Дуло выполнял роль объединяющего центра, жена Кубрата символизировала связь между элитными линиями, а пять сыновей представляли собой сеть опорных династических линий, через которые осуществлялось руководство, дипломатия, военная координация и поддержание внутреннего равновесия союза. Эта структура действовала ещё при жизни Кубрата и позволяла ему управлять пространством от предкавказских земель до северных границ Понта Аксинского. Несмотря на распад союза под давлением хазар после его смерти, сама организационная модель семьи демонстрирует высокий уровень политической культуры булгар. Семья Кубрата была не просто объединением родственников и наследников, а фундаментом всей Великой Булгарии.

3. ЯЗЫК, ПИСЬМЕННОСТЬ И ОБРАЗ ЖИЗНИ ВЕЛИКОЙ БУЛГАРИИ

Степной мир Великой Булгарии был устроен значительно сложнее, чем это можно представить по привычным представлениям о кочевниках. Здесь жили народы со своим языком, знаками власти, укоренившимися формами письменности, налаженными торговыми связями и развитым ремеслом. Их политический уклад сочетал особенности степного образа жизни и близость к великим цивилизациям. Пространство между Тánасом, Кóросом, Меотидой и Понтом Аксинским становилось местом пересечения путей тюрок, иранцев, аланов, греков и финно-угров, и эта многосоставная среда формировала культуру ранних булгар. Поэтому язык и письменность Великой Булгарии нельзя рассматривать как нечто обособленное, поскольку они возникли в условиях постоянного контакта степи с античными городами Тамани.

Булгарский язык принадлежал огуро-тюркской ветви тюркских языков, стоявшей несколько особняком от кыпчакской или огузской линий. Именно из этой огурской основы позднее возникнет чувашский язык, сохранившийся как единственный живой представитель ветви. Особенности булгарской речи заметны уже в ранних названиях титулов, личных имён и родовых терминов, отличавшихся огурскими фонетическими переходами, такими как использование «р» и «л» вместо общетюркских «з» и «ш». Это был язык степной аристократии, военной верхушки и торговых групп, контролировавших пути между Понтом и Кавказом. Хотя он не получил письменной кодификации, структура языка была устойчивой, и он употреблялся как средство дипломатии, управления и коммуникации внутри родовых союзов.

Письменная культура булгар была ещё более разнообразной. В отличие от народов с единым каноническим алфавитом, булгары пользовались несколькими системами одновременно, каждая из которых имела своё назначение. Наиболее характерной формой была булгарская рунообразная письменность. Она

встречается на каменных плитах, надгробиях, хозяйственных метках и родовых символах Поволжья, Кубани, Тамани, Северного Кавказа и Подонья. По структуре эти знаки не совпадают полностью с орхоно-тюркскими рунами, хотя следы их влияния очевидны. Булгарская руника представляла собой сочетание тамг, сакральных фигур и буквоподобных элементов, применявшихся преимущественно знатью. Надписи были короткими и фрагментарными, что затрудняет их полное понимание, однако археологические находки подтверждают существование устойчивой письменной традиции, использовавшейся для обозначения принадлежности, родовых прав, власти и значимых событий.

Одновременно в греческих городах Таманского полуострова, прежде всего в Фанагории, которая была одним из экономических центров ранней Великой Булгарии, широко применялось греческое письмо. В этих городах существовал смешанный культурный мир. Булгарские правители держали под контролем степные территории, а греки управляли портами, рынками, ремеслом и документооборотом. В слоях VII века Фанагории находят греческие на стенах, печати и надписи на амфорах, которыми пользовались и булгары. Элита Великой Булгарии, особенно окружение Кубрата, несомненно была знакома с основами греческой письменности, а сам Кубрат, воспитывавшийся в Константинополе, знал её достаточно хорошо, чтобы вести дипломатическую переписку и общаться при византийском дворе. Таким образом, два мира, степной и городской, существовали рядом и дополняли друг друга.

Орхоно-тюркская письменность Западнотюркского каганата была важной частью культурного фона эпохи. Булгары находились под властью каганата до 631 года, поэтому знакомство с тюркскими рунами неизбежно. Однако они не переняли систему полностью, а вместо этого создали собственный набор знаков, близкий по форме, но иной по структуре. Это показывает характер булгарской культурной устойчивости — они восприняли то, что было необходимо, и при этом сохранили собственную традицию.

Знак и Предполагаемое значение

- Г Родовой знак (тамга). Встречается на плитах Поволжья
- ✞ Имя или титул (нерасшифровано). Найден на Южном Урале
- Х Обозначение собственности. Использовался как метка в Тамани
- Ѕ Календарный символ
- № Часть формулы благопожелания. Фрагменты найдены на Кубани
- Ѡ Военный ранг (гипотеза). Есть параллели с орхонскими рунами
- Б Сакральный знак. Встречается в ритуальных контекстах
- № Числовой или порядковый символ. Часть счётной системы

Знаки тамгово-рунической традиции

Образ жизни Великой Булгарии сочетал черты кочевой и оседлой модели. В основе лежал полукочевой уклад с сезонными переходами, крупными стадами, мобильными войсками и юртовыми поселениями. Однако булгары не были исключительно кочевниками. Археология Фанагории, Таматархи и других центров показывает наличие постоянных мастерских, ремесленных производств, складов, храмов и причалов. Булгары активно участвовали в торговле, привозя степных лошадей, шкуры и мясные продукты и получая взамен греческое вино, ткани, металл и изделия ремесленников. Их войско отличалось хорошо организованной тяжёлой конницей, а социальная структура включала род Дуло, объединения родов, воинов-дружинников и представителей торгового и ремесленного слоя.

Общественный строй ранней Булгарии развивался как конфедерация родовых групп, объединённых властью рода Дуло. При таком устройстве письменность оставалась уделом элиты, а язык жил прежде всего в устной среде. Тем не менее найденные письменные знаки показывают, что булгары не были народом, лишённым письменной культуры. Они передавали свои знаки, титулы, имена, родовые символы, поддерживали письменные контакты с греками и находились под одновременным влиянием византийской и тюркской традиций.

В целом язык, письменность и уклад Великой Булгарии пе-

редают сам характер степного мира VII века. Это был мир многослойный, соединявший кочевников, городских ремесленников, греческих писцов, тюркских каганов и правителей рода Дуло. Булгарский язык сохранял огурскую основу, письменность включала рунообразные знаки и элементы греческого письма, а жизнь протекала между юртами и городскими стенами, между степью и морем, между внутренними обычаями и влиянием империй. Именно эта сложность и дала возможность булгарской культуре пережить распад Великой Булгарии и породить несколько самостоятельных государств.

Рунообразные знаки, встречающиеся на булгарских памятниках, важно рассматривать в контексте своего времени. В раннем Средневековье такие системы знаков редко служили обычным письмом в нашем современном понимании. Чаще они отмечали власть, собственность или принадлежность к знатному кругу. Булгарская знаковая традиция складывалась под влиянием тюркского мира и соседних государств, но при этом сохраняла собственные черты. Она была частью сакральных представлений и знаковой культуры степи, а не признаком повседневной грамотности.

4. ВОЕННОЕ ДЕЛО И ВООРУЖЕНИЕ ПРОТОБУЛГАР

Военная сила протобулгар была тем стержнем, на котором держалась общественная устойчивость Великой Булгарии. Степные воины унаследовали традиции гуннского и тюркского мира и соединили их с собственными боевыми практиками, приспособленными к равнинам. Описываемый облик их войска представляет собой историческую реконструкцию, основанную на письменных источниках и археологических находках. Это войско отличалось высокой мобильностью, хорошей выучкой и продуманной системой тактических приёмов, что позволяло побеждать противников, превосходивших протобулгар числом.

Основным оружием болгарского воина служил сложносоставной рефлексный лук, один из наиболее совершенных дальнобойных инструментов степного мира. Его делали из древесины, рога и сухожилий, изготовление требовало долгого и точного труда мастера, а результатом становилась высокая мощность выстрела. В мирное время тетиву снимали, чтобы лук не терял упругости, а сами луки хранили в кожаных футлярах, точно повторявших их форму. Стрелы держали в колчане, подвешенном к поясу на двух ремнях. Наконечники были обращены вверх, чтобы стрелок мог вслепую достать стрелу в любой момент. Нижнюю часть колчана делали расширенной, чтобы не ломались перья. Нередко его усиливали железными обручами, которые одновременно сохраняли форму и служили украшением.

В ближнем бою болгарский воин пользовался мечом или саблей. Всадники чаще выбирали саблю, так как её изогнутое лезвие позволяло наносить длинный рубящий удар с коня и легко освобождать клинок после удара, не замедляя движения. Прямой меч, палаш, также пользовался уважением. На него приносили одну из важнейших степных клятв, что подчёркивает сакральное место оружия в воинской культуре протобулгар.

Широко применялось и копьё в двух основных вариантах. Короткое служило метательным оружием, длинное использовали для уколов и ударов на полном скаку. Владение копьём высоко ценилось и укрепляло авторитет воина. В письменных свидетельствах упоминаются болгарские лидеры, прославившиеся именно мастерством обращения с копьём, а византийские миниатюры изображают хана Тервела с копьём и щитом как знаками личной доблести. Наконечники копий украшали цветными лентами, обозначавшими принадлежность к роду или боевому отряду.

Особое значение в защитном вооружении имели шлемы и щиты. Лёгкая конница пользовалась небольшими круглыми щитами, которыми отбивали стрелы и скользящие удары сабель. Тяжёлые бойцы держали более крупные круглые щиты, пригодные для плотного строя и прямого столкновения. Шлемы были

Вооружение протобулгар (реконструкция)

как полностью металлическими, так и комбинированными, когда металл сочетался с кожей. Материал и качество напрямую зависели от достатка владельца. Легковооружённые всадники иногда ограничивались крепкими кожаными шапками.

Протобулгарская броня включала кольчуги, ламеллярные доспехи и толстую кожаную защиту. Кольчуга и ламелляр чаще всего принадлежали знати и богатым воинам. Ламеллярная броня состояла из отдельных металлических пластин, связанных ремешками. Жажиточные всадники и дружинники, приближённые к правителю, нередко бронировали не только себя, но и коней. Металлические налобники, нагрудные пластины и украшенные уздечки, найденные в погребениях VII – VIII веков, подтвержда-

ют этот уровень оснащения. Такая тяжёлая конница стала одной из самых грозных сил степи, и византийские авторы не раз отмечали её мощь. В хронике 813 года рассказывается о войске хана Крума, в котором около тридцати тысяч всадников были покрыты железом, что производило сильное впечатление на наблюдателей со стороны.

Среди оружия, характерного именно для степных обществ, выделялся аркан. Верёвочная петля служила не только пастушеским орудием, но и боевым средством. Опытные бойцы с её помощью стаскивали противника с коня, обездвиживали пленников или лишали врага свободы движения. Аркан оставался в употреблении многие столетия, и ещё в XIII веке войска царя Калояна применяли его в сражениях с крестоносцами.

К боевым средствам относился и кнут. В руках умелого всадника он превращался в опасное оружие, которым могли выбить оружие из рук, нарушить равновесие противника или держать противника на расстоянии. Сила и неожиданность удара делали кнут серьёзным дополнением к арсеналу всадника.

Однако главное преимущество протобулгарского войска заключалось не только в вооружении, но и в продуманной тактике. Армия строилась из отдельных отрядов, которые в бою образовывали плотный, но подвижный фронт. Между подразделениями оставляли промежутки, позволявшие перестраиваться в ходе атаки и создававшие для противника впечатление непрерывной линии. Самая тяжёлая и опытная часть войска находилась в переднем ряду, за ней стояла основная масса всадников. Резерв держали между обозом и стройной линией, скрывая его от взглядов врага и не давая возможности оценить настоящие силы протобулгар.

Особенно известной была тактика мнимого отступления. Всадники стремительно атаковали, затем так же быстро отходили, увлекая противника за собой в заранее подготовленное место. Там враг терял плотность строя, оказывался под обстрелом или попадал в окружение. Такой способ ведения боя позволял наносить ощутимый урон при минимальных собственных поте-

рях. Мобильность конницы, умение действовать с разных направлений и разрушать мораль противника становились важнейшими инструментами победы.

В прямом столкновении решающую роль брала на себя тяжёлая кавалерия. Первая линия всадников прорывала строй противника, стремясь отбросить его и создать разрыв. Как только в боевом порядке появлялась брешь, следующие ряды устремлялись в образовавшееся пространство, расширяли разрыв и ломали общий строй. После этого войско противника быстро теряло организованность и обращалось в бегство под ударами и обстрелом лучников.

Военное дело протобулгар представляло собой стройную и выверенную систему, в которой дальнобойный огонь лучников, удары тяжёлой кавалерии, маневренные действия и психологическое давление дополняли друг друга. Булгары не ограничивались умением пользоваться оружием, а выработали собственную тактическую традицию, основанную на гибкости, скорости и точном расчёте, что и позволило им занять одно из ведущих мест среди военных сил своего времени.

5. ОБЩЕСТВО ПРОТОБУЛГАР – СТРУКТУРА И РОДОВАЯ СВЯЗЬ

Общество протобулгар представляло собой многослойную и строго организованную систему, основанную на родовой принадлежности, кровных связях и коллективной ответственности. Эта структура возникла задолго до образования Великой Булгарии, в степях между Тāнасом и предкавказскими равнинами. Там жизнь определялась суровым климатом, постоянной угрозой со стороны соседей и необходимостью поддерживать порядок в большом сообществе. Каждый человек принадлежал своему роду, каждый род входил в состав племени, а племя подчинялось верховной власти хана. Такое устройство обеспечило необыкновенную устойчивость протобулгар и позволило им сформировать государство, которое не исчезло в вихре степных

миграций VII века. Описываемая картина основана на совокупности археологических данных и письменных свидетельств и является исторической реконструкцией их социальной системы.

Основной ячейкой их общества был род. Он носил имя предполагаемого основателя и воспринимался как древняя линия, уходящая в глубины прошлого. Среди наиболее значимых родов выделялись Дуло, Ерми, Укил, Кувиар и Чакарар. Они составляли политическую верхушку, участвовали в выборе вождей, формировали военную организацию и оберегали традиции. В состав рода входили старики, воины, женщины, дети, зависимые люди, пленники и переселённые семьи, так что численность могла достигать сотен человек.

Во главе рода находился старейшина. Он выступал не только как глава, но и как хранитель преданий и связующее звено между живущими и умершими поколениями. Старейшина следил за распределением имущества, исполнял роль судьи, руководил обрядами и отвечал за благополучие рода. Под его надзором поддерживалась и боевая готовность, ведь каждый род должен был выставять определённое число вооружённых всадников, обеспеченных оружием, конями и всем необходимым снаряжением. Хан имел право призвать эти силы в любой момент, и ответственность за их подготовку лежала на роде.

Хотя старейшина был главой рода, он не всегда становился военным предводителем. Если возраст или состояние здоровья мешали ему руководить войском, обязанности переходили к старшему сыну или опытному воину рода. Однако сакральные полномочия, такие как право приносить жертвы высшему божееству и вершить высший суд, оставались за старейшиной до конца его жизни. Такое распределение ролей подчёркивает внутреннее равновесие степной традиции. Старейшина воплощал закон и преемственность, а военный лидер — силу и движение.

Стоявшие на учёте воины и женщины, поддерживавшие хозяйство, считались равными перед родовой властью. Старейшина контролировал распределение обязанностей, имущества и военной добычи, а также участие пленников в хозяйственной

жизни. Пленные становились рабами, но включались в структуру рода и со временем могли получить ограниченные права.

Особое внимание протобугары уделяли детям погибших воинов. Судьба сирот не ложилась тяжким бременем на их матерей, так как весь род принимал их как наследников доблести. Их воспитывали как будущих воинов, и к ним относились с уважением. Род разделял и славу, и ответственность. Если один из его членов проявлял трусость или нарушал клятву, позор падал на всех родственников.

Над родами стояла более крупная структура — племя, которое объединяло близкие и дальние линии. Первоначально племенного вождя выбирали старейшины, опираясь на его храбрость и авторитет. Постепенно, начиная с V века, власть стала передаваться по наследству, и такие вожди превращались в ханов. Их власть воспринималась как освящённая традицией.

Высшая власть принадлежала Великому хану, которого в надписях называли канас юбиги. Его личность связывали с волей высшего божества. Считалось, что хан управляет народом по божественному благословению. Однако эта власть оставалась не абсолютной. Если старейшины убеждались, что бог отвернулся от хана, они могли сместить его и в крайних случаях казнить. Таким образом, власть хана держалась на традиции и согласии всех родов.

Великий хан являлся верховным правителем, главнокомандующим, судьёй и одновременно жрецом. Его слово становилось законом, а ближайшие сподвижники — военные лидеры, советники, жрецы и хранители знаков рода Дуло — претворяли его решения в жизнь. В этой структуре ощущается наследие степных империй, начиная от гуннских союзов и заканчивая тюркским влиянием.

Такое устройство обеспечивало протобугарам необычайное единство. Следуя родовым нормам, помогая друг другу и подчиняясь ханской власти, они сумели не только выдерживать многочисленные войны, но и удержать за собой большие территории. Именно родовая сплочённость дала им возможность пережить

Пути миграции. Иллюстрация из Wikimedia Commons

распад Великой Булгарии и создать два новых государства – Дунайскую и Волжскую Булгарию.

Не случайно до наших дней дошла легенда о стрелах Кубрата. Перед смертью он показал сыновьям, что одиночная стрела легко ломается, а связка стрел остаётся целой. Эта притча выражает не просто нравоучение, а самую суть протобугарского общества. Их сила рождалась из единства рода, взаимной поддержки и готовности идти вперёд плечом к плечу.

6. БАТБАЯН – НАСЛЕДНИК, КОТОРЫЙ ОСТАЛСЯ

После смерти Кубрата Великая Булгария оказалась в положении, которое уже переживали многие раннегосударственные образования Причерноморья и Переволжья. Союзы, основанные на личном авторитете одного правителя, всегда вступали в особенно уязвимую фазу, когда возникал вопрос преемственности. В византийских источниках сообщается, что старшим сыном

Кубрата был Батбаян, называемый в «Именнике» Испором и в поздних толкованиях описываемый как хранитель земли, который остался на исходных территориях своего отца. Его власть распространялась на область между Т́анасом, Меотидой, предкавказскими степями и путями, ведущими к низовьям Ра́-Иделя. Именно здесь зародилась Великая Булгария, и именно здесь Батбаян попытался сохранить её политическое ядро. Описываемая картина основана на совокупности данных и представляет собой историческую реконструкцию событий эпохи.

По наблюдениям исследователей, Батбаян принадлежал к типу степных правителей, для которых главной задачей было не расширение владений, а удержание родовой территории. Его путь отличался от стратегий братьев. Аспарух направился за Истр, Котраг двигался вверх по Ра́-Иделю, Кубер ушёл на запад, тогда как Батбаян предпочёл сохранить власть на земле своих предков. Это не было проявлением слабости. Для рода Дуло старший сын часто становился хранителем вотчинных земель, а младшие получали возможность искать новые пастбища и новые области влияния. Подобная модель соответствовала старым степным обычаям, где разделение власти между братьями служило не поводом для конфликта, а способом распределения обязанностей.

Однако внешняя ситуация менялась стремительно. Хазарский каганат усиливался на востоке, и его влияние доходило до степей около устья Ра́-Иделя, Итиля и каспийских дорог. Хазары быстро формировали крепкое политическое объединение и строили военные, экономические и дипломатические сети. Для земель между Т́анасом, Меотидой и предкавказскими равнинами это означало появление силы, которой трудно было сопротивляться без широкой поддержки соседних племён.

Феофан сообщает, что Батбаян пытался сопротивляться наступлению хазар, но в конечном итоге был вынужден признать их превосходство. Он принял положение вассала хазарского кагана и сохранил власть над частью протобулгарского населения. В степной политической культуре такое положение нередко вос-

принималось как разумное решение. Вассальная зависимость могла приносить защиту, доступ к торговым линиям и относительную автономию. Приняв этот статус, Батбаян удержал преемственность власти рода Дуло в центре старых булгарских земель, и это впоследствии сказалось на распределении культурных и политических традиций.

Археологические материалы, относящиеся к этому времени, показывают смешанную картину. В районах между Т́анасом и Меотидой, а также в Предкавказье обнаруживаются погребения, в которых сочетаются элементы протобулгарской, хазарской и местной традиций. Это отражает процесс постепенного включения части населения в систему хазарского каганата. В то же время в степях, ведущих вверх по Ра́-Иделю, продолжали сохраняться черты прежней булгарской культуры. Такая разнородность говорит о широкой социальной основе, на которой держалась власть Батбаяна.

Его историческая роль связана прежде всего с сохранением политического и культурного центра протобулгар на тех землях, где когда-то возник союз Кубрата. Он не стал вождём миграции или завоеваний, но сумел удержать традицию рода Дуло в условиях растущего внешнего давления. Его путь оказался противоположен путям братьев, однако именно это различие позволило разделению протобулгар на ветви обрести историческую завершенность. Одна часть направилась к Ра́-Иделю и стала основой будущей Волжской Булгарии. Другая перешла через Истр и образовала раннебулгарское государство на Балканах. Третья расселилась по западным и южным степям. А территория, которую удерживал Батбаян, стала тем местом, где сохранялась древняя форма булгарской традиции вплоть до включения её в хазарскую систему.

Батбаян остался не просто старшим сыном Кубрата, решившим не уходить. Он стал правителем переходной эпохи и последним, кто управлял объединённой территорией до её включения в хазарский политический мир. Его значение в том, что именно через него традиция рода Дуло продолжила существо-

вать на земле, где она сформировалась, и благодаря этому будущие поколения исследователей смогли рассматривать историю протобулгар не только через миграции и новые государства, но и через их первоначальный центр, который сохранял старые формы культуры до самого конца.

7. КОТРАГ – ПУТЬ К ИДЕЛЮ И РОЖДЕНИЕ ВОЛЖСКОЙ ВЕТВИ

Среди сыновей Кубрата фигура Котрага занимает особое место. Если Батбаян олицетворял стремление сохранить исходные земли Великой Булгарии, то путь Котрага отражал совершенно другую логику развития. В нём проявилось движение вперёд, поиск новых пространств и создание иного политического центра вдали от Танаиса и Меотиды. Сведения о нём доходят до нас в обрывочном виде. Феофан Исповедник и поздние болгарские традиции называют его сыном Кубрата, уведшим часть племён на северо-восток. Однако общая картина происходивших в середине VII века процессов позволяет довольно уверенно представить его маршрут. Всё, что мы знаем о его перемещении к верховьям Ра-Иделя, является реконструкцией, основанной на совокупности письменных и археологических данных.

После смерти Кубрата Великая Булгария столкнулась с угрозой хазарского давления. Протобулгарским племенам пришлось выбирать между дважды повторявшимися в степной истории решениями. Одни элитные группы стремились удержаться на прежних землях, другие предпочитали искать новые территории, чтобы избежать подчинения. Уход Котрага с союзными родами вверх по Ра-Иделю, вероятно, был продиктован именно этим. Усиление хазар в восточных степях стало очевидным, и те, кто не желал входить в орбиту каганата, выбирали пути, ведущие к удалённым районам, находящимся за пределами прямого контроля. Торговые дороги, которые связывали южнорусские степи с финно-угорскими землями и регионами Камы и Урала, были известны ещё в гуннскую эпоху. Они проходили по сравни-

тельно безопасным направлениям, вдоль лесостепной полосы между Тāнасом и притоками Иделя, что позволяло кочевым группам избегать прямых столкновений с хазарами на раннем этапе их усиления.

Выбор северо-восточного маршрута оказался точным. Земли вокруг верхней и средней Ра̄-Идели представляли собой иной ландшафт. Здесь степи сменялись лесостепью, богатой ресурсами, и население отличалось по культурному и хозяйственному укладу. Здесь жили племена меря, мурома, весь и другие финно-угорские группы. Протобулгары, обладавшие развитой кочевой организацией и навыками степного скотоводства, быстро приспособились к новой среде. Археологические материалы VIII века демонстрируют постепенное сочетание степных форм быта с местными традициями. В ряде районов наблюдается переход к более оседлому образу жизни. При этом военная структура группы Котрага давала возможность удерживать контроль над важными торговыми направлениями, которые связывали богатые мехами северные территории с восточными землями через нижнюю Ра̄-Идель и Каспий.

Перемещение, которое осуществил Котраг, было масштабным. Источники говорят о значительной части булгарских племён, последовавших за ним. Это объясняет появление обширного раннебулгарского археологического материала в верхневолжских и прикамских регионах. Вместе с переселенцами в новые земли пришли политическая традиция рода Дуло, хозяйственные практики степи и элементы воинской иерархии. Постепенно эти группы стали формировать культурный фундамент, на котором позднее возникнет Волжская Булгария.

Судя по реконструкциям историков, Котраг смог избежать прямой зависимости от Хазарского каганата на раннем этапе. В то время как Батбаян вынужден был принять верховенство кагана, Котраг уходил в направлении, где влияние хазар ощущалось лишь косвенным образом. Благодаря этому протобулгары, обосновавшиеся в районе Иделя, сумели выработать собственную политическую модель. К IX — X векам она превратится

в сильное государство с устойчивой системой управления, разветвлённой торговлей и мощным военным потенциалом. Поэтому Котраг выступает не просто как вождь переселения, а как основатель новой ветви, которая сыграет значительную роль в истории Восточной Европы.

Его значение заключается прежде всего в выборе нового направления развития протобулгарского этноса. Великая Булгария Кубрата занимала центр между Та́насом, Ко́росом и Меотидой, а миграция Котрага создала второй центр — северо-восточный, связанный с Ра́-Иделем. Позднее он станет ядром Волжской Булгарии. Это разделение оказалось не только географическим, но и культурным. Булгары Иделя со временем выработали собственную письменность, хозяйственный уклад и религиозные институты. Однако элементы материальной культуры, имена родов и традиции напоминают об общей основе, уходящей к эпохе Кубрата и его сыновей.

Таким образом, Котраг стал ключевой фигурой в формировании раннесредневековых центров власти Восточной Европы. Его уход к верховьям Ра́-Иделя не был случайным и не выглядел бегством. Это был продуманный политический выбор, позволивший части протобулгар избежать растворения в хазарской системе и создать собственную линию развития. Именно она в итоге привела к появлению сильного государства на Иделе, культурно самобытного и исторически значимого.

8. АСПАРУХ — ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ ИСТРУ И РОЖДЕНИЕ ДУНАЙСКОЙ ВЕТВИ

Среди сыновей Кубрата именно Аспарух стал тем, кто определил будущую судьбу западной части протобулгарского мира. Источники связывают его с той группой племён, которая, покинув центральные земли между Та́насом (Доном), Ко́росом (Кубанью) и Меотидой (Азовским морем), направилась к Истру (Дунаю) — не просто как беженцы, но как политическая общность, ищущая новые возможности в условиях стремительного измене-

ния геополитической обстановки. Хазарский каганат к середине VII века уже представлял собой мощную силу, контролировавшую области от нижней Ра̄-Идели (Волги) до степей у Итиля и восточного побережья Каспия. Для протобулгар вопрос заключался в том, принимать ли зависимость или искать пространство, где можно сохранить самостоятельность. И Аспарух, судя по всему, ещё до окончательного распада Великой Булгарии понимал, что юго-западное направление — территория между Понтом Аксинским (Чёрным морем) и Истром — давало шанс на создание нового центра власти вне хазарской орбиты.

По византийским данным, движение Аспаруха происходило через земли, прилегающие к северному побережью Понта Аксинского и к болотистым районам дельты Истра. Эти территории издавна были ареной движения разных народов — скифов, сарматов, гепидов, аваров. Протобулгары, следуя вдоль степных участков между Карпатами и Понтом, использовали хорошо известные кочевые маршруты, что позволяло им сохранить мобильность и избегать прямых столкновений с крупными объединениями. Археологические находки в Северном Причерноморье дают основания говорить о присутствии булгарских групп в районах нижней Прутско-Днестровской зоны — там встречаются элементы материальной культуры, характерные для позднебулгарских комплексов VI — VII вв.

Когда Аспарух и его люди приблизились к Истру, ситуация в регионе была нестабильной. Аварский каганат, ранее претендовавший на власть в Паннонии и к северу от Истра, переживал внутренние кризисы, а Византия, истощённая войнами с арабами и протяжённым фронтом на востоке, не обладала достаточными силами для плотного контроля над северным пограничьем. Таким образом, Аспарух оказался в зоне, где слабость больших государств открывала окно возможностей для создания собственного политического пространства. Его группа протобулгар, по данным византийских источников, укрепилась в области, которая позже получит название Онгъла — укреплённого района в низовьях Истра, защищённого болотами, лесами и разветвлён-

ной речной сетью. Это был природный щит, позволяющий небольшому, но мобильному войску эффективно обороняться.

Решающим моментом в становлении новой болгарской политической структуры стала битва с византийским императором Константином IV, предпринявшим попытку остановить продвижение протобулгар к югу. По Феофану, византийская армия оказалась неспособна вести активные действия в сложном рельефе Онгъла; болгары отразили осаду, воспользовавшись особенностями местности. Победа Аспаруха над византийцами стала важным свидетельством того, что протобулгарская военная организация сохранила свои качества, выработанные ещё в эпоху Великой Булгарии. Войско Аспаруха сочетало мобильность степной кавалерии с умением использовать ландшафт — фактор, который не раз проявлялся в степной тактике.

После победы Аспарух вывел часть своих союзных племён на юг от Истра, в область, богатую пастбищами и стратегически значимую для контроля над Балканскими путями. Византийцы, осознав невозможность удержания региона, были вынуждены заключить с Аспарухом договор, признающий новую политическую реальность. Так возникло государственное образование, которое позже хронисты назовут Дунайской Булгарией. Хотя это слово появится позднее, факт остаётся: власть Аспаруха закрепилась на обширной территории между нижним Истром, побережьем Понта Аксинского и внутренними областями, примыкающими к древним фракийским землям.

То, что Аспарух сделал, было не просто миграцией. Это был процесс трансформации этноса: от степной конфедерации — к оседлому государственному образованию, в котором прото-булгары начали взаимодействовать со славянскими племенами, проживавшими между Истром и Балканскими горами. Археологические материалы VIII века ясно демонстрируют сочетание степных и местных элементов в раннебулгарской культуре: погребения с конской упряжью соседствуют с поселениями славянского типа, а кочевые воинские традиции накладываются на местные формы земледелия и ремесла. Этот синтез станет ос-

новой будущей болгарской государственности, которая сыграет значительную роль в истории Средневековых Балкан.

Историческая значимость Аспаруха заключается не только в том, что он возглавил миграцию. Он создал новый центр политического влияния, позволивший протобулгарам интегрироваться в регион, где столкновение степных и оседлых культур породило новое государство. Его путь завершил распад Великой Булгарии, но одновременно стал началом новой эпохи — периода, в котором протобулгары стали одним из ключевых народов юго-восточной Европы.

9. КУБЕР — БУЛГАРСКАЯ ЛИНИЯ В ЮГО-ЗАПАДНЫХ ЗЕМЛЯХ

Среди сыновей Кубрата путь Кубера заметно отличается от маршрутов его братьев. В отличие от тех, кто искал новые земли на севере или востоке, он выбрал западное направление, где степи постепенно сливаются с балканскими предгорьями. Источники не оставили подробной биографии Кубера, но сохранившихся сведений достаточно, чтобы увидеть общую логику его движений и понять, каким образом болгарская традиция оказалась в южных областях Балкан.

После смерти Кубрата объединение, которое удерживалось на авторитете рода Дуло, распалось на несколько ветвей. Батбаян остался в районе Тánаса и Меотиды, Котраг направился к верховьям Ра — Иделя, Аспарух выбрал путь к нижнему Истру. Кубер же оказался среди тех булгар, чьи группы уже долгое время входили в среду Аварского каганата. К середине VII века внутри каганата нарастала нестабильность. Ослабление власти, споры среди знати и давление соседей постепенно разрушали прежний порядок. Эти условия и дали Куберу возможность вывести часть булгар, которые находились под аварским контролем, и направить их к юго-западным землям.

Продвижение в глубь Балкан происходило не стремительно, а постепенно. Кубер искал место, где его люди могли бы закре-

питаться и жить относительно спокойно. Поздние хронисты помещают его общину в область древней Пеонии, в районе современной Северной Македонии. Такое направление выглядит вполне логичным, поскольку южнобалканские территории находились на пересечении многочисленных дорог, были защищены рельефом и редко получали достаточное внимание от византийской администрации, поглощённой войнами на других фронтах.

Немногочисленные археологические находки подтверждают присутствие выходцев из степей именно там. В погребениях VII века встречаются предметы, явно не местные. Детали конской упряжи, железные пряжки и вооружение северопонтийского типа напоминают вещи, характерные для болгарской среды. Хотя количество таких находок невелико, их вполне достаточно, чтобы уверенно говорить о переходе групп, которые сохраняли собственные традиции.

Оказавшись рядом с владениями империи, Кубер стремился создать устойчивую основу для жизни своих людей. Он пользовался слабой защитой западных провинций, вёл переговоры со славянскими общинами и византийскими гарнизонами. Этот способ действий сочетал степное наследие и элементы дипломатии, характерные для пограничного византийского мира. Поздние авторы упоминают попытки Кубера влиять на ситуацию внутри империи, что позволяет предположить наличие у него амбиций, выходивших за пределы обычного лидерства над переселенцами.

Тем не менее прочного объединения на новой территории его группе создать не удалось. На пути стояла сложная мозаика местных традиций. В западных Балканах тесно переплетались следы фракийских, иллирийских, славянских и греческих культур. Любая небольшая степная община в этих условиях неизбежно сталкивалась с сильной ассимиляционной средой. Люди Кубера сумели сохранить свою собственную идентичность, но не превратились в самостоятельный центр силы, подобный тому, что сформировали Аспаруховые болгары на нижнем Истре или болгары Котрага у среднего Иделя.

Однако это не умаляет значения Кубера. Его путь показывает широту исторических возможностей, которые открылись перед потомками Кубрата после распада Великой Булгарии. Он стал носителем той ветви, что вышла за пределы степной зоны и столкнулась с иной реальностью юго-западных Балкан. Здесь болгарские традиции взаимодействовали с романизированным населением, с древними земледельческими общинами, с византийскими структурами и со славянами, уже занявшими часть региона. В таких условиях возникли локальные группы, которые позже растворились в более широких этнокультурных образованиях, оставив в них лишь отдельные следы степного происхождения.

Путь Кубера дополняет два других направления, по которым двигались сыновья Кубрата. Он показывает, что болгарский мир не распался безвозвратно, а преобразился в несколько линий развития. Аспарух создал важнейший центр в нижнедунайских землях, Котраг заложил основу будущего государства на Иделе, а Кубер перенёс наследие степи в юго-западное пространство Балкан. Его линия не стала ведущей, но она демонстрирует способность болгар адаптироваться к самым разным условиям и оставлять след в регионах, лежащих далеко за пределами исходной территории Великой Булгарии.

10. АЛЦЕК — ЗАПАДНАЯ ВЕТВЬ И СЛЕД БУЛГАР В ИТАЛИИ

Среди сыновей Кубрата Алцек занимает место, которое выделяется не масштабом его власти, а дальностью его пути. Он считается младшим, и источники рассказывают о нём меньше, чем об Аспарухе или Котраге. Однако именно Алцек увёл часть протобулгар дальше всех. Его люди пересекли Дунай, миновали западные Балканы и оказались в мире, который позднеантичные хронисты называли Италией. Хотя его община была небольшой, она оставила заметный след в истории Западной Европы и вписала болгарское имя в традиции Апеннин.

После распада Великой Булгарии и усиления хазарского давления многие протобулгарские группы оказались перед выбором. Одни соглашались жить в системе каганата, другие искали новые земли. Движение Алцека стало частью этого общего процесса. По свидетельству Павла Диакона, автора «Истории лангобардов», Алцек с соплеменниками вышел из причерноморских степей через область нижнего Истра и направился к западным районам Балкан, где влияние аваров оставалось ощутимым, хотя уже заметно ослабло. Путь, описанный в поздней традиции, вероятно, пролегал вдоль дорог, которые вели от Сингидунума, современного Белграда, к внутренним областям Центральной Европы.

Решающим моментом стал контакт Алцека с лангобардами. В VII веке они контролировали значительную часть северной и центральной Италии. Павел Диакон сообщает, что булгары Алцека сперва обратились к одному из лангобардских герцогов в Баварии, а затем получили разрешение поселиться уже в самой Италии. Король Перктарит принял их благосклонно. Для лангобардов появление группы опытных степных всадников было выгодным, ведь они укрепляли контроль над провинциями, где романизованное население не всегда поддерживало германских правителей.

По данным того же Павла Диакона, Алцек и его люди были размещены в районах Сепинума и Бовианума, на территории древнего Самния. Эти земли соответствуют нынешнему Молизе. Часть булгар поселили в областях, прилегающих к луканским горам. Все эти регионы представляют собой чередование холмов и каменистых долин вдоль центральной оси Апеннин. Булгары Алцека пришли сюда со степным укладом, но встреча с иной природной средой и более развитой земледельческой культурой постепенно изменила их хозяйство. Археологические находки VII – VIII веков подтверждают присутствие степной группы. Среди них встречаются пряжки тюркского типа, детали конской упряжи и украшения, схожие с северопонтийскими образцами. Эти предметы немногочисленны, но достаточно показательны.

Особенность болгар Алцека заключалась в их способности сохранять собственное имя и внутреннюю структуру, оставаясь в окружении иного мира. Павел Диакон подчёркивает, что они не растворились среди местного населения и продолжали жить отдельной общиной. Такой результат был возможен лишь при сильной родовой верхушке, которая происходила из степной знати. Алцек сумел добиться для своей группы условий, редких для степных мигрантов того времени. Он получил признанное местное управление, сохранив при этом внутреннюю автономию. Этот факт показывает, что он был не просто вождём переселенцев. Он действовал как опытный лидер, способный обеспечить группе выгодное положение в чужой среде.

Булгары Алцека не создали государство, однако их присутствие в Италии оставило заметный след. Исследования местных названий и антропонимии выявляют возможные болгарские элементы. Поздние источники ещё спустя века упоминают «bulgarī» как небольшие группы жителей в тех же областях. Это говорит о том, что ассимиляция была медленной, а память о происхождении сохранялась значительно дольше, чем можно было бы ожидать от небольшой переселенческой общины.

Историческое значение Алцека состоит не в масштабах его власти и не в завоеваниях. Его путь показывает предельную широту пространства, которое охватили протобулгары в эпоху распада великого объединения Кубрата. Линия Аспаруха ушла к Истру, линия Котрага к Иделю, линия Кубера — к юго-западным Балканам. Алцек же стал самой западной точкой этого огромного движения. Его судьба показывает гибкость болгарской традиции, которая позволяла ей сохраняться даже там, где культура была совершенно иной. Протобулгары Алцека не исчезли бесследно. Они оставили часть себя в традициях регионов, где поселились, и стали напоминанием о том, каким разнообразным и широким было расселение народа, вышедшего из степей между Тánасом, Кóросом и Меотидой.

11. ПУТИ СЫНОВЕЙ И ЕДИНЫЙ КОРЕНЬ

Когда обращаешься к истории сыновей Кубрата — Батбаяна, Котрага, Аспаруха, Кубера и Алцека — внимание прежде всего привлекает не само их расхождение, а общая основа, которая продолжала просматриваться даже после распада Великой Булгарии. Объединение Кубрата просуществовало недолго, однако именно в нём впервые проявилась способность протобулгар собирать различные племенные элементы в одну политическую структуру. Это образование возникло в результате процессов, тянувшихся со времён позднесарматских культур, затем пришедших через гуннский период и союзные конфигурации утигуров, кутригуров и оногуров. Когда эти силы оказались сведены в единый центр, возникло поле политического притяжения, на основе которого несколько ветвей болгарской традиции смогли получить свои собственные исторические направления. Всё это передаётся нам через реконструкции, основанные на сравнении археологических и письменных данных.

Распад объединения нередко воспринимают как утрату прежнего единства. Однако в степном мире подобное явление скорее напоминает естественный этап развития. Движение сыновей Кубрата в разные стороны — к верховьям Рӑ-Иделя, за Истр, в западные области Балкан и даже в Италию — показывает, что протобулгары обладали не только военной силой, но и способностью к поиску новых пространств. Каждая из ветвей выбрала свой путь адаптации. Одни сохранили старые земли, другие создали новые центры власти, третьи нашли возможности в изменившихся политических обстоятельствах. В этих направлениях можно увидеть своеобразный веер исторических вариантов, который раскрывается из одной точки, возникшей благодаря объединению Кубрата.

Такое движение заставляет задуматься о природе их идентичности. Протобулгары никогда не были неподвижным этносом. Их устойчивость формировалась в процессе движения, однако основа культуры оставалась целостной. Она держалась на внут-

ренной структуре, включавшей родовые связи, систему управления, социальные нормы и военную организацию. У народов степи устойчивость редко опирается на привязку к земле, поскольку сама их жизнь строится на мобильности. Поэтому сохранение болгарских традиций в разных регионах — на Иделе, за Истром, в Пеонии и в землях лангобардов — не выглядит парадоксом. Это продолжение той же структуры, которая проявляет себя в разных средах, не меняя внутреннего каркаса.

Объединяющий принцип в их истории проявляется не в существовании одного государственного организма, а в способности порождать несколько, сохраняющих общие черты. Такое явление можно описать как единство, которое продолжается в разведении путей. Каждая ветвь развивалась самостоятельно, но сохраняла исходный стержень. В этом и заключалось наследие Кубрата. Оно не сводилось к территории или четко очерченному государству. Оно проявилось в умении его народа сохранять свою культурную основу, даже когда обстоятельства заставляли искать новые направления.

Если попытаться выразить этот процесс через образ, который был бы понятен мировосприятию степи, можно представить его как ветви, отходящие от одного корня, или как реки, начинающие путь из одного источника. Ра̑-Идель несёт свои воды, Истр — свои, реки Македонии — иные, а потоки Апеннин — ещё одни. Однако все они связаны с единой системой водного источника, так же как линии сыновей Кубрата восходят к единому родовому основанию, существовавшему когда-то между Та́насом, Ко́росом и Меотидой.

Историческая перспектива позволяет увидеть, что разнообразие путей обеспечило протобугарам долговечное присутствие в разных частях континента. Те, кто пошёл к Ра̑-Иделю, создали сильное государство с развитой экономической системой. Те, кто направился за Истр, стали частью политического ландшафта Балкан и сыграли важную роль в истории византийского мира. Те, кто сохранил старые территории, удерживали древнюю форму болгарской традиции, взаимодействовавшую

с соседними культурами. Те, кто переместился в западные области, сумели адаптироваться при другом политическом порядке, не утратив памяти о своих истоках.

В конечном счёте история протобулгар показывает важный принцип. Целостность народа определяется не только наличием общего государства, а существованием культурной матрицы, которая способна проявляться в разных условиях. Степная традиция удерживает себя благодаря гибкости. Потоки могут расколоться, но каждый несёт в себе частицу общего начала. Именно так можно сказать о сыновьях Кубрата. Каждый пошёл своим путём, но все они сохранили связь с той традицией, которая возникла в пространстве между морем, реками и степью, где формировался народ, умеющий меняться, но не забывать корень, из которого вышел.

12. ДУНАЙСКАЯ ВЕТВЬ ПРОТОБУЛГАР — ДВИЖЕНИЕ АСПАРУХА И РОЖДЕНИЕ НОВОЙ ДЕРЖАВЫ

После смерти Кубрата Великая Булгария оказалась под давлением силы, чьё влияние стремительно росло в степях восточного Причерноморья. Хазарский каганат менял политический баланс региона и разрушал прежние связи. В этих условиях сыновья Кубрата были вынуждены искать территории, где можно

было сохранить власть и продолжить традицию рода. Среди всех направлений, которые выбрали его наследники, путь Аспаруха стал одним из наиболее значимых в истории.

Дорога к Дунаю и выбор Онгала

Когда хазарские войска начали давить на оногундуrow, Аспарух повёл своих людей на запад. Это было не бегством, а продуманным перемещением, которое проходило постепенно, с укреплением каждого нового рубежа. Дорога пролегла через пространство между Днестром и Прутом, где степь переходила в влажную низинную местность, разбросанную озёрами, протоками и труднопроходимыми болотами.

Именно здесь — в зоне, получившей впоследствии название Онгал — Аспарух выбрал место для долговременной обороны. Природная среда образовывала естественную крепость. Болота, заросли и участки твёрдой земли делали местность выгодной для лёгкой конницы и крайне неудобной для пехоты, особенно тяжёлой византийской. Булгары начали усиливать позиции земляными насыпями и рвами, что было шагом от кочевых стоянок к постоянным укреплённым лагерям.

В этом районе произошло первое столкновение Аспаруха с мощью империи.

Сражение с войском Константина IV

В 680 году византийский император Константин IV направил крупную армию и флот, намереваясь выбить булгар из района Дуная. Империя не желала появления новой силы у своих северных границ. Однако незнакомая византийцам местность сыграла решающую роль. Войско оказалось в запутанном пространстве болот. Строй распался, части оторвались друг от друга, а отступление стало неупорядоченным.

Булгары нанесли удар в тот момент, когда противник попытался выйти из труднопроходимой зоны. Аспарух использовал знание местности, и его всадники, скрывавшиеся в зарослях, окружили разобщённые подразделения. Император покинул поле боя, уходя к кораблям, а его армия понесла серьёзные потери и утратила боеспособность.

Эта победа изменила положение болгар. После неё Аспарух уже не просто уводил свою орду от давления хазар. Он формировал самостоятельное государство.

Переход Дуная и закрепление в Моззии

Победа открыла путь для перехода Дуная. Аспарух занял земли Моззии, где степь на севере сочеталась с плодородными долинами и старой системой римских дорог. Балканские горы прикрывали тылы и затрудняли византийские вторжения. Территория оказалась удобной и для конницы, и для формирования устойчивой хозяйственной базы.

Здесь Аспарух заключил союз со славянскими общинами, уже жившими в регионе. Вместо конфликта возникло взаимодействие, основанное на практических интересах. Славяне получали защиту, а болгары — хозяйственную основу и численную поддержку. Такое сочетание усилий оказалось гораздо эффективнее, чем изоляционное существование каждой стороны.

В 681 году Византия признала новую политическую реальность и заключила мирный договор, который фактически закреплял образование Дунайской Болгарии. Это было первое официальное признание династии Дуло на новых землях.

Возникновение Плиски

Закрепившись в Моззии, Аспарух выбрал место для нового центра власти. Оно находилось между Шуменскими высотами и Каспичанским плато, где сходились пути, ведущие с северных степей к Фракии и далее к Константинополю.

Будущая Плиска представляла собой крупный укрепленный стан с глубокими рвами, высокими валами и деревянными стенами. Неровная форма укреплений соответствовала степной традиции. Внутри располагался аул правителя, хозяйственные постройки и помещения для воинов. Когда стало ясно, что болгары закрепились надолго, на месте деревянных укреплений начали возводить каменную цитадель. Она включала дворец, храмы, святилища и дома приближенных.

Вокруг цитадели со временем выросли жилые районы родов и воинов. Здесь появились ремесленные кварталы, рынки, обо-

ронительные линии. Постепенно Плиска превратилась в настоящий город и стала сердцем нового государства. Сохранившиеся руины демонстрируют масштаб первоначальной столицы — широкие улицы, густую сеть укреплений и остатки больших сооружений.

Сила союза и формирование новой общности

Когда болгары закрепились в Моэзии, они оказались в пространстве, где давно жили многочисленные славянские общины. Эти племена обладали развитым хозяйством, однако были политически раздроблены. Булгары же имели организованную военную структуру и единое руководство, но нуждались в демографической опоре.

Именно сочетание этих качеств привело к образованию союза, который стал основой будущего государства. Булгары взяли на себя внешнюю политику, оборону и руководство военными делами. Славяне сохранили внутреннее самоуправление, хозяйство, старейшин и традиционный уклад. Постепенно их военные силы начали включаться в общую армию. Булгары давали мобильную конницу, славяне — многочисленную пехоту и оборонительные отряды.

Византийские авторы конца VII — начала VIII века уже описывают болгар и славян как единое войско, что отражает быстроту интеграции. Это было не растворение одного народа в другом, а возникновение прочной многоэтнической общности, в которой разные элементы работали на общую цель.

Союз стал фундаментом болгарской государственности. Он позволил Аспаруху удержать власть, создать столицу, укрепить границы и обеспечить развитие страны на многие поколения вперёд. Именно благодаря этому взаимодействию Дунайская Болгария превратилась в одну из заметных держав средневековой Европы.

13. ПУТЬ КОТРАГА – СТАНОВЛЕНИЕ ВОСТОЧНОЙ БУЛГАРСКОЙ ОРДЫ И НАЧАЛО ИСТОРИИ БУДУЩЕЙ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ

Кубра́т и Котра́г – па́мять да́льних времён,
С Иде́лем Булга́р неразры́вно.
Где во́ля и путь – э́то дре́вний зако́н,
Что сте́пь собра́ла воеди́но.

Единство болгарских союзов держалось на престиже хана Кубрата и силе рода Дуло. Когда эта опора исчезла примерно в середине VII века, привычные связи ослабли. Степной мир, где ещё не сложилась устойчивая надродовая структура, сразу же отреагировал расползанием союзов в разные стороны.

В это же время на востоке набирал мощь Хазарский каганат, опиравшийся на династию Ашина. Его правители смотрели на земли болгар как на часть своего политического пространства. Соперничество Дуло и Ашина имело давнюю историю, и самостоятельные болгарские группы становились естественной целью хазарской экспансии. В таких условиях сыновья Кубрата оказывались перед выбором: попытаться сопротивляться, принять власть кагана или искать новые земли. Один из наследников, Батбаян, остался на традиционных территориях, признав зависимость от хазар. Другие выбрали отход в разных направлениях.

Котраг направился на северо-восток, в сторону переходной полосы между степью и лесостепью. Там влияние каганата ощущалось слабее, а пространство позволяло не быть поглощённым усиливающимся государством. Это движение было не бегством в панике, а продуманным переселением, целью которого становилось создание нового центра власти, способного сохранить традиции рода Дуло и дать булгарам шанс на политическую самостоятельность. Описываемая картина основана на сопоставлении археологических находок и немногочисленных письменных свидетельств и является исторической реконструкцией событий той эпохи.

Формирование восточной орды Котрага — состав, структура, цели Объединение, которое последовало за Котрагом, не было случайным скоплением людей. Его основу составляли булгарские группы кутригурского и оногурского круга, ранее входившие в состав Великой Булгарии. Эти союзы отличались крепкими родовыми связями и уже сложившейся военной организацией. К ним присоединились и другие элементы степного мира. Среди них были потомки сарматских племён, отдельные угорско-финские кланы, давно жившие в районах лесостепей, а также тюркские роды, некогда ориентировавшиеся на западнотюркскую власть и не желавшие переходить под прямой хазарский контроль.

Большая часть новых подданных оставалась кочевой или полукочевой. Это давало орде способность перемещаться на большие расстояния, не теряя боеспособности. Котраг действовал в традиции степного правителя высокого ранга. Он организовал своих людей в жёстко упорядоченную структуру, где были разграничены родовые группы, военные подразделения и хозяйственные единицы. Внутри орды находились кузнецы, ремесленники, скотоводы, воины, возчики, охотники и жрецы, поддерживавшие связь с сакральной стороны традиции.

Главной задачей, которую ставил перед собой этот союз, было не просто уйти подальше от хазар. Целью становилось создание новой ставки, нового дома, где можно было бы восстановить систему власти, воспроизводить родовые связи и поддерживать хозяйство. Особая роль отводилась мобильности. Орда должна была уметь в любой момент перейти к обороне, нанести удар или продолжить движение, и именно эта гибкость обеспечила ей выживание в первые десятилетия переселения.

Письменные источники не называются точного количества людей в орде Котрага, однако современные исследовательские оценки сходятся на достаточно узком диапазоне. По расчётам историков, опирающихся на демографию кочевых союзов и опыт других миграций гуннов, аваров и ранних тюрков, чис-

Volga Bulgarian state 7th-12th century (Mihail Nikoloff) Красными стрелками показан путь Котрага (~677 г) к месту автономного проживания ~680 г. Черными стрелками показан путь посольства Ибн Фадлана (921 г).

ленность могла достигать примерно шестидесяти тысяч человек, из которых около двенадцати тысяч составляли воины.

Продвижение на северо-восток — маршруты, темп, столкновения После закрепления в степях между нижним Танасом и Приазовьем Котраг повёл свою орду вдоль водных путей, позволяющих постепенно выйти к средним течениям Иделя и Камы. Движение шло ступенчато. Сначала осваивались земли между Доном и Медведицей, затем орда продвигалась в районы верховьев Хопра и Суры, а далее подходила к водоразделам правобережных притоков Волги.

Выбор этого направления имел несколько причин. Здесь располагались богатые пастбища и сенокосы, пригодные для больших стад. Наличие рек упрощало перемещение и давало

доступ к рыбе, соли, древесине. Освоение таких пространств позволяло булгарам сохранить привычный уклад и одновременно воспользоваться преимуществами лесостепи. Кроме того, влияние хазар на этих рубежах было заметно слабее, чем в нижнем течении Дона или у Кавказа.

Однако дорога не была мирной. Хазарские пограничные отряды пытались остановить продвижение булгар. По реконструкциям историков, несколько столкновений произошло на северных участках Дона и в районах, где степь смыкалась с переходами к Волге. Эти конфликты оставались локальными. Хазарский каганат не мог перебросить сюда значительные силы, поскольку его внимание было сосредоточено на укреплении власти в низовьях Иделя и у Итиля. Булгары Котрага пользовались преимуществами манёвренной конницы. Они наносили быстрые удары, вытесняли небольшие гарнизоны и продолжали движение на северо-восток. Археологические материалы — разрушенные укрепления и находки оружия VII века — косвенно отражают эти ранние столкновения.

Выход к Иделю и формирование нового центра Достигнув средних течений Иделя, вероятно в окрестностях Жигулёвских гор, орда вошла в зону, сильно отличавшуюся от привычной южной степи. Здесь сливались реки, тянулись леса, находилось много зверя и рыбы, а местами уже существовали земледельческие участки. В этих условиях булгары начали переходить от чистого кочевничества к смешанному укладу. Часть людей продолжала подвижную жизнь, а другая часть обустроивала зимовки, укрепленные стоянки и первые постоянные поселения.

Археологические комплексы VIII века в среднем Поволжье показывают появление небольших укреплений, валов и рвов, которые связывают с ранними булгарскими группами. В этой зоне уже жили финно-угорские племена — мордва, марийцы, предки удмуртов и чувашей. Они занимались земледелием, бортничеством, рыболовством, что дополняло булгарский хозяйственный уклад. Встреча этих миров не привела к крупным разрушениям. Новые пришельцы не стремились уничто-

жить местное население, а включали его в сферу своего влияния.

Со временем возник новый центр силы, где булгары выступали не только как военная знать, но и как носители власти и ритуально-идеологической традиции, определявшей устройство общества, в то время как местные племена обеспечивали его численность, хозяйственную устойчивость и повседневную жизнь. В этой модели можно заметить черты, сходные с теми, что позже проявятся на Дунае при объединении с местным славянским населением. Так начинался переход от рассеянной орды к устойчивому политическому образованию, которое через два или три века превратится в зрелую Волжскую Булгарию.

Военные кампании и борьба за автономию Даже уйдя далеко к северо-востоку, булгары не могли полностью избежать столкновения с каганатом. Вероятнее всего, уже в первые десятилетия, примерно в 680–690 годах, хазары предприняли несколько походов в сторону новых земель Котрага. Эти кампании не были длительными, но имели важное значение.

Хазары стремились включить новые области в свою податную систему. Булгары, напротив, пытались сохранить политическую самостоятельность. В результате сложилась модель, при которой формально признавалась зависимость, однако внутреннее управление оставалось в руках местной элиты. Такая форма отношений отражала компромисс. Каганат получал право на дань и торговые привилегии, булгары сохраняли реальную автономию.

Основные столкновения происходили на южных подступах к Самарской Луке и на правом берегу Иделя. Булгарские отряды использовали маневр, лучный бой и внезапные налёты. В условиях лесостепи тяжёлая конница и крупные отряды хазар теряли часть своих преимуществ. В одном из таких сражений, которое исследователи относят к 680–685 годам, булгары нанесли каганату ощутимое поражение. После этого хазарские правители предпочли отказаться от постоянного военного давления и перешли к контролю через торговлю и договорные формы зависимости.

Так восточная орда перестала быть только переселенческой группой. Она закрепились как самостоятельная сила, вокруг которой начал формироваться новый политический центр. Именно отсюда берёт начало линия булгар Иделя, ведущая к появлению городов Булгара, Биляра, Сувара, к расцвету ремесла, принятию ислама и укреплению того этнического ядра, из которого позднее выйдут татары.

Котраг и его орда как связующее звено между Кубратом и Иделем. Котраг и собранная им орда выступают прямым историческим мостом между объединением Кубрата и будущей Волжской Булгарией. Через них проходит кровная и политическая линия степных булгар, которая затем соединится с финно-угорскими и тюркскими компонентами и станет одним из фундаментальных слоёв в истории народов Среднего Поволжья.

Последние годы Котрага и начало эпохи Волжской Булгарии Когда восточная орда окончательно достигла средних участков Иделя и Камы, долгий путь переселения подошёл к завершающему этапу. В лесостепных пространствах с широкими поймами рек, дубравами и хвойными массивами булгары, следовавшие за Котрагом, обрели относительную стабильность. Появление первых постоянных поселений в излучинах Иделя показывает, что орда уже не рассматривала своё присутствие как временное

Археологические материалы, относящиеся к VIII веку, демонстрируют наличие организованного управления. Появляются укрепленные площадки, закономерно расположенные стоянки, признаки планомерного распределения территории. Всё это было бы невозможно без сильной центральной власти, и потому исследователи уверены, что Котраг не только довёл своих людей до новых земель, но и успел заложить основу политического устройства, которое позднее выльется в раннюю Волжскую Булгарию.

Местные финно-угорские общины, жившие здесь задолго до этого, постепенно вошли в сферу влияния новой элиты. Они продолжали свои хозяйственные практики, но признавали руко-

водство болгарских правителей, привнесших с собой более развитую военную и политическую организацию. Авторитет Котрага в этот период, судя по реконструкциям, был чрезвычайно высок. Он представлял собой прямого потомка Кубрата, носителя памяти о времени, когда болгары были объединены в одну Великую Булгарию. Поэтому упрочение его власти в Поволжье воспринималось как установление порядка в регионе, где до того сосуществовали разобщённые, слабо связанные между собой поселения.

Так Котраг стал предком той элиты, которая в последующие столетия будет управлять ранней Булгарией Иделя и развивать основы будущей государственности.

Точная дата его смерти в источниках не названа. Исходя из того, что начало движения орды относится к 660–665 годам, а закрепление на новых землях приходится на 680–690 годы, предполагают, что последние годы жизни он провёл уже в складывающемся центре на Иделе. С учётом средней продолжительности жизни правителей кочевых обществ, обычно оцениваемой в шестьдесят – семьдесят лет, наиболее вероятной считается смерть на рубеже VII и VIII веков, около 690–700 годов. Этот промежуток совпадает с окончанием миграционного этапа и появлением устойчивых болгарских поселений в среднем Поволжье.

Многие детали биографии Котрага остаются неясными. Не известно место его рождения, имена членов его семьи и точное расположение первой ставки на новых землях. Не сохранились и собственные надписи, которые могли бы напрямую рассказать о его деяниях. Данные о военных походах также восстанавливаются косвенно, по обрывочным упоминаниям и археологическим следам.

Тем не менее общий облик его истории остаётся вполне различимым. Котраг занимает одно из центральных мест в ранней истории тюрко-болгарских общностей. Его путь завершает распад Великой Булгарии и в то же время открывает новую линию, связанную с формированием булгар Иделя. Он не оставил после

Хан Котраг основатель Булгарии Иделя (реконструкция)

себя громких монументальных надписей, но оставил политическую традицию, которая пережила столетия и стала важной частью истории народов Среднего Поволжья, включая современных татар.

14. БУЛГАРИЯ ИДЕЛЯ VIII — IX ВЕКА

Период VIII — IX веков в истории булгар Иделя кажется почти невидимым в письменной традиции, но именно археология делает его удивительно осязаемым. Орда Котрага к этому времени уже завершила свой дальний путь из степей Великой Бул-

гarii и прочно обосновалась в лесостепных землях среднего Иделя и Камы. Городские формы, сложившаяся система власти и оформленные религиозные институты ещё только предстоит увидеть в X — XI веках, но именно в то время закладывалась основа будущего могущества, будущего экономического подъёма и формирования того мира, который позднее будет известен как Волжская Булгария, а её население станет прямыми предками современных татар.

В течение этих двух столетий происходят глубокие изменения. Складывается новое соотношение народов, выстраивается верховная власть, идёт приспособление к иной природе, происходит переход от степной к лесостепной модели хозяйства, появляются укрепленные оседлые центры, растут ремесло и торговые связи. Прямых свидетельств от самих болгар этого времени немного, но комплексы Среднего Поволжья позволяют с достаточной уверенностью восстановить общий облик эпохи. Всё ниже изложенное представляет собой историческую реконструкцию, опирающуюся на данные раскопок, нумизматику и внешние источники.

Укрепление орды после переселения Котрага

К концу VII столетия болгары Котрага заняли пространство, охватывающее средний Идель и его правые притоки — Свиягу, Суру, Шешму, Малую Черемшу и ряд более мелких рек, удобных для зимовок и летних пастбищ. Выбор этих земель не был случайным. Здесь сочетались возможности степных и лесных зон. Такие условия позволяли одновременно поддерживать кочевое коневодство, развивать земледелие, заниматься рыболовством, бортничеством, охотой и торговлей.

В первые десятилетия VIII века болгары создают сеть укрепленных стоянок. Это небольшие площадки с валами и рвами, которые служили и защитой, и знаком присутствия власти. Археологи находят их поблизости от будущих центров Булгара, Биляра, Сувара, Тухчины и других поселений. Эти укрепления показывают, что орда перестала быть постоянно кочующей, начала контролировать округу и формировать устойчивые хозяйственные зоны.

Состав населения постепенно меняется. Потомки кутригуров, оногундугов и других булгарских групп всё теснее взаимодействуют с финно-угорскими племенами — марийцами, мордвой, предками удмуртов. Здесь не просматривается картина насильственной ассимиляции. Скорее можно говорить об обмене навыками и формами жизни. Булгары перенимали у местных земледельцев опыт обработки поля, лесные промыслы, а финно-угорские общины включались в систему верховной власти булгар и их военного устройства. Уже в VIII веке складывается двойная основа будущего населения Иделя. Булгарская верхушка удерживает руководство, а финно-угорское население даёт основную массу земледельцев и ремесленников. Эта связка сохраняется вплоть до XIV века.

Власть рода Дуло под хазарским надзором

Несмотря на нехватку прямых текстов, ясно, что в VIII — IX веках булгары Иделя сохраняли внутреннюю самостоятельность, но при этом признавали верховенство Хазарского каганата. Эта зависимость не была подавляющей. Булгарские общины платили умеренную дань мехами и изделиями ремесла, а хазары не вмешивались в устройство верхних уровней власти.

Главное в этот период — сохранение престижной династической линии. Потомки Дуло продолжают занимать место верховных правителей. На это указывают позднейшие сведения Ибн Фадлана о древнем роде булгарских владетелей, найденные погребальные комплексы VIII — IX веков с богатым инвентарём, а также постоянство ряда тамг — родовых знаков на предметах и камне, которые связывают с раннетюркскими символами Дуло. Так династическая традиция, уцелевшая после распада Великой Булгарии, получила новое развитие в Поволжье и стала опорой будущей верховной власти булгар Иделя.

Система управления в эти века складывается как многоуровневая. На вершине стоит ильк-хан, верховный правитель потомков орды Котрага, обладавший сакральным авторитетом и выступавший от имени булгар в контактах с хазарскими каганами. Ниже находятся тарханы, бэки, эмиры — наследственная знать,

ведущая роды и командующая военными отрядами. В их орбиту входят старейшины финно-угорских общин, рассматриваемые как союзники, отвечающие за хозяйственные районы. Постепенно формируются постоянные военные округа, система сбора налогов, регулирование торговли и движение караванов. Ещё рано говорить о завершённом государстве, но уже нельзя видеть в булгарах только кочевую орду.

Экономика VIII – IX веков – становление смешанного хозяйства

Именно в этот период хозяйственная жизнь Иделя меняет свой облик. Кочевое и полукочевое коневодство остаётся основой военной силы и символом степного происхождения булгар. Табуны лошадей, стада овец и крупного скота дают возможность быстро выдвигать конные отряды, обеспечивать перевозки и обмен.

Земледелие развивается всё активнее. Под влиянием местных племён булгары осваивают культуру проса, ячменя, пшеницы, бобовых. На поселениях VIII – IX столетий находят зернотерки, серпы, железные лемехи, что показывает не эпизодическое, а вполне устойчивое земледельческое производство.

Ремесло выходит на новый уровень. Появляются кузницы и литейные мастерские, центры обработки кости и рога, изготовление украшений, оружия, деталей конской упряжи. К концу IX века многие поселения уже имеют ремесленные кварталы, а в слоях раскопок находят многочисленные шлаки, формы для литья, керамику, свидетельствующую о развитом местном производстве.

Торговля превращает Идель в одну из ключевых артерий Евразии. Булгарские поселения включаются в Волго-Каспийский путь, соединявший северные земли и Скандинавию с Хазарией, Средней Азией, Кавказом и странами мусульманского Востока. Булгары вывозят меха белки, соболя, лисы, шкуры и кожу, металл, лошадей, мёд, воск, рыбу. Взамен приходят серебряные дирхемы, шёлковые ткани, оружие, изделия из стекла, зерно, предметы роскоши. Уже в IX веке в археологических слоях на-

ходят монеты Омейядов и Аббасидов, византийские денежные знаки, товары из Средней Азии и Хорезма. Всё это показывает, что экономика региона не была замкнутой и участвовала в широких обменных сетях.

Военное дело и отношения с соседями

Хотя крупные войны этого времени почти не описаны в текстах, напряжение вдоль границ ощущалось постоянно. Потомки орды Котрага должны были защищать свои владения от хазарских набегов и давления, а к концу IX века и от печенежских союзов. Ранние мажарские группы, проходившие через Поволжье, также могли становиться соперниками в борьбе за пастбища и пути. К этому прибавлялись мелкие столкновения с местными отрядами и разбойничьими группами.

Военная сила болгар VIII – IX веков объединяла несколько компонентов. Наследием Великой Булгарии оставалась тяжёлая конница с хорошим вооружением и защитой. В лесостепных условиях усилилась лёгкая конница, способная действовать раздельными отрядами в пересечённой местности. Пехота пополнялась за счёт местного населения, становилась опорой при обороне укреплённых пунктов и брода через реки. Вдоль водных путей и дорог выставлялись заслоны, обеспечивавшие контроль движения.

Способ ведения боевых действий сохранял черты степной школы. Булгарские отряды опирались на манёвр, внезапный удар, ложное отступление, быстрые рейды и разрушение обозов. Такая тактика затрудняла прямое завоевание их земель ни хазарами, ни другими кочевыми объединениями. Даже признавая формальную зависимость, болгары оставались самостоятельной силой, к которой приходилось считаться.

Культурные сдвиги и первые шаги к исламу

VIII – IX века стали временем сложного сосуществования разных культов. В среде болгар сохранялся тенгрианский пантеон, почитание небесного божества и духов стихий, живы были культы предков, элементы шаманских практик. Торговые связи с иранскими и среднеазиатскими землями приносили отдельные

элементы зороастрийской традиции. Одновременно усиливались контакты с мусульманским Востоком.

Есть основания предполагать, что первые проповедники ислама появились в регионе уже к концу VIII века. Однако их влияние оставалось ограниченным купеческой средой и отдельными группами. Верхушка болгар в тот период ещё не связывала себя с новой верой. Лишь в X веке, во времена Алмуша, ислам будет принят как религия правящего слоя и получит официальный статус.

К концу IX века болгары Иделя уже предстали как сложное образование с устойчивой династией, системой сборов и повинностей, сетью региональных центров, развитой экономикой и многоэтничным населением, спаянным общей структурой власти и хозяйства. Это ещё не та Волжская Булгария, которую описывают арабские путешественники X — XIII веков с её крупными городами Булгаром и Биляром, мощным войском и зрелыми институтами. Но именно из состояния VIII — IX веков вырастет классическая Волжская Булгария высокого Средневековья, готовая принять ислам, расправить торговые связи и стать одним из важных центров Иделя и всего восточноевропейского пространства.

15. X ВЕК И ПРАВЛЕНИЕ АЛМУША

К началу X века болгары Иделя, прошедшие через этапы переселения, оседания и внутреннего созревания, вступили в новый период, когда их мир перестал быть малоизвестным краем на северных рубежах великих держав. Предыдущие века, VIII и IX, стали временем внутреннего складывания. Булгары возводили укрепления, создавали ремесленные центры, вырабатывали устойчивые формы власти, утверждали авторитет рода Дуло, занимали важные рубежи на водных путях Иделя и Камы. Но именно X столетие превратило этот ранний союз в зрелое государство, о котором заговорили далеко за пределами Поволжья. Главной фигурой этого подъёма стал Алмуш, известный

в источниках как Аль Муш или Альмас. Это первый правитель, чьё имя уверенно читается в письменных источниках и при котором Волжская Булгария впервые осознала себя не просто союзом племён, а полноформенной силой с собственной волей и курсом.

К моменту, когда Алмуш вступил на вершину власти, земли болгар занимали широкую дугу от нижней Камы до Самарской Луки и от заволжских лесов до степей Башкирии. Эта территория уже не выглядела пёстрой смесью кочевников и лесных общин. Здесь действовала стройная система управления. Потомки степной знати, будучи элитой, выстроили вокруг себя порядок, напоминавший развитое раннесредневековое государство. Существовали сборы податей, военные округа, под надзором находились караванные маршруты, а сеть укреплённых поселений образовывала каркас всей страны.

Главной опорой хозяйства и контактов стала Идель (Волга) — крупнейшая артерия Евразии. В X веке по этому пути двигались серебряные потоки из Хорасана, меха из Скандинавии и Руси, ткани и металл из Средней Азии, стекло и оружие из пределов Византии. Булгары стояли на перекрёстке направлений и быстро превращались в хозяев и посредников этого огромного пути. Через их руки проходили серебряные дирхемы, дорогие ткани, изысканные ремесленные изделия, восточный фарфор, монеты Аббасидов. Богатство стекалось к Иделю, и это богатство требовало новой организации жизни.

Именно на этом фоне процветающей торговли начинается рост настоящих городов. Внутреннее развитие вступает в фазу, когда уже недостаточно привычной племенной и родовой иерархии. Появляется потребность в более чёткой вертикали власти, в управляемых центрах, в единой религиозной опоре. Алмуш оказался тем, кто сумел использовать этот момент. Он унаследовал уже крепкую систему, но поднял её на новый уровень. Будучи представителем древнего рода Дуло, он действовал как владыка, осознающий масштабы страны и её место в широком мире. Его правление обычно датируют периодом

около 895–925 годов, и именно в эти десятилетия Волжская Булгария вступила в прямые отношения с крупными державами Востока.

Алмуш понимал, что его стране необходима защита от степных угроз, в первую очередь от Хазарии, которая всё ещё стремилась держать под контролем торговые пути. Хазарский каганат в IX — X веках уже переживал время ослабления, но оставался сильным соседом, способным вмешаться в дела Идея. В этих обстоятельствах Алмуш искал опору вовне и одновременно стремился укрепить свой статус в глазах местной знати. Ему была нужна высокая внешняя поддержка и общая духовная основа, способная связать разные народы его владений.

Так появилась мысль обратиться к Аббасидскому халифату, к Багдаду, не только за религиозной помощью, но и за признанием и покровительством. Булгары уже давно торговали с исламским миром, но раньше эти контакты были делом купцов и отдельных общин. Теперь же созревала потребность оформить

связь на уровне правителя и страны. Результатом этого шага стал приезд к берегам Иделя посольства Ибн Фадлана в 922 году, одного из самых ярких эпизодов всей болгарской истории.

В 922 году миссия из Багдада во главе с Ахмадом ибн Фадланом достигла болгарских земель. Он оставил подробное описание страны, быта, обычаев и порядка, что сделало его труд незаменимым источником для понимания жизни болгар X века. В его рассказе Алмуш предстает правителем высокого ранга, окружённым знатью, войском и сложной системой церемоний. При нём уже существовал оформленный двор, отдельные ритуалы приёма послов, устойчивые придворные традиции.

Алмуш в присутствии знати и гостей официально принял ислам. Это событие было не частным выбором, а публичным актом, который менял положение всей страны. Правителю вручили титул эмира болгар, особые одежды, золотые украшения, грамоту, подтверждающую его положение как владыки области, входящей в круг исламской цивилизации. Внешне это выглядело как признание Болгарии частью большого мира, центр которого находился в Багдаде.

Принятие ислама при Алмуше стало решающим шагом, затронувшим все стороны жизни. В плане отношения к соседям Болгария выходила из тени Хазарии, где господствовал иудаизм, и становилась союзником мощного халифата. Это придавало болгарской земле вес и престиж, открывало возможности для защиты и опоры. В дипломатических контактах страна начала восприниматься как самостоятельный участник исламского мира, а её правитель получил официальное признание эмиром, с которым считались и в Багдаде, и в других духовных центрах.

Внутри страны ислам сыграл роль связующего основания. Он предложил общую систему представлений о мире для разных групп населения болгар степного происхождения, финно угров лесной зоны, тюркских родов, земледельцев и городских жителей. Общая вера стала тем, что облегчало подчинение единым нормам и обычаям, позволило выстроить более целостное общество. В культурной сфере принятие ислама вызвало подь-

ем. На арабской графике появилась письменность, расширилось использование книг, усилилось значение учёных и духовных наставников, возникла сеть мечетей, медресе, книжных мастерских. X век в этом отношении стал временем резкого ускорения, когда болгарский мир начал выходить из рамок раннего средневековья и приближаться к уровню развитой городской цивилизации.

Одновременно с духовной переменой происходил резкий рост городов. Это один из ключевых процессов X столетия. Археологические материалы убеждают, что именно тогда на Иделе сложились первые настоящие городские центры, представлявшие собой не просто укрепленные лагеря, а сложные организмы с ремесленными кварталами, рынками и духовными учреждениями. Город Булгар, который уже в IX веке существовал как укрепленный торговый пункт, при Алмуше превращается в крупный центр власти и веры. Здесь строят первую каменную мечеть, появляются кварталы ремесленников, склады, пристани, закладываются фундаменты больших строений. В слоях X века находят десятки тысяч серебряных дирхемов, арабские надписи, печати и множество предметов восточного происхождения, что ясно говорит о включении города в широкие торговые сети.

Сувар, вероятно ещё более древний, чем Булгар, становится крупным узлом на пути к Уралу и северным лесостепям. Его знают купцы Востока как место, где сбывают металлы, меха и привозные изделия. Биляр, возникающий к концу X века, уже в XI — XII столетиях вырастет в один из крупнейших городов Восточной Европы, превосходящий по масштабу многие центры Руси и степных владений.

Рост городов тесно связан с исламизацией, включением Булгарии в мировой рынок, расширением ремесла, укреплением верховной власти и появлением каменного строительства мечетей, медресе, стен, общественных зданий. Волжская земля X века — это уже не кочевое пространство, а страна городов, ремесленных поселков, ярмарок, пристаней и дорог.

Алмуш — эмир Булгарии Иделя (художественная реконструкция)

Правление Алмуша стало временем укрепления границ, создания более организованного войска, оформления органов управления, упорядочивания обычного права и сбора налогов, активной дипломатии. Для халифата болгарский эмир превратился в важного северного союзника, который стоял перед лицом степных угроз и закрывал северное направление исламского мира. Полученный от Багдада авторитет позволил Алмушу удержать внутреннюю опору и проводить линию, выгодную его земле. После принятия ислама он установил прямые связи с центрами Средней Азии и Кавказа, что усилило приток учёных, мастеров, товаров и новых идей.

Значение X века для истории волжских булгар трудно пе-

реоценить. Именно с этого времени можно говорить о зрелости их власти и культуры. Если VIII и IX столетия были временем становления, переселения и приспособления, то X век стал подлинным рождением державы. Появились первые собственные письменные свидетельства, сформировались города, ислам стал основой духовной жизни, хозяйство вошло в круг международной торговли, власть рода Дуло достигла завершённой формы, а булгары заняли своё место в мировой истории как отдельный народ.

Алмуш в этой картине предстает не просто правителем, а создателем болгарского мира X века. Он сумел превратить население Иделя из региональной силы в развитое государство, которое пережило смену эпох, построило торговые города и оставило культурное наследие, ставшее важной частью исторического пути современных татар.

16. ВЛАСТИТЕЛИ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ ОТ АЛМУША ДО ПОСЛЕДНЕГО ЭМИРА

К концу X века болгарская земля уже не напоминала ту полуседлую территорию, которая в VIII – IX веках только начинала пускать корни в лесостепи. Теперь это была страна, вступившая в зрелую эпоху. Она развивала власть, укрепляла порядок, росла экономически и культурно. Потомки рода Дуло за несколько поколений сумели превратить союз степных всадников и жителей лесных долин в развитое государственное образование, известное далеко за пределами Иделя. О Булгарии знали в Средней Азии, на Руси, в странах Кавказа и у Каспия. Именно в этот период появляются первые имена правителей, которые зафиксированы надёжно, и каждый оставил след в городах, торговых путях, законах, ремёслах и письменной культуре. История булгар X – XIII веков – это восхождение, которое завершается столкновением с монгольским нашествием, но успевает создать прочную цивилизацию, ставшую частью будущего этногенеза татар.

Начало новой эпохи связано с Алмушем, первым правителем Волжской Булгарии, чьё имя сохранили письменные источники. Его правление относят примерно к 895–925 годам. С его времени в булгарских городах появляется арабская письменность, строятся первые мечети и медресе, активизируются контакты с восточными странами. Поселение Булгар постепенно превращается в город с ремесленными дворами, рынками и пристанями. Разговорная речь остаётся огуро-тюркской, однако в религиозной и деловой жизни всё заметнее становится арабский язык. На территории будущей Казани археологические слои X века свидетельствуют о существовании первых укрепленных поселений и ремесленных кварталов.

После смерти Алмуша власть, насколько позволяют судить поздние сведения, перешла к его сыну Микаилу ибн Джаффару. Его предполагаемое правление относят к 925–943 годам. Надёжных текстов эпохи нет, и фигура Микаила известна главным образом по родословным XV – XVI веков. Ибн Фадлан действительно упоминал сыновей Алмуша, хотя их последующая судьба в ранних текстах не прослеживается. Всё, что приписывается Микаилу, относится скорее к реконструкции, чем к прямому свидетельству, однако именно в его время мог укрепиться городской центр Булгара, что совпадает с археологической картиной X века.

Следующим правителем в поздних генеалогиях называют Талаба ибн Микаила. Его вероятное правление помещают в 943–960 годы. Экономический подъём середины X века подтверждён массовым поступлением серебряных дирхемов, раскопками ремесленных дворов и развитием торговли. Однако связать эти процессы с конкретным именем невозможно. Это часть более поздней традиции, пытавшейся заполнить пробелы в ранней истории.

Далее в родословных появляется Мухаммад ибн Джагфар. Ему приписывают правление в 960–976 годах. Археология показывает, что исламизация действительно усилилась в этот период, о чём свидетельствуют новые религиозные объекты и изменения

в погребальном обряде. Но привязка этой трансформации к Мухаммаду основана исключительно на поздних родословных.

Следом упоминают Абдуллу ибн Микаила. Его правление условно относят к 976–1006 годам. Археология рубежа веков фиксирует рост ремёсел, разнообразие городской продукции и появление устойчивого монетного обращения. Однако имя правителя не подтверждено источниками эпохи.

Поздняя традиция помещает за ним Тагира ибн Микаила. Предполагаемое правление относят к 1006–1010 годам. В это время действительно укреплялись рубежи, строились сторожевые укрепления и контролировались караванные пути, хотя лица, руководившие этими работами, не названы в ранних текстах.

Далее списки называют Мусу ибн Микаила, которого помещают в 1010–1025 годы. Активные связи Булгарии с Русью, Кавказом и восточными странами подтверждены археологией, нумизматикой и товарами восточного происхождения. Но имя правителя остаётся частью позднего переписывания традиции.

Следующим становится Барджиль ибн Муса. Предполагаемое правление относят к 1025–1035 годам. Военное усиление середины XI века действительно отмечено письменными известиями соседей, но конкретный правитель опять не назван.

Середина XI века в поздних генеалогиях связывается с именем Шамгуна. Его правление помещают в 1035–1061 годы. В этот период Булгария сталкивалась с нападениями печенегов и с первыми появлениями половцев. Русские летописи рассказывают об этих событиях, хотя не называют имена болгарских владык.

Следом идут Ашраф ибн Муса и Азгар ибн Барджиль. Их предполагаемые правления относятся к 1061–1067 и 1068–1079 годам. Археология этих десятилетий показывает развитие религиозных школ, мастерских и металлургических центров, однако имена правителей в текстах эпохи отсутствуют.

Затем в списках встречается Тамян ибн Азгар. Его периодом считается 1079–1118 годы. Археология Биляра и Булгара действительно показывает стремительный рост городов и ремес-

ленных кварталов, однако конкретный правитель эпохи остаётся неизвестным.

Далее идёт Барадж ибн Тамян, которому отводят примерно 1118–1164 годы. Это время многократно подтверждённого расцвета торговли и ремесла. Его предполагаемый преемник Габдулла ибн Барадж, помещённый в 1164–1178 годы, связан с легендами об административных реформах, которые не подтверждены ранними документами.

Затем следует Идрис ибн Габдулла. Его возможное правление относят к 1178–1206 годам. XII век стал временем высокой зрелости болгарской государственности, о чём свидетельствуют архитектурные комплексы, плотная сеть городов и развитая торговля. Но имена правителей этого периода в источниках не встречаются.

Достоверная линия начинается только с XIII века. Габдулла Челбир, правивший примерно в 1206–1229 годах, подтверждён Рашид ад Дином и персидскими хрониками. Он укрепил Булгар и Биляр, создал систему оборонительных линий и готовил страну к возможному столкновению с войсками Чингисидов. Его деятельность подтверждается и археологией, и письменными свидетельствами.

Последним правителем независимой Булгарии был Ильгам хан, правивший в 1229–1236 годах. Его имя зафиксировано у Рашид ад Дина и в русских летописях о походах Батыя. Ильгам хан пытался укрепить оборону на Иделе, однако монгольское продвижение оказалось слишком сильным. Сначала пал Булгар, затем был разрушен Биляр. После падения основных центров Казань также оказалась под властью завоевателей. Так завершился домонгольский период болгарской истории, насыщенный ремёслами, торговыми городами, дипломатией, войнами и культурными достижениями.

За четыре столетия язык болгар менялся, но сохранял огуротюркскую основу и постепенно включал кипчакские элементы. Он находился в тесном контакте с финно-угорской средой. Письменная культура всё это время оставалась арабской, начиная

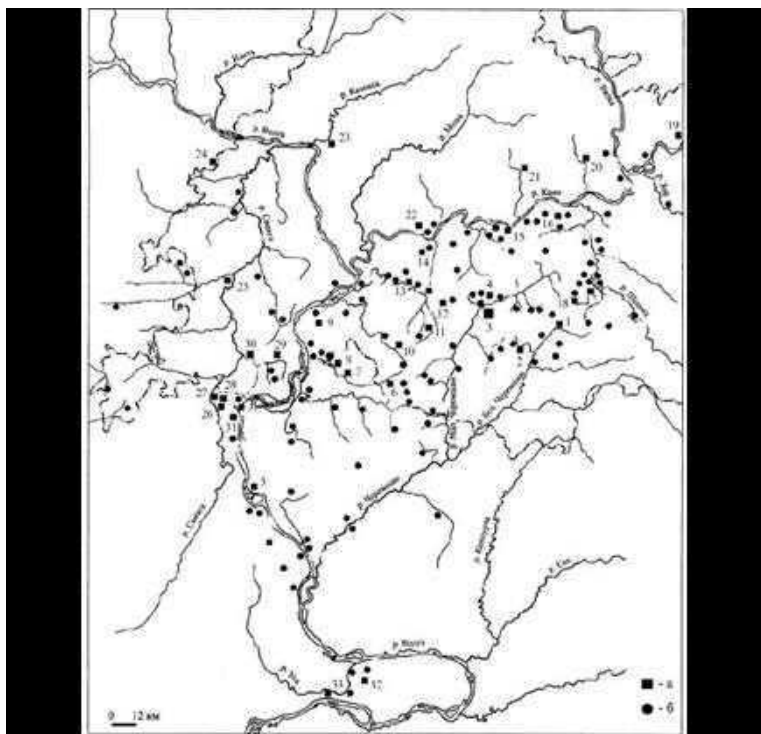
с первых строк учеников медресе времён Алмуша и заканчивая надписями на монетах XII века. Эта письменность создала первые школы, архивы и правовые документы, которые пережили даже монгольское господство.

Так разворачивалась история Булгарии Иделя. Это был путь от первых молитв Алмуша в деревянных мечетях до каменных стен городов, встречавших войска Батыя. Путь от мастерских Булгара, где рождались изящные украшения, до шумных рынков Биляра. Путь от небольшого селения у устья Казанки до будущего города, которому предстоит стать центром народа. Эта цивилизация создала собственную архитектуру, письменность, систему власти и культурный облик. Она не исчезла под натиском времени и легла в основу памяти, языка и образа мира, которые сформировали татарский народ.

17. ГОРОДА ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ ДО МОНГОЛЬСКОГО НАШЕСТВИЯ

Когда мы вглядываемся в карту Среднего Иделя эпохи X — XIII веков, трудно сразу поверить, что эта земля, которую позднее часто называли окраиной великих империй, представляла собой страну городов. Не сеть случайных стойбищ и не цепь временных укреплений, а большие, сложные, самостоятельные городские миры со своими правилами и укладом. Волжская Булгария вошла в историю как страна, чья сила и богатство держались не только на коннице степного происхождения. Главной опорой были города, свободные и трудолюбивые, наполненные ремеслом, торгов, мастерскими и каменными постройками, которых не знали многие соседи.

Помимо крупных и средних городов, территория Волжской Булгарии была густо покрыта сетью небольших укрепленных поселений, феодальных усадеб и ремесленных пунктов. Их было значительно больше, чем собственно городов, и именно они обеспечивали устойчивость всей системы, связывая городские центры с сельской округой и ресурсной базой.

Карта населенных пунктов ■ — город ● — укреплённое поселение

Такая картина Булгарии существовала до монгольского нашествия 1236 года. Её можно представить по столицам и торговым лагерям, пристаням и ремесленным центрам, по тем городам, которые стали сердцем будущей татарской цивилизации и задали ей городской характер.

Когда ислам впервые пришёл на берега Иделя в 922 году, послы халифа увидели не пустынную землю и не кочевые орды, а страну, где уже сформировались мощные городские линии. Булгар, главный центр Булгарии, стоял на высоком берегу реки, окружённый пригородами, стенами и кварталами, сложенными

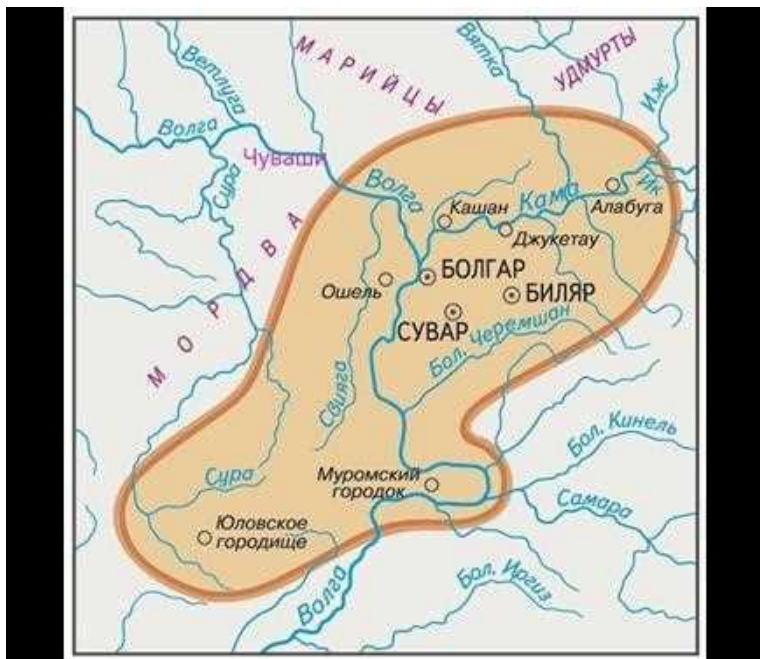

Иллюстрация Wikimedia Commons

из дерева и камня. Здесь шумели рынки, гудели пристани, а в мастерских без остановки трудились кузнецы, стеклодувы, ювелиры и кожевники. Булгар жил в ритме международной торговли. В его рядах лежали арабские и хорезмийские товары, византийские ткани, изделия местных мастеров, а на улицах звучали голоса купцов и посредников из разных стран Востока. Город был центром власти и одновременно духовным ядром. В нём появились первые мечети и школы, начала складываться письменная традиция, создавались архивы и деловые бумаги на арабской графике.

Однако Булгар был лишь одним из опорных центров большой сети, занимавшей пространство от Камы до Самарской Луки. Вторым большим городом стал Биляр, который в XI — XII ве-

ках превратился в крупнейший город страны. Площадь его укреплений была столь велика, что современники сравнивали размеры Биляра с крупнейшими городами своего времени. Валаовые линии окружали сотни гектаров, внутри которых располагались ремесленные кварталы, мечети, площадные рынки, дома знати и служебные комплексы. Археологи по праву называют Биляр одним из самых больших городов Восточной Европы той эпохи, и это не фигура речи. Здесь жила значительная часть верхушки общества, сюда стекались товары и сюда тянулись дороги со всех сторон.

Третьим ключевым центром был Сувар, который многие исследователи считают более древним, чем Булгар. Время как будто постепенно оседало здесь в слоях земли. Старые кварталы сменялись новыми, а в культурных пластах лежали тысячи фрагментов керамики, оружия, ювелирных изделий, стекла и кирпича. Сувар был известен купцам как место, где можно было приобрести уральский металл, меха, продукцию болгарских ремесленников, восточные ткани и обереги. Это был город мастерства, где отлично знали металл и дерево, кость и стекло. Украшения, сделанные в Суваре, археологи находят далеко за пределами Поволжья, включая скандинавские земли.

На севере тем временем поднималась звезда Казани. Сначала здесь существовали небольшие укрепленные поселения X века на берегах Казанки. Затем возникли ремесленные слободы и охранные посты, где размещались представители болгарской власти. И только в XII веке Казань стала полноценным городом с собственными кварталами, оборонительными валами, административными функциями и развитыми ремёслами. В отличие от Булгара, Казань с самого начала была пограничным городом. Она стояла на северной линии, где начинались леса и отходили пути к рекам, ведущим в земли финно угорских племён. Её роль была связующей и охранной. Именно это пограничное положение во многом помогло Казани пережить монгольское нашествие и войти в последующую историю как один из важнейших центров.

Жизнь Волжской Булгарии, однако, не ограничивалась четырьмя главными городами. Вся страна была покрыта сетью больших и малых центров. Ошель на Иделе служил крепостью и ярмарочным местом, которое хорошо знали на Руси. Джукетау на Каме был богатым пунктом, через который проходили меховые караваны. Бриняч, Кашан, Тухчин, Кондурча, Джаукент, Услонские городища — все они составляли сложную и живую мозаику. Одни города специализировались на металлургии, другие были узлами торговли, третьи имели оборонное значение. Одни контролировали переправы и броды, другие следили за караванными путями, третьи обслуживали речные пристани.

Эта сеть городов работала как целостная система. Булгар был духовным и властным ядром. Биляр концентрировал управление, торговлю и военную силу. Сувар обеспечивал ремесленную базу. Казань отвечала за безопасность северных направлений. Джаукент и Ошель связывали страну с северными и западными землями. Вместе они создавали внутреннюю устойчивость и делали Булгарию развитой страной, способной не только торговать и воевать, но и растить собственную культуру.

Вопрос численности населения особенно важен для понимания масштаба этой системы. Археологические материалы позволяют утверждать, что Волжская Булгария была густо заселённой. Современные оценки позволяют предполагать, что в пределах её территорий жило от восьмисот тысяч до примерно миллиона человек. Это по меркам Средневековья было огромным показателем. Города давали население в диапазоне от ста пятидесяти до двухсот пятидесяти тысяч жителей. Это делало булгарскую землю одной из наиболее урбанизированных областей Восточной Европы того времени. В одном только Биляре могло жить до шестидесяти тысяч человек. В Булгаре — около сорока тысяч. В Суваре — примерно двадцать пять тысяч. Казань насчитывала от пяти до десяти тысяч жителей.

Эти города находились на перекрёстке миров, где сходились товары Востока, Европы и Скандинавии. Через булгарские рын-

ки проходили серебряные дирхемы, восточные ткани, стеклянные сосуды, оружие, меха, ювелирные украшения. Мастера из болгарских городов славились далеко за пределами своей страны. Они производили высококачественную сталь, выполняли сложные инкрустации, работали со стеклом и костью, создавали украшения, которые становились предметами престижного обмена на огромных расстояниях.

Такой была Волжская Болгария накануне монгольского удара. Это была страна, где города играли роль не только мест проживания. В них сосредотачивались знания, ремесло, дипломатические контакты, торговые связи и коллективная память. Городская среда стала фундаментом, который позволил болгарскому наследию сохраниться даже после тяжёлых разрушений XIII века.

И сегодня, когда мы смотрим на руины Булгара, на каменные основы Биляра, на археологические слои Казани и Сувара, перед нами раскрывается не просто набор отдельных памятников. Мы видим единую систему городов, которая когда-то формировала облик страны, задавала ей ритм жизни и оставила след, различимый спустя многие столетия.

18. НЕСВОБОДА КАК НОРМА ЦИВИЛИЗАЦИИ – РАБСТВО И ЗАВИСИМОСТЬ

Для человека Средневековья несвобода была не исключением, а частью привычного порядка вещей. Мир VI – XVI веков строился не вокруг идеи личной свободы, а вокруг подчинённости, долга и зависимости. Почти везде – от Средиземноморья до степей Евразии – существовали формы рабства и подневольного положения. Люди принадлежали господам, родам, общинам, государям. Это считалось естественным устройством жизни.

Рабство не воспринималось как нечто из ряда вон выходящее. Оно было встроено в хозяйство, в военное дело, в социальную иерархию. Даже там, где слово «раб» старались не употреб-

лять, зависимость принимала десятки форм — от домашней службы и долгового подчинения до полного лишения прав. Свободных людей в современном смысле слова в этом мире было немного.

В VI — VII веках Евразия представляла собой мозаику разных систем зависимости. В Византии и Иране несвободных использовали в сельском хозяйстве, ремесле, армии и крупных хозяйствах знати. У тюрков Западного каганата зависимого человека называли «кул» — им мог стать пленник, разорившийся бедняк или тот, кто добровольно перешёл под защиту сильного рода. У аваров и ранних протобулгар пленные постепенно превращались в людей, утративших возможность вести самостоятельную жизнь. Среди германских народов рабы и полусвободные литсы составляли основу сельской экономики, а у франков и лангобардов значительная часть деревенского населения находилась под властью землевладельцев.

С VIII по X век, по мере усиления исламского мира, формы несвободы усложнились. В халифате рабы могли быть не только слугами, но и воинами, чиновниками, торговыми агентами. Система оставалась жёсткой, но иногда открывала путь к высокому положению. Хазария стала одним из крупнейших узлов торговли пленниками — людей уводили из степей, с Руси, с северных окраин Европы и отправляли в Багдад, Сирию, Хорасан. На севере викинги захватывали людей на восточноевропейских берегах и продавали их в торговых центрах Балтики.

Степные общества создавали собственные модели зависимости. Здесь существовали нухари — служилые воины, формально несвободные, но обладавшие оружием, конём и высоким статусом. Пленный, попавший к тюркам или монголам, часто становился частью рода своего хозяина. Такая жизнь была суровой, но не всегда безнадёжной, потому что существовала возможность выслужиться, получить покровительство и со временем стать полноправным членом общины. Степная несвобода строилась вокруг личной зависимости и защиты, а не вокруг античного представления о «говорящем орудии».

На Руси в IX — XII веках сложилось холопство — особая форма полной зависимости. В холопы попадали по долгу, за преступление, из-за бегства, по браку или по рождению. Холоп считался собственностью господина, но чаще всего занимался хозяйственной или домашней работой. Похожие формы подчинённости существовали и у народов Волго-Камского региона — у мордвы, марийцев, поволжских финнов.

К XII — XIII векам человек всё чаще становился товаром. Русские княжества продавали пленников на юг. Половцы уводили людей на рынки Крыма. Через болгарские земли проходили торговые пути, по которым вместе с серебром и товарами Востока двигались и потоки пленных. Несвобода стала частью большой экономической системы.

XIII век принёс новый масштаб подчинения. Монгольские завоевания сопровождались массовыми угодными населения. Людей переселяли, распределяли по ремесленным центрам, включали в хозяйственные и военные структуры. Но даже здесь несвобода не всегда была пожизненной. Некоторые пленные становились мастерами, воинами, приближёнными и в отдельных случаях получали свободу и положение.

В XIV — XVI веках, в эпоху Золотой Орды, Руси и Казанского ханства, старые формы зависимости сохранялись. В исламской традиции обращение с пленными смягчалось возможностью выкупа или освобождения. На Руси холопство постепенно оформлялось как наследственная форма несвободы. В ордынских войсках активно использовали пленных. В Казанском ханстве существовало ясырство — угон людей во время войн с возможностью последующего выкупа.

На протяжении тысячелетия несвобода оставалась общим языком цивилизации. Пленный был естественным итогом войны. Зависимый человек — привычной частью общества. Это не считалось ни дикостью, ни признаком отсталости. Так жили все — от Европы до степей Евразии. Каждый народ выработал собственную модель зависимости, и сравнение этих систем — болгарской, русской, ордынской, казанской — позволя-

Берестяная грамота N 98/100 с упоминанием о рабыне и холопе

ет лучше понять мир, в котором жили поколения средневековых людей.

19. РАБСТВО И НЕСВОБОДА В БУЛГАРИИ ИДЕЛЯ И НА РУСИ

Сравнивая формы несвободы в Волжской Булгарии и на древнерусских землях, невозможно ограничиться только общими выводами. Здесь приходится опираться на разные типы источников, иначе картина получится неполной. Археология, письменные свидетельства и правовые тексты показывают два мира, в которых зависимые люди существовали по разным правилам. В мусульманской Булгарии несвобода была явлением в основном внешним и затрагивала тех, кто попадал в плен во время войн. На Руси же развилось внутреннее и наследственное холопство, участвующее во всех слоях общественной жизни. Эти различия видны и в земле, и в документах.

Волжская Булгария X — XII веков жила под влиянием исламского права. По фикху запрещалось обращать в рабство мусульманина. Это правило становилось естественным барьером, который отделял местных жителей от категории несвободных. Надгробные камни из Болгара и Суvara дают тому наглядное подтверждение. На них перечислены социальные статусы покойных, среди которых встречаются учёные, знатные люди, купцы, воины, караванные старейшины. Ни одна из этих надписей не использует термин, соответствующий понятию раба, по отношению к местному населению. Там, где археологи ис-

следовали жилые кварталы, отсутствуют признаки массового рабского труда. Не обнаружены бараки, не найдено помещений, похожих на тюрьмы или места для содержания больших групп пленников. Материальных свидетельств рынков рабов не выявлено, однако письменные источники и торговый контекст региона указывают на существование такой практики. В мастерских Булгара и Суvara прослеживаются семейные и цеховые формы организации труда. На окраинах города находят железные кольца XI века, но рядом обычно лежат конские путы, что позволяет трактовать эти находки как хозяйственный инвентарь, а не как кандалы. Всё это согласуется с исламской нормой выкупа пленного. В арабских списках сохранилось письмо багдадского халифа ал-Муктади, где отмечено, что булгары придерживаются обычая освобождения пленников за выкуп.

В Древней Руси картина была иная. Археологи Новгорода, Владимира, Москвы и Смоленска постоянно находят железные цепи, оковы, деревянные колодки. Новгород выделяется особенно, что объясняется широким распространением долгового и судебного холопства. Обнаружены и помещения, предназначенные для содержания несвободных. Они низкие, тёмные, закрытые, с одной дверью и следами частого ремонта. Письменные источники полностью подтверждают археологические наблюдения. В берестяных грамотах встречаются прямые упоминания сделок с людьми. Там присутствуют формулы вида «дал холопа» или «взял холопку», а также записи о продаже рабынь. Эти документы являются прямым доказательством внутренней формы несвободы. Существует устойчивый миф об отсутствии рабства на Руси, связанный с более поздними представлениями о социальной истории, тогда как источники свидетельствуют о наличии развитых форм несвободы.

Русская Правда закрепляла статус холопа или раба как имущества хозяина. За их убийство не следовало наказания как за лишение жизни человека — возмещался лишь материальный ущерб владельцу. В тексте закона это формулировалось прямо:

«А в холопе и в робе виры нетуть; но оже будеть без вины убиен, то за холоп урок платити или за робу, а князю 12 гривен продаже».

Иначе говоря, жизнь несвободного не имела собственной правовой ценности и она оценивалась как утрата вещи, а не человека. При этом между холопами и рабами существовали различия происхождения и формы зависимости. Рабство чаще было связано с пленом или покупкой, тогда как холопство включало более широкий круг людей — местных жителей, попавших в несвободу по долгу, наказанию, браку или рождению. Однако в правовом отношении это различие почти не имело значения — и холоп, и раб рассматривались прежде всего как собственность, лишённая самостоятельного статуса личности. Позднейшие судебные документы лишь усиливают эту модель. Беглых несвободных возвращали владельцам и подвергали телесным наказаниям, подтверждая их полную зависимость от хозяина.

Булгарские текстовые источники демонстрируют противоположный подход. Ибн Фадлан, наблюдавший жизнь булгар в начале X века, отмечает, что пленный, принявший ислам, получал свободу. Он упоминает и о выкупе пленников, который считался делом чести для общины. Ордынские документы XIII века сообщают, что в Булгар привозили русских пленников, главным образом женщин и детей, и их нередко отпускали после выкупа. Этот факт показывает, что зависимость в Булгарии носила внешний характер и не превращалась в основу хозяйства.

Отличия отчётливо видны и в судебных документах. В русских духовных грамотах XIV — XV веков упоминаются холопы, которых наследуют и передают как имущество. В болгарских арабских записях XIII — XIV веков имена зависимых людей отсутствуют полностью. Такие тексты фиксируют только имущество и долги, но не людей как объект наследования. Это говорит о принципиальной разнице в понимании несвободы.

Погребальные практики дают ещё одно подтверждение. В болгарских захоронениях XIII — XIV веков нет отдельных участков для людей низкого статуса. Погребения однотипны

и равноправны. На Руси же обнаружены захоронения холопов в стороне от основного кладбища, без погребальных принадлежностей. Такие находки сделаны в Новгороде, Старой Рязани и Ростове.

Совокупность археологических находок, письменных свидетельств и правовых норм показывает два разных подхода к несвободе. Волжская Булгария воспринимала её как внешнее явление, ограниченное рамками войны и религиозного закона. Русь превращала зависимость во внутренний институт, передаваемый из поколения в поколение. Эти две системы существовали рядом, но развивались по своим правилам и оставили в наследие разные формы социальной общности.

20. ЯЗЫК БРАНИ — ДРЕВНЯЯ РУСЬ И БУЛГАРИЯ

Изучая историю этих соседних народов, всегда удивляет, то насколько разные культуры могут вырасти на расстоянии всего одного перехода по Идели. Русь и Волжская Булгария жили рядом, торговали, спорили, иногда дрались, но различались настолько, что даже набор бранных слов у них был не просто разным, а будто из двух разных вселенных. Если еда и питьё формируют бытовой характер, как мы видим в других главах, то брань формирует внутренний. Брань показывает, что для народа свято, что позорно, а что смешно. Иногда одно слово объясняет народ лучше, чем летопись.

Русичи относились к речи так же горячо, как к битве. Слово должно было ударить, встряхнуть, по возможности — шокировать так, чтобы обиженный бросился в драку. Булгарин, напротив, предпочитал обидеть тоньше. Он работал не кувалдой, а гораздо тоньше. Русич бил по роду, булгарин — по чести. И оба считали свою технику единственно правильной.

Если начать искать истоки русской брани, то путь неизбежно ведёт в глубокую славянскую древность, туда, где слова несут ещё отпечатки старых индоевропейских понятий и древних табу. В праславянском языке уже существовали корни, которые

позднее дали самые узнаваемые бранные слова. Писцы XI века их, разумеется, не записывали прямо, но соседние славянские народы сохранили почти те же формы, а фонетика подчинялась законам развития. Так реконструируются слова, которые даже без прямого упоминания в летописях прекрасно узнаются по родственным языкам.

Среди этих корней первым стоит *хиѣ, праславянское слово, которое вежливо можно назвать обозначением части мужской анатомии, хотя оно и тогда, и теперь редко используется в медицинском смысле. Это слово встречается почти во всех славянских языках, где именно оно и дало соответствующие матерные формы. Русские, как обычно, не стали мудрствовать и оставили слово почти в неизменном виде. Интересно, что слову тысячи лет, но оно до сих пор выполняет ту же функцию — служить универсальным выражением недовольства окружающей действительностью.

Второй древний корень — *ръзда, слово столь же древнее, настолько, что у него есть прямые родственники в балтийских языках и даже отдалённые переклички в латыни. В праславянском оно значило всё ту же женскую анатомию. Последующие поколения славян, включая русичей, не стали что-либо менять в его смысловом назначении. Слово сохранило жёсткость, неприкрытую физиологичность и особое место в табуированной лексике, будто специально создано было, чтобы произноситься тихо, но с большой экспрессией.

Третий корень — *jebti, древний индоевропейский глагол, который первоначально значил «братъ», «схватывать». У германцев ему соответствовало *ibjan*, у индийцев — *yabhathi*. Но славяне проявили редкое языковое воображение и отдали слово в распоряжение интимной сферы. Так у нас появился глагол, известный сегодня каждому русскому человеку, даже если он всю жизнь пытается хранить словарную чистоту.

Все три корня существовали задолго до появления русских княжеств. Ни один из них не имеет тюркского или монгольского происхождения. Это, конечно, должно вызывать искреннее

разочарование у любителей мифов, которые каждый раз пытаются приписать мат то половецким степнякам, то татарам, то монголам. Увы, ни один из этих народов не может похвастаться участием в создании русского мата. Слишком уж старый и слишком уж славянский материал.

Есть и четвёртая важная ветвь брани — от праславянского гнезда *blyditi. Этот корень значил «заблуждаться», «блуждать», «сбиваться с пути». От него произошли слова *bludъ* — «заблуждение», *bludъnica* — «женщина, сбившаяся с пути», и краткая форма *blydja*, которая со временем превратилась в хорошо известное слово, ныне пишущееся как «блядь». Изначально это было вовсе не ругательство, а социальная характеристика: человек, который нарушил нормы поведения. Но никто не удивится, узнав, что русская речь довольно быстро поняла потенциал этого слова и превратила его в одно из самых громких и эмоционально насыщенных оскорблений.

Если перенести взгляд с Руси на Волжскую Булгарию, то контраст окажется настолько ярким, будто говорим о двух разных планетах. Булгары тоже умели ругаться, но делали это так изящно и сдержанно, что иной русич решил бы: «Да они совсем не ругаются». На самом деле ругались. И весьма живописно, но в другой системе координат.

Булгарин редко касался темы анатомии. Не потому что он был стеснительным — просто уважение к религиозной традиции не позволяло вторгаться в запретную область и превращать важные части тела в предмет словесного боя. Булгарская брань строилась на других основах. Основой было сравнение с нечистыми животными, а также удары по человеку через честь и социальный статус. Там, где русич пускал в ход слово вроде *хиѣ, булгарин орудовал выражениями вроде *it*, что значило «собака», или *čabir*, что переводится как «осёл».

Для неподготовленного русского уха такие слова могут звучать мягко, почти дружелюбно. Но в тюркском мире собака была символом нечистоты, а осёл — символом тупости. Поэтому булгарское «осёл» могло ранить так же сильно, как русское выраже-

ние, которое в русском языке иногда заменяет три предложения объяснений.

Особенно обидными считались слова, ставящие под сомнение родословную. Булгары могли сказать *urugsuz*, что значило «без рода». Нарушение родовой чести считалось куда страшнее, чем обсуждение каких-либо физиологических подробностей. Русич, услышав подобное, пожал бы плечами и спросил бы путь к торговым рядам. Булгарин же относился к подобному серьёзно — ведь честь в его мире была ценностью столь же материальной, как меч.

Вот здесь особенно ярко проявляется различие миров. Русский мат обижал через тело и особенно через мать. Булгарская ругань обижала через честь, достоинство и род. Оскорбление матери по какой-то причине продолжает считаться удобным инструментом выяснения отношений, будто люди молча договорились: если уж ругаться, то сразу зайти с той стороны, где гарантированно заболит.

Русичи, к слову, нередко смеялись над тем, что булгары «не умеют ругаться». Русич считал, что если в выражении нет упоминания родственных связей и не прозвучал хотя бы отдалённый намёк на **jebti*, то ругань не считается серьёзной. Булгар же, услышав славянскую брань, зачастую морщился, как человек, которому случайно предложили выпить керосина. Чужой стиль ругани воспринимался как нарушение всех правил поведения сразу.

И всё же каждый из народов строил свою систему так, как она соответствовала его образу жизни. Русь — горячая, шумная, склонная к бурным эмоциям, использовала брань как оружие прямого удара. Булгария — степная, дисциплинированная, ориентированная на честь, пользовалась словами как тонкими уколами, а не как громовыми молотами.

Тем удивительнее, что обе системы выдержали века. Современный русский мат сохранил те же корни, что и тысячу лет назад. Древние формы **xujь**, **pъzda**, **jebti** и **blъdja** узнаются без труда. Изменилось только написание, но не сама сила слов.

Булгарская традиция брани, не дала никакого наследия в русском языке, но сохранила в потомках — чувашах, татарах и башкирах — ту же тонкую манеру ставить человека на место через честь, а не через интимные подробности.

И когда сравниваешь эти две традиции, невольно понимаешь, что ругань — это не просто набор слов. Это зеркало, в котором отражается характер народа. Русичи выражали себя громко, ярко и без стеснения. Булгары предпочитали выражения, не нарушающие святынь.

Два разных мира, две системы ценностей и два способа задеть человека так, чтобы он вздрогнул внутри. Ни один народ не стал бы менять свою брань на чужую, ведь ругательства растут из той же почвы, что и характер. В каждом слове — опыт века, привычки, страхи, смех и память предков. Слыша эти древние выражения, начинаешь понимать, что брань — это не просто язык злости, а язык культуры. Она живёт дольше эпох и правителей, и человек, произнося её, невольно напоминает миру, что он не только говорит, но и принадлежит к чему-то большему, чем он сам.

Глядя на матерящегося человека понимаешь, что перед тобой не просто носитель древней культуры, а человек, которого жизнь сама не раз отправляла подальше — так часто, что он теперь считает это своим родовым языком.

И в этом прячется какая-то мрачная сила, которая живет удивительно долго.

Здесь следует отметить, что сравнение культурных и бытовых практик Средневековья не предполагает оценки современных народов и не может служить основанием для переносов на современность. Речь идёт о разных исторических моделях, сформированных в разных условиях.

21. БАНЯ И ГИГИЕНА

Если язык брани показывает внутренний мир человека, то привычки умываться и приводить себя в порядок уже говорят о повседневности, где эмоций сменяются простыми заботами о теле. Различия также проявлялись во всём, что касается тела и способов его очищения. Эта картина складывается из археологии, письменных источников и исторических реконструкций, позволяющих увидеть реальные бытовые практики. Если брань отражала душу, то баня и гигиена показывали самое приземлённое отношение народа к самому себе. Потому что именно здесь, в пару, жаре, воде и лежащих рядышком дровах, лучше всего видно, как люди понимали чистоту и зачем им вообще нужно быть чистыми.

Булгарское представление о чистоте выросло из исламской традиции, которая не считала тело чем-то второстепенным. Она требовала, чтобы человек подходил к молитве только после того, как приведёт себя в порядок. Это было не просто удобством и не вопросом вкуса, а естественным и обязательным условием общения с Аллахом. Булгарин, приступая к любому важному занятию, начинал с воды. Он мыл руки, лицо, уши, иногда полностью омывал всё тело, и ноги в том числе, потому что чистым нужно было быть не только внешне, но и перед самим собой и перед Всевышним. Для него это не была прихоть и не попытка произвести впечатление. Такой порядок считался естественной частью жизни, чем-то вроде привычки дышать. Он мог повторять эти омовения много раз за неделю, а иногда и по несколько раз за день, поскольку и молитвы, и семейные дела, и любые значимые события требовали состояния чистоты. Вода становилась не просто средством гигиены, а постоянным спутником его повседневности.

Письменные источники, такие как записки Ибн Фадлана, подтверждают, что омовения были неотъемлемой частью булгарского быта. В археологических раскопках Биляра и Булгара обнаружены остатки банных помещений и водоотводов, кото-

рые позволяют уверенно говорить о хорошо организованной системе водопользования.

Русич, напротив, не связывал духовную чистоту с чистотой телесной. Он мог явиться на службу в церковь в состоянии, которое болгарин счёл бы поводом для беспокойства, но священник его не выгонял, если только дело не касалось явных правил поведения в храме. Русич смотрел на вещи проще. Душу он очищал в храме, а тело отдавал на откуп бане. И уж если тело наконец дошло до бани, то ему доставалось от души. Русская баня была не просто местом, где человек становился чистым. Она была испытанием характера.

Человек входил туда не ради покоя. Он входил в баню как в место, где тело словно прожигалось до основания, чтобы выйти оттуда обновлённым. Он ложился на полки, будто добровольно отдавая себя на медленное запекание. Потом его начинали хлестать берёзовым или дубовым веником, и это было не похоже на лёгкое похлопывание. Это был полноценный массаж, который и сейчас способен растряссти тех, кто считает себя крепким. Этот ритуал был странным сплавом боли и удовольствия. И когда тело претерпевало это испытание, человек выбегал наружу в снег или к реке, испытывая тот самый контраст, который особенно любим в северных странах. Жар бани делал холод не врагом, а союзником. Для русича это была обычная практика. Он вовсе не думал о бане как о чём-то экстремальном, хотя сама привычка выбегать после нестерпимого жара на мороз или нырять в прорубь выглядит так, будто её придумали люди, которым скучно жить спокойно. Для него это был обычный порядок вещей. Жар прогреет, холод встряхнёт, и всё вместе почему-то работает так, что человек выходит оттуда не только чистым, но и обновлённым, будто прошёл короткое испытание на выносливость.

Откуда взялась столь странная любовь к самонаказанию, объяснить несложно. Русская баня рождалась в условиях сурового климата, в котором тепло всегда ценилось выше лишних удобств. Если уж нагревать помещение, то нагревать по полной,

чтобы тепло вошло в кости. Если уж очищаться, то очищаться основательно. Так формировалась привычка терпеть и привычка усиливать телесное воздействие. Берёзовый веник тоже не был случайностью. Берёза растёт повсюду, легко гнётся, листья её обладают мягким антисептическим действием. Русичи могли этого не знать в научном смысле, но чувствовали это на собственной коже.

Булгарская баня была иной. Она шла от тюркско-исламской традиции, где культ воды был более важным, чем культ жара. В булгарских банях был умеренный пар, умеренный нагрев, разделение помещений, чистая вода и спокойное омовение, которое больше напоминало ухоженный городской быт восточного мира, чем побоище с участием дерева и пара. Люди входили туда, чтобы соблюдать порядок, а не чтобы проверить прочность своих сосудов. Здесь не было необходимости выбегать после процедуры в снег, потому что никто не пытался довести тело до пылающего состояния. Булгары ценили последовательность, умеренность и определённую. Их баня была местом восстановления. Русская — своеобразным местом победы над самим собой.

При банных процедурах и те и другие обходились без привычного нам мыла. В Булгарии использовали зольные растворы, щёлок, а также растёртые растения с очищающими свойствами. В ход шли травы, зола, иногда привозные ароматические вещества. На Руси чаще применяли щёлок из древесной золы, ржаную закваску, отруби, а также песок и горячую воду. Чистота достигалась не пеной, а усердием.

Описание гигиены не будет полным, если не коснуться деликатной темы справления естественных надобностей. Различия проявлялось и в самых обыденных вещах, в том числе в вопросах гигиены после естественных нужд.

Булгарин после справления нужды не ограничивался тем, что попадалось под руку. В его мире вода была не вариантом, а нормой, требованием религии и частью ежедневного порядка. Человек мог жить в юрте или в городском доме, но где бы он ни

находился, рядом почти всегда имелся небольшой сосуд с водой. Археологи находят десятки таких предметов в слоях Болгара и Биляра. Они бывают глиняными или металлическими, с узким горлом и вытянутым носиком, что позволяло направлять струю так, как требуется для омовения. Эти сосуды очень похожи на современные, которые до сих пор используют в мусульманском мире для обмываний. В арабских трактатах их называли ибрик, в тюркских землях — абдест-кумы или просто кумган, а в болгарской среде терминов могло быть несколько, в зависимости от ремесленной традиции.

Форма сосудов говорит сама за себя. Они не были приспособлены для питья или хранения еды. Они слишком лёгкие, с характерным изогнутым носиком, иногда украшены геометрическим орнаментом — аккурат настолько, насколько позволяла их утилитарная функция. Такие предметы находят рядом с банными помещениями, около очажных зон, а иногда и просто в культурных слоях дворов, что хорошо согласуется с письменными источниками исламского мира, где подобные сосуды упоминаются как обязательная часть личной гигиены. По сути это была переносная посуда для ритуальной чистоты, которую можно было взять с собой куда угодно.

Современному человеку это может напомнить современные гигиенические устройства вроде биде, только в средневековой Волжской Булгарии всё было куда проще технологически, но ничуть не менее продуманно по смыслу.

Русич не имел к воде такого обязательного отношения и не относился к телесной чистоте как к религиозному долгу, поэтому и вопросу справления нужды подходил без лишних переживаний. Он пользовался тем, что давала земля в конкретное время года. Летом под рукой была сухая трава, листья и мягкий лесной мох, который, кстати, считался почти роскошью. Мох в северных районах вообще был универсальным материалом. Им утепляли избы, им набивали щели, им же пользовались в дороге, а уж в туалетных делах он и вовсе считался подарком природы, потому что был мягкий, впитывал хорошо и не требовал никаких приготовлений.

Зимой трава и мох либо лежали под снегом, поэтому в ход шло другое. Русичи брали солому, использовали деревянные стружки, иногда камыш, если жили рядом с водой. В богатых домах могли держать мешочек с тряпицей, и эта тряпица, пережившая не одно поколение, выполняла роль многоразового варианта современного удобства. Впрочем, в большинстве случаев люди обходились без всяких хитростей. Природа давала достаточно материалов, чтобы человек не испытывал особого дискомфорта.

Отхожие места были в основном простыми ямами за домом или небольшими постройками на краю двора. Зимой их могло слегка занести снегом, но никого это особенно не пугало. Русич человек привычный ко всему. Он вылезал наружу, делал своё дело, кидал сверху немного снега и шел обратно греться. Некоторые современные путешественники называют это «скандинавским минимализмом», но на самом деле это была обычная деревенская практичность, которая существовала задолго до появления любых модных течений.

И вся эта система работала именно потому, что русич не связывал туалетные процедуры с понятием ритуальной чистоты. Умываться после справления нужды он мог, но это было делом удобства, а не обязанностью. Главное для него происходило не у отхожей ямы, а в бане. Поэтому вопросы мелких бытовых подробностей не казались ему важными. В его логике жизненно важно было одно. Сходил. Подтерся тем, что нашлось. А в бане всё равно всё смывается.

В этом проявлялся характер практичности. Она редко стремилась к изяществу, зато всегда умела находить решения, которые работали. И в лесу, и зимой, и в дороге, и в деревне. И никакие писатели, придумавшие позже тонкости быта, не смогли бы сделать всё это проще, чем делали сами люди, жившие среди снега, лесов и длинных ночей.

Русич при этом не испытывал никакого беспокойства, ведь если уж баня вымоет всё разом, то форма подтирания не считалась чем-то определяющим и уж точно не имела отношения к религиозной чистоте.

Вопрос о питьевой воде тоже раскрывает отличия. Волжская Булгария имела доступ к городским системам водоснабжения, колодцам, родникам и специально оборудованным резервуарам. Это было связано не только с удобством, но и с тем, что вода нужна была постоянно для ритуальных омовений. В городах русских княжеств чаще пользовались колодцами и ближайшими речными источниками. Новгород, например, имел множество колодцев прямо в усадьбах, что наглядно демонстрируется археологическими раскопками. Качеством воды люди интересовались примерно так же, как и мы, но методов её обеззараживания не знали. Поэтому часто воду кипятили, особенно зимой, и пили квасы и морсы, которые были безопаснее в силу кислотности и брожения.

Когда сравниваешь две эти традиции, понимаешь, что болгарская система была выстроенной и дисциплинированной. Русская же была яркой, шумной и основанной на идее, что человек должен держаться крепко и выдерживать многое. Болгарская баня делала человека чистым. Русская делала его ещё и сильным. Болгарское омовение поддерживало порядок жизни. Русская баня давала ему вызов, который он принимал каждую неделю, иногда чаще, если звал сосед.

И обе эти системы работали. Оба народа сохраняли здоровье настолько, насколько позволяло их время. Оба понимали ценность чистоты, но по-разному определяли её смысл. Булгария видела в чистоте подготовку к размышлению и молитве. Русь видела в чистоте обновление тела, которое получало новый заряд после жара, холода и тяжёлого мокрого веника.

И всё же между ними была одна общая черта. Оба народа считали, что человек обязан уметь привести себя в порядок. Булгарин подходил к этому со спокойной рассудочностью. Русич делал то же самое, но предпочитал начать с того, чтобы сначала чуть-чуть умереть в жаре, затем воскреснуть в снегу и закончить всё это чаепитием или кружкой браги с соседями. И никто не мог переубедить его, что есть способ проще.

Там, где болгарская чистота была частью веры, русская чистота была частью характера. И поэтому эти две традиции, такие разные и такие живые, продолжают жить и сегодня. Мы узнаём их и в современных банях, и в привычке всё делать основательно, и в том, что даже вопрос, чем подтирался предок, оказывается важной деталью большой истории.

Если задуматься, именно такие бытовые мелочи и показывают, как разные народы понимали себя и свою жизнь. Человек, который способен без страха войти в раскалённую деревянную избушку и выйти оттуда босиком по снегу, сохраняет в себе память о том, как жили его предки. И человек, который бережно умывается перед молитвой, тоже несёт в себе традицию, которой тысяча лет.

Каждый делает это по-своему — так, как чувствует своё тело

22. ТРУБЫ И ЯМЫ

После бани и использования воды неизбежно вставал вопрос о том, куда всё это в итоге девать, потому что чистота не заканчивается на пороге парилки и не растворяется вместе с паром. Если город умеет мыться, он обязан уметь и избавляться от того, что остаётся после мытья и вообще после жизнедеятельности. Именно здесь различия между Волжской Булгарией и Древней Русью становятся особенно заметны, потому что речь идёт не о вкусе или привычке, а о самом устройстве городской повседневности.

Булгарские города были устроены так, будто их изначально строили с расчётом на долгую и довольно комфортную жизнь. Вода входила в город и выходила из него не случайно, а по заранее продуманным путям. Под землёй шли желоба и трубы, собранные из выдолбленных брёвен или аккуратных керамических цилиндров. По ним сточные воды уходили из бань, общественных уборных при мечетях и медресе, а иногда и из домов знати. Всё это не растекалось где попало и не превращало кварталы в источник ароматов, а направля-

лось за пределы жилой застройки, в овраги или к реке. Археологи находят такие системы в Биляре, Булгаре и Суваре, и по ним хорошо видно, что это не случайные канавы, а настоящая сеть, где понимали уклон, объём воды и направление потока. Особенно выразительно это заметно под банями, которые были главными потребителями воды. Там находят не только водоотводы, но и сложные подпольные системы отопления, где горячий воздух проходил под полом, прогревая помещение. Баня здесь не могла существовать сама по себе. Она была частью инженерного организма города, и именно поэтому всё, что в ней использовалось, куда-то разумно уходило.

В общественных зданиях из камня и кирпича археологи находят остатки санузлов с организованным сливом, и для средневекового города это довольно высокий уровень бытовой культуры. Такая система не возникла внезапно. Она продолжала античные представления о благоустроенном городе и опиралась на исламское понимание чистоты как постоянного состояния, а не редкого подвига. Канализация здесь была не роскошью и не чем-то, чем можно похвастаться перед соседями, а просто нормальной частью жизни, такой же обязательной, как вода для омовения.

На Руси всё выглядело иначе. Древние русские города домонгольского времени централизованной канализации не имели, и это было не столько признаком отсталости, сколько отражением другой логики. Город здесь мыслился как совокупность дворов, а не как единое тело. Лучше всего это видно на примере Новгорода, который изучен особенно подробно. Каждый двор решал санитарный вопрос сам. Во дворе выкапывали глубокую яму, куда отправлялись все отходы. Когда она наполнялась, её либо чистили, либо закапывали и рядом копали новую. Таких ям археологи находят множество, и они буквально насыщены органикой, остатками пищи и бытовым мусором.

Для воды существовали свои решения. Улицы настилали деревом, прокладывали дренажные желоба, чтобы дождь и талая вода уходили и город не превращался в болото. Эти системы ра-

ботали неплохо, но они не имели отношения к нечистотам. Это была забота о том, чтобы ноги не вязли в грязи, а не о том, чтобы город в целом был стерильно чистым.

Особого внимания заслуживает так называемый сухой вариант туалета, который отличался простотой и изяществом мысли. В жилой постройке, иногда даже на втором этаже, отгораживалось нужное место, и всё, что происходило выше, без лишних философских рассуждений падало строго вниз, прямо в навозную или выгребную яму. Никакой воды, никакой сложной инженерии, только точный расчёт и вера в силу тяжести. Такой способ был довольно сухим, экономным и не требовал никаких дополнительных ресурсов, кроме удачно выбранного места, привычки смотреть под ноги во дворе и терпимости к запахам, которые считались естественной частью хозяйственной жизни.

При раскопках древнерусских городов не находят ни керамических коллекторов, ни деревянных труб, предназначенных для отвода нечистот из всего города сразу. Общегородская инфраструктура ограничивалась мостовыми, дренажом и тем, что позволяло городу не утонуть в воде.

В Волжской Булгарии выгребные ямы как таковые тоже существовали, потому что полностью избавиться от них в средневековом городе было невозможно. Однако принципиальная разница заключалась в том, что выгребная яма в Булгарии не была основной санитарной моделью города. Она играла вспомогательную роль. В болгарской среде действовали религиозные ограничения, связанные с нечистотой. Долговременное хранение фекалий рядом с местом проживания было запрещено, особенно в плотной городской застройке.

В итоге вырисовываются две разные модели. Волжская Булгария воспринимала город как единый организм, который должен быть чистым целиком, от бани до окраины. Русь смотрела на город как на набор самостоятельных дворов, где каждый отвечает за себя, а общее пространство нужно лишь для того, чтобы по нему можно было пройти, проехать и не увязнуть. В этом

нет правильного и неправильного, есть только разные способы жить. Булгарская канализация была продолжением веры и городской дисциплины. Русская выгребная яма была продолжением привычки решать всё на месте и не усложнять там, где можно обойтись лопатой и здравым смыслом. И, как ни странно, именно такие вещи рассказывают о прошлом иногда больше, чем самые красивые летописи.

23. ПЕРГАМЕНТ, БЕРЕСТА, БУМАГА

Свойства этих материалов оказались решающими в том, что из прошлого дошло до нас, а что исчезло вместе с людьми, оставившими свои записи.

В Волжской Булгарии знание жило на бумаге — лёгкой и быстрой в работе, шуршащей под пальцами и легко перелистываемой, а в Древней Руси носитель знаний был плотным, тяжёлым и пах кожей, либо был простым и гибким, снятым с берёзы и предназначенным для повседневного слова. Именно это различие многое объясняет в том, что мы сегодня знаем об их науке, медицине, астрономии и самой памяти о прошлом.

Булгарский город был окружён письмом. Чернила, калямы, листы бумаги, учебные записи, книги, которые переписывали и передавали дальше, составляли обычный фон жизни образованного человека. Русский письменный мир был другим. Книга здесь была редкой, дорогой и почти священной вещью, а повседневная грамотность ушла в бересту, короткие записки и деловые слова, не предназначенные для вечности. Эти два подхода к знанию по-разному пережили время. Один оказался хрупким и сгорел вместе с городами. Другой выстоял, и оставил нам больше следов.

С X века Волжская Булгария вошла в мир исламской цивилизации, где книга была не роскошью и не украшением, а рабочим инструментом. Это было огромное культурное пространство, простиравшееся с запада на восток от Багдада до Самарканда и с юга на север от городов Хорасана и Мавераннахра к Булгару

и землям по среднему и верхнему Поволжью, соединённых торговыми путями, школами, медресе и общей письменной традицией. Булгары приняли не только веру, но и отношение к знанию как к вещи, которую нужно записывать, переписывать, обсуждать и передавать дальше. Здесь писали на нескольких языках сразу. Арабский был языком богословия и науки, персидский — поэзии и образованной литературы, болгарский тюркский — языком повседневности и местных текстов.

Главным носителем информации в этом мире была бумага. Не местная, а привозная, самаркандская или багдадская, сделанная из тряпичных волокон, прочная и удобная для письма. Она была дорогой по меркам крестьянина, но вполне доступной для горожанина, купца, ученика медресе или лекаря. Бумага позволяла писать много. На ней создавали не только Коран и богословские трактаты, но и учебные пособия, медицинские записи, договоры, письма, стихи и хозяйственные заметки. В болгарском городе бумага работала как универсальный материал, и это ощущается даже там, где сами листы не уцелели. В археологических слоях Булгара, Биляра и Суvara находят множество чернильниц, калямов, ножей для подрезки бумаги и заточки писчих принадлежностей, пеналов для письма. И что важно, всё это встречается не только в «дворцовых» местах, а и в среде купцов и зажиточных ремесленников, то есть письменность не была узким монастырским ремеслом, а входила в городскую норму. Арабские путешественники, среди них Ибн Фадлан и Аль-Гарнати, прямо отмечали школы и обучение детей чтению и письму, а это означает регулярное письмо на практике.

Болгарская наука была частью общего исламского научного пространства, и её главное отличие от многих северных традиций заключалось в том, что знание здесь оставалось не только книжным, но и прикладным, то есть работающим в ремесле, медицине, торговле, строительстве. И эту прикладную сторону лучше всего видно в археологии, потому что инструменты не врут. В болгарских городах находят медицинские наборы и отдельные предметы, которые трудно объяснить чем-то, кроме профессио-

нального врачевания. Скальпели, пинцеты, ланцеты, иглы, ложечки для приёма лекарств, а также пилы, которые связывают даже с трепанацией, показывают, что речь шла не о случайных ножичках, а о специализированном арсенале. Рядом с этим находят не менее красноречивые предметы – это ступки, флаконы, посуда для хранения снадобий, реторты и следы дистилляции. Дистилляция не нужна тому, кто лечит только заговором. Она появляется там, где пытаются выделить действующее вещество, сделать настой, концентрат, масло, где вообще есть представление о дозе и составе. Такой набор вещей почти автоматически подразумевает существование текстов, потому что сложная медицина живёт на рецептуре, на записи наблюдений, на копировании удачных способов лечения. Наиболее вероятный круг книг здесь понятен по эпохе и по культурной принадлежности. В исламском мире того времени базовыми были труды Ибн Сины и ар-Рази, и если болгарские лекари учились профессионально, они почти наверняка держались именно этой линии, пусть даже в виде сокращений, комментариев или адаптированных пособий. Мы не знаем имена местных табибов, но можем понять уровень научной среды. Достаточно увидеть, что в городе существовал спрос на инструмент, лабораторную посуду и лекарственную практику, потому что такие вещи не появляются без устойчивой школы и без текста, который связывает ученика и учителя.

С астрономией и математикой ситуация похожая. Болгария была торговой страной на большом пути, где счёт, мера и календарь были не отвлечённой мудростью, а ежедневной необходимостью. Торговые книги, товарные росписи, расчёт налогов, распределение повинностей, строительство мечетей, бань, водопроводов и сложных городских сооружений требовали арифметики и геометрии как минимум на уровне практического мастерства. Но археология показывает и более высокий уровень. Фрагменты астролябий и компасов – это уже не просто опытный глаз и чувство направления.

Астролябия – прибор, который нельзя сделать «на вдохновении». Его конструкция опирается на геометрию и систему ко-

Учёный Волжской Булгарии с астролябией (реконструкция)

ординат, а его использование требует таблиц, вычислений и записанной методики. Даже если астролябия служила не местной науке, а вполне практическим задачам, вроде определения времени, направления и ориентирования, она всё равно означает школу, где считают и читают. А там, где считают и читают, неизбежно пишут, потому что сложные расчёты живут в записи, а не в памяти.

Булгарская образованность опиралась на медресе и учительскую сеть при мечетях. Это была устойчивая система, которая воспроизводила грамотность и давала возможности. Богословие и право там были обязательны, потому что мусульманское общество держалось на фикхе и правилах, но рядом с ними изучались логика и философия, тот самый набор дисциплин, который в исламской традиции формировал «образованного человека».

Мусульманская могильная плита в стене Благовещенского собора (Казань, Кремль). Фото с сайта <http://tashlar.narod.ru/>

Это важно, потому что такой человек не просто умеет читать Коран. Он умеет рассуждать, спорить, доказывать, строить аргумент, а значит, работает с текстами, комментариями, конспектами и переписыванием. И опять же, археология помогает увидеть бытовую сторону этого процесса через калямы, чернильницы, ножи и пеналы, то есть через предметы, которые появляются там, где письмо является каждодневным действием.

К этому добавляется ещё один тип доказательств, самый надёжный после археологических находок, — надписи. Булгарская эпиграфика, особенно надгробные стелы с арабской вязью, с датами, именами, титулами и кораническими цитатами, говорит о том, что письменность была не декоративной, а общественной нормой. Там, где люди фиксируют дату смерти и имена в камне, где они привычно обращаются к тексту как к форме памяти, письмо становится частью культуры целиком, а не занятием нескольких учёных. Надписи на бытовых предметах, имена мастеров, благопожелания и знаки принадлежности дополняют эту картину. Трагичность истории в том, что часть этих камней была опознана уже много позже — в фундаментах, стенах и лестницах русских

церквей и монастырей, куда они попали после разрушения Казанского ханства, продолжая хранить текст даже тогда, когда от самой культуры старались оставить лишь строительный материал.

От всей этой книжной и научной культуры до нас дошло катастрофически мало. В 1236 году города Волжской Булгарии были уничтожены физически. Библиотеки, архивы, медресе сгорели вместе с домами. Бумага не переживает такие вещи, она гибнет в огне быстрее дерева, а потом исчезает в земле быстрее, чем камень успевает потемнеть. Поэтому мы знаем о болгарской письменности и науке часто по косвенным признакам, но эти признаки таковы, что они складываются в уверенную картину. Есть инструменты, есть приборы, есть инфраструктура, есть следы учебной среды, есть эпиграфика, есть внешние описания путешественников. Не хватает только главного, стопок рукописей, которые могли бы назвать имена врачей, учёных и учителей. Они не сохранились не потому, что их не было, а потому, что вместе с рукописями сгорели города.

Главный болгарский текст, который дошёл до нас вопреки всему, это «Кыйсса-и Йусуф» Кул Гали, написанная в 1233 году. Её оригинал, почти наверняка бумажный, погиб вместе с городами. Поэма выжила только потому, что люди унесли её копию с собой, спасаясь от гибели, как уносят самое ценное. До нас дошли поздние списки XVI — XVII веков, переписанные уже в иных землях, на иной бумаге, но с памятью о том, что когда-то этот текст был частью живого болгарского мира. Это не просто литературный памятник, это текст-беженец, спасённый из горящего дома.

На Руси всё складывалось иначе. Русская книжная культура формировалась в рамках византийской христианской традиции, где книга была прежде всего сакральным объектом. Основным материалом для неё был пергамент, сделанный из телячьей, овечьей или козьей кожи. Это был невероятно дорогой и трудоёмкий материал. На одну богослужебную книгу могло уйти целое стадо. Поэтому пергаментные книги писали медлен-

но, тщательно и только для самых важных текстов. Евангелие, Псалтырь, летописи, законы, оригинальные сочинения существовали в ограниченном количестве и жили в монастырской и княжеской среде.

Зато Русь породила уникальное явление, которого не знал исламский мир в таких масштабах — берестяную письменность. Береста стала материалом повседневной жизни. На ней писали письма, долговые расписки, хозяйственные записки, учебные упражнения. Ею пользовались ремесленники, купцы, женщины, дети. Новгородские берестяные грамоты показывают, что грамотность была шире, чем можно было бы ожидать от общества с таким дорогим книжным материалом. Просто грамотность здесь существовала на другом носителе, а значит, жила в другой культурной среде.

В научном смысле Русь шла иным путём. Системной светской науки, подобной той, что существовала в исламском мире, здесь почти не было. Не потому, что люди не умели думать или наблюдать, а потому, что знание не собиралось в устойчивые школы, не оформлялось в трактаты и не передавалось через регулярное письменное обучение. Оно жило иначе — в устной традиции, в навыке, в личном опыте и вере.

Медицина на Руси держалась прежде всего на знахарстве и лекарях. Лечение строилось на травах, припарках, растираниях, кровопускании и простых хирургических приёмах, таких как вправление вывихов или остановка крови. Всё это действительно работало на уровне практики, и такие специалисты были необходимы в каждом селении. Но рядом с этим почти всегда присутствовал заговор, молитва или обращение к сверхъестественному. Болезнь понималась не как процесс в теле, а как нарушение порядка, сглаз, наказание или знак. Поэтому лекарство и слово действовали вместе, и границы между медициной, магией и верой не проводилось. Это хорошо видно по позднейшим лечебникам, которые унаследовали более древнюю традицию, где рядом с рецептами стоят заклинания и обращения к святым.

Астрономия существовала в ещё более ограниченном виде. Русский человек знал не устройство небесной сферы, а её поведение. Звёзды, кометы, затмения и необычные явления воспринимались как знамения. Их записывали в летописях не для расчёта, а для толкования. Небо не измеряли, его читали, как текст, в котором искали предупреждение или подтверждение Божьей воли. Никаких сложных инструментов, таблиц или вычислительных приборов археология здесь не показывает, и это прямое свидетельство отсутствия математической астрономии как дисциплины.

Знания передавались не через книги, а через людей. Мастер учил ученика, знахарь — помощника, отец — сына. Письменность фиксировала в основном слово, закон, память и веру, но не систематическое описание природы. Даже переводные византийские тексты вроде «Шестоднева» или «Физиолога» были не про науку в нашем понимании. Они объясняли мир через веру, где каждое явление имело духовный смысл, а рядом с привычными животными спокойно жили и сказочные персонажи вроде единорога, которых воспринимали не как выдумку, а как часть общего устройства мира.

В Древней Руси в знании искали прежде всего смысл и знаки, а не правила и законы. Поэтому она не оставила медицинских и астрономических трактатов, но оставила тексты, где опыт жизни, страх, надежда и вера переплетаются с наблюдением. В этом мире сустав могли вправить умелые руки, рану — залечить травами, а болезнь — отговорить словом. Но собрать всё это в единую науку здесь не стремились, и именно поэтому системного знания, сопоставимого с восточной традицией, на Руси домонгольского времени не возникло.

Различия между двумя культурами становится особенно заметным не только в том, что писали, но в том, на чём это писали. Знание, не собранное в систему, может жить в устах и памяти, но знание, зафиксированное письменно, всегда зависит от материала. От того, насколько он долговечен и уязвим, зависит судьба самого текста. В этом смысле материал оказывается не менее важным, чем мысль, которую он несет.

Разница особенно ясно видна в судьбе текстов. «Слово о полку Игореве» было написано на пергаменте, как и полагалось великому произведению. Его оригинал утрачен, но текст продолжал жить, переписывался, пока не дошёл до нас через поздние списки и печатные издания. Русская письменная культура, несмотря на потрясения, не была физически прервана.

Пергамент и береста выжили именно потому, что были рассчитаны на долгую жизнь. Пергамент — плотная, хорошо выделанная кожа — способен сохраняться столетиями даже в неблагоприятных условиях, если его не уничтожил прямой огонь. Береста, вопреки своей кажущейся хрупкости, оказалась удивительно стойким материалом — в сыром, насыщенном влагой культурном слое древних русских городов она прекрасно сохранялась без доступа воздуха. Именно поэтому берестяные грамоты дошли до нас в больших количествах, застыв в земле почти в том виде, в каком их когда-то отбросили или потеряли.

Булгарские носители знания были уничтожены в огне пожара 1236 года. Погибли не отдельные книги и не случайные тексты — исчезли города вместе с их архивами, библиотеками, медресе, хранилищами свитков. Сгорели труды по богословию и праву, медицинские трактаты, астрономические таблицы, хозяйственные книги, переписка и научные сочинения. Был уничтожен огромный пласт человеческого знания, накапливавшийся поколениями и связанный с жизнью целой цивилизации.

Дело было не в упадке традиции, а в том, что исчезла среда, которая её поддерживала. Поэтому мы знаем о болгарской культуре меньше не потому, что она была беднее или проще, а потому, что ей не дали выжить физически. И тот факт, что мы вообще знаем имя Кул Гали и читаем его поэму, — это чудо человеческой памяти, которая оказалась сильнее огня, разорения и времени.

Материал, на котором писали, определил судьбу этих текстов. Пергамент был тяжёл, дорог и долговечен, как медленный монастырский уклад. Бумага легче, живее и уязвимее, как городская цивилизация, зависящая от мира и торговли. Русская

письменная культура выстояла, потому что её носители продолжали переписывать слово. Булгарская оборвалась.

И всё же обе традиции ясно говорят о своём уровне культуры и знания. Одна дошла до нас в камне и железе, другая — ещё и в письменном слове. Разница между ними не в уме и не в таланте, а в том, что одну культуру прервали насильно, а в другой история дала возможность продолжать говорить.

24. ТРЕЗВОСТЬ И ХМЕЛЬ

Когда вглядываешься в историю Волжской Булгарии и Руси, быстро понимаешь, что различия между народами проявляются не только в быте или языке. Иногда вся разница скрыта в том, что люди наливали себе в чашу и кубки вечером и каким считали человека, который умел держать себя в руках. Один народ любил шумное застолье, а другой считал, что голова нужна воину не только для шлема. И из таких бытовых привычек вырастают удивительно устойчивые черты целых культур.

Если смотреть культурные слои древнего Новгорода, можно увидеть следы ям для брожения и керамику с остатками старого мёда. Там же находят берестяные грамоты с записями вроде «меду купити» и «пити идем». Это говорит само за себя. Русский город жил не просто торгами и ремеслом, а ещё и солидным количеством мёда и браги. хмель которых делал людей куда более разговорчивыми и довольными жизнью.

В Булгарии же картина была иная. Раскопанные кварталы Биляра и Булгара показывают огромное количество зерна, мастерских, печей, кузниц и торговых площадей, но почти не содержат следов массового варения хмельного напитка. Встречаются единичные сосуды, но редко и чаще среди немусульманских поселений. То есть булгары жили насыщенной городской жизнью, но без привычки устраивать пиры на весь квартал. Вероятно, если бы булгарину предложили на ночь кубок крепкого напитка, он бы ответил чем-то вроде «мне завтра всаднику быть, а не в углу лежать».

Княжеский пир (реконструкция)

На это сильно повлияло принятие ислама. Ибн Фадлан, побывавший в Булгарии в 921 -922 годах, писал, что жители стараются соблюдать нормы веры и избегать того, что затуманивает разум. Он отмечал, что пьяному человеку там не рады. Это звучит очень просто, но в этой простоте чувствуется каркас поведения: хочешь быть уважаемым — держи голову ясной.

На Руси такого требования не существовало, и народ жил иначе. Нестор, древнерусский монах-летописец, в «Повести временных лет» приводит фразу, сказанную князю Владимиру его людьми, что «Руси есть веселие пити, не можем без того быти». Эту цитату знает каждый школьник, и она звучит так, будто люди обсуждали не веру, а меню на ближайший пир. Арабский автор аль-Масуди писал, что русы часто бывают в состоянии опьянения, особенно на больших сборищах. Он удивлялся, что при этом они всё равно остаются выносливыми и сильными в бою.

И вот тут начинается интересное. Пьянство не делало русских воинов слабыми в сражениях. Они могли щедро наполнять

чашу, но в момент опасности действовали с горячей смелостью и часто с такой упорной отвагой, что даже их враги не скрывали уважения. Русские дружины нередко вставали в строй утром после бурных пиршеств, будто вечером ничем особенным не занимались. Выходили немного пьяными, с жёстким огнем в глазах, но сохраняли удивительную готовность к бою, которую трудно объяснить иначе как привычкой, закалённой временем.

У болгар всё было устроено совсем иначе. Булгарский всадник ценил трезвость как часть мастерства. Стрельба из сложносоставного лука требовала ясного глаза и твёрдой руки. Попробуйте представить всадника, который несётся во весь опор, меняет направление, держит поводья и натягивает лук, а при этом пьян. Даже воображение отказывается работать. В состоянии опьянения болгарскому воину было бы трудно не то что попасть в цель, но и удержаться в седле. Поэтому пьянство приравнивалось к тому, что человек поставил под угрозу себя, коня и весь свой отряд.

Степной всадник мог быть кем угодно — ремесленником, купцом, воином, пастухом — но только не человеком, который позволяет чаще управлять руками. В болгарском обществе трезвость была не подвигом, а обычной нормой. Её никто не обсуждал, как никто не обсуждает, что копьё должно быть острым.

Так два народа жили по соседству — и будто под разными небесами. Один воспринимал хмельной напиток как часть души и способ общения. Другой считал, что сила начинается с ясного ума. Но оба пути вели к формированию мощных характеров. Булгарин был сдержанным и рассудительным, а русич — горячим и отважным. И хотя один предпочитал трезвость, а другой любил пир, оба народа умели стоять за своё. Русские воины могли быть склонны к гулянию, но оставались бесстрашными и не дрогнули бы даже тогда, когда земля уходила из-под ног. Булгарские всадники редко позволяли себе хмель, но именно поэтому славились точностью, выносливостью и выдержкой.

Разные привычки создавали разные дороги и каждая дорога вела к своему смыслу. История не строится на одинаковости. Она рождается из характеров, и в этом смысле и русичи и болгары

ры оставались верны тому, что считали честью — каждый по-своему.

25. БУЛГАРИЯ ИДЕЛЯ И РУСЬ ПЕРЕД НАШЕСТВИЕМ МОНГОЛОВ – ДВА МИРА НАКАНУНЕ КАТАСТРОФЫ

В первой трети XIII века Волжская Булгария и Русь были двумя крупными центрами северо-восточной Европы. Их связи складывались из торговли, походов, временных союзов и соперничества. В разные годы они то боролись за речные переправы и лесные пограничные зоны, то обменивались товарами, делая Булгар одним из самых посещаемых рынков для русских купцов. Несмотря на напряжённость, именно к рубежу XIII века обе страны вошли в фазу сложного, но продуктивного взаимодействия. Булгария достигла высокого уровня ремесла, торговли и городской культуры, тогда как Русь пыталась найти устойчивость между княжескими усобицами и укреплением путей, ведущих к Волге. Монгольская армия настигла их в момент, когда каждая сторона стояла на пике своего развития. Именно поэтому сравнение этих двух миров помогает понять будущий масштаб разрушения.

Булгария XIII века была страной с ярко выраженной городской жизнью. Земледелие, ремесло и торговля поддерживали друг друга. Булгар, Биляр, Сувар, Ошель, Кашан и множество малых городов были связаны дорогами и речными путями. Археологи находят следы мощного ремесленного производства. В Булгаре работали ювелиры, литейщики, стеклодувы, оружейники. В Биляре действовали крупные металлургические центры. Каменные мечети, минареты, уличные кварталы, водопроводы – всё говорило о высоком уровне городской культуры. Русские купцы, бывавшие в этих городах, отмечали богатство местных рынков и разнообразие товаров. С их слов Булгар был местом, где вместе встречались меха, серебро, восточные ткани, кожа, украшения и оружие.

Русь в это время представляла собой не единое государство, а сложное объединение княжеств, связанных общей культурой, верой и династической традицией, но не единым центром власти.

Северо-Восточные земли — Владимиро-Суздальские, Ростовские, Ярославские, Муромские — представляли собой сеть укрупнённых городов, каждый из которых был центром власти и торговли для окружающих волостей. Киев к этому времени утратил своё прежнее значение, но Новгород оставался важнейшим торговым узлом, контролировавшим путь от Балтики к Волге. Русские города были хорошо укреплены, но уровень ремесленной специализации был менее разнообразным. Торговля развивалась активно, но зависела от исхода конфликтов между князьями и от контроля над волжским направлением.

Экономические связи между Булгарией и Русью оставались сильными в течение столетий. Булгары покупали у русских железо, орудия, льняную ткань, мёд, воск и меха. Русские брали у булгар товары восточного происхождения. Это были ткани, украшения, стекло, керамика, кожа, а также изделия болгарских мастеров. Русские источники упоминают «златокузнецов болгарских», подчёркивая их мастерство. Торговые караваны шли по Волге ежегодно, и даже во время редких военных столкновений обмен товарами не прекращался. В XII веке, когда русские князья предпринимали походы на болгарские города, торговцы всё равно возвращались на рынок Булгара.

Военные отношения между странами менялись от десятилетия к десятилетию. Русские князья несколько раз пытались воздействовать на Булгарию силой. Юрий Долгорукий и его наследники проводили походы, рассчитывая получить уступки в пограничных землях. Булгарские войска с их конницей и сильными крепостями нередко выдерживали такие удары. В летописях зафиксированы случаи поражений русских дружин. В XIII веке напряжённость постепенно ослабла. Русь была занята внутренними конфликтами, а Булгария укрепляла связи со странами Кавказа и Востока. Между двумя мирами установилось хрупкое равновесие.

Общественное устройство стран имело свои особенности. В Булгарии сосуществовали булгары огурской группы, кыпчаки, мордва, мари, удмурты, башкиры и финно-угорские племена.

Они сохраняли свои языки и традиции, входя в общую систему, основанную на наследственной власти, религии и городской культуре. Булгария обладала письменностью, административными механизмами и сетью крупных центров, где развивалось ремесло. Русь также была многоэтничной, но оставалась раздробленной. Княжества имели собственные интересы и нередко были соперниками. Общая система, связывающая всю страну, к 1220-м годам существовала лишь формально. Русские города были сильными, но зависели от конкретного князя, тогда как в Булгарии города входили в единую структуру.

Особенно заметна разница в денежной системе. Волжская Булгария использовала серебряные монеты с X века. В XI – XII веках развилось собственное чеканение. Серебряные дирхемы восточного происхождения ходили наряду с местными монетами. В городах находят тысячи монет, что говорит о тесных торговых связях. Русь же находилась в длительном периоде отсутствия собственного монетного чеканения. Серебряные потоки ослабли, и расчёты велись слитками, гривнами и натуральными товарами. Булгарская экономика была денежной и ориентированной на дальние рынки, русская – преимущественно натуральной.

К XIII веку различия между странами стали особенно отчетливы. Булгария была плотнозаселённой и богатой, с развитой системой городов, ремёсел и торговли. Русь обладала значительным военным и демографическим потенциалом, но её сила была разорвана внутренними противоречиями. Это стало одной из причин того, что Булгария первой приняла удар монгольской армии. Она имела достаточно сил, чтобы сопротивляться, но оказалась на пути войска, которое прошло через огромную часть Евразии. Русь встретила монголов позднее, уже после того как болгарские города были разрушены и их сопротивление сломлено.

Отношения между Булгарией и Русью накануне нашествия были непростыми, но взаимовыгодными. Торговля скрепляла связи сильнее, чем война. Русские летописи отмечают, что тор-

говля с булгарами была значительной. Археология фиксирует русские товары в болгарских слоях, а болгарские — в русских городах. Между двумя странами существовал баланс, который позволял им сосуществовать и развиваться рядом, несмотря на различия религий, уклада и интересов. Монгольское нашествие разрушило этот мир и стало концом эпохи, когда два крупных центра Восточной Европы шли рядом собственными путями, сталкивались, соперничали, но всё же были связаны общими дорогами и общей историей.

26. ЖЕНЩИНЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ. ОБЩАЯ СУДЬБА В ЭПОХУ ЗАВОЕВАНИЙ

До катастрофы. Городская жизнь

До того как показались всадники монгольской конницы, женщины Волжской Булгарии и Руси жили в мирах, разных по культуре, но схожих по устройству. Их жизнь редко попадала в летописи, потому что считалась обычной. А именно из таких «обычных» вещей и складывается устойчивость любого общества.

Мы знаем имена немногих женщин средневекового Поволжья. Они дошли до нас с надгробных плит Булгара и Биляра — в кратких надписях с именами и молитвенными надписями. Фатима, Амина, Зайнаб, Хадиджа. Мы не знаем их биографий, но сам факт сохранённого имени говорит о том, что женщина была уважаемой частью болгарского мира. О существовании и образе жизни других женщин можно узнать лишь косвенно — по ремесленным находкам, по структуре городских кварталов, по нормам исламского и русского права.

Исторические источники сохранили для нас и одно женское имя при дворе Орды — Тайдула-хатун, жену хана Узбека, которая в определённый момент оказалась на вершине власти.

В болгарских городах женщина была частью городской экономики. Археология показывает это. В кварталах Булгара, Биляра и Суvara находят предметы, связанные с ткачеством, обработкой

кожи, приготовлением пищи, хранением товаров и мелкой торговлей. Женщина не была заперта в доме как тень мужчины. Она жила в городе, ходила на рынок, участвовала в ремесле семьи, вела хозяйство, растила детей и поддерживала религиозную жизнь дома.

Ислам задавал рамки, но не делал женщину невидимой. Она имела право на имущество, на приданое, на защиту от произвола внутри общины. Надгробные плиты с женскими именами и благопожеланиями говорят о том, что память о женщине считалась значимой. Это был не мир равенства в современном смысле, но и не мир бесправия.

На Руси картина была иной по форме, но близкой по сути. Женщина жила в усадьбе, в доме, в ремесленной среде. Новгородские берестяные грамоты показывают, что женщины писали, вели дела, распоряжались имуществом, давали указания и принимали решения. Они торговали, судились, договаривались. В деревнях их жизнь была тяжелее, но роль — не менее важной. Дом, скот, огород, дети и запасы держались на женских руках.

И в Булгарии, и на Руси женщина была частью устойчивого мира. Её жизнь не была героической, но конечно была необходимой основой для существования общества. Поэтому воздействие катастрофы на женскую часть общества оказалось трагически сильным.

Когда город захвачен

В XIII веке война перестала быть делом дружин и полей. Она вошла в города. Монголы не принесли жестокость в мир — они лишь научились действовать хладнокровно, последовательно, превратив страх в механизм власти. Захваченный город рассматривался как добыча. После прорыва стен защита прекращалась. Начиналось разграбление, угон и уничтожение.

Источники почти не описывают судьбу женщин напрямую. И это отсутствие информации — один из самых мрачных признаков эпохи. Летописец писал о падении города, о гибели мужей, о сожжённых церквях и мечетях. А дальше — часто был пробел в повествовании. Но это хорошо знакомо историкам.

Арабские, персидские и русские источники сходятся в одном. Женщины и дети становились частью военной добычи. Их уводили, распределяли, продавали, принуждали к жизни, которую они не выбирали. Это происходило и в Булгарии, и на Руси. Разницы не было.

Археология дополняет эту картину. В слоях разрушений находят захоронения женщин и детей с признаками насильственной смерти, иногда без погребального обряда, иногда брошенные в спешке. Это говорит о том, что времени и возможности для прощания просто не существовало. Для женщины падение города означало потерю всего сразу. Дома, родных, статуса, имени, защитного круга общины. Она могла выжить физически, но прежняя жизнь прекращалась в тот же день.

Похожесть судеб

Судьба булгарских и русских женщин в момент завоеваний была почти одинаковой.

Не имело значения, молилась ли она в мечети или в церкви. Не имело значения, говорила ли она на тюркском или на славянском языке. В момент падения города культурные различия исчезали. Оставалась только уязвимость и страх.

Женщин угоняли в степь, в Орду, в другие земли. Одни становились служанками, другие — наложницами, третьи — жёнами по принуждению. Некоторые погибали по дороге, теряли детей, навсегда исчезали из всех источников.

И в Булгарии, и на Руси это было не исключением, а частью военной логики эпохи. Монголы действовали жёстко и в рамках тогдашнего понимания войны. Это было нормой того времени.

Со временем потомки этих женщин растворялись в новых обществах. Их дети говорили на других языках, носили другие имена, жили в другой власти. Следы предков терялись.

Женщины Средневековья почти не оставили собственных свидетельств. Мы знаем это потому, что летописи фиксируют походы, имена правителей и даты осад. Судебные документы говорят о земле и долгах. Археология показывает дома, мастерские и оружие. Женская судьба проявляется в них не напрямую, а как

утрата — через отсутствие и разорванность исторического рассказа.

После завоеваний XIII века это становится особенно заметно. Археология фиксирует не только разрушения, но и пустоту. Исчезают жилые кварталы, обрывается жизнь поселений, нарушается привычная структура захоронений, где раньше отражалась нормальная семейная и возрастная картина общества. Это и есть демографическая катастрофа, о которой летописи говорят скупно. Её невозможно объяснить только гибелью воинов. Демография упрямая наука — общество, теряющее женщин, теряет не просто численность, а само будущее.

Письменные источники говорят мало, но однозначно. Русские летописи упоминают «великий плен», «уведение людей», «разорение домов». Восточные хроники фиксируют распределение добычи после взятия городов. Женщины в этих текстах не называются по именам — они входят в общую категорию захваченного населения. Это не особенность языка, а отражение реальности.

Булгарские города и русские княжества пережили это одинаково. Разные традиции и религии, но схожая уязвимость. Захваченный город уравнивал всех. Монголы действовали по единой военной системе, и её правила не делали различий между Булгаром и Рязанью. Археология подтверждает это там, где письменные источники отсутствуют — следами пожаров, брошенными домами, спешно покинутыми вещами и отсутствием нормальной жизни на протяжении поколений.

Исследователи опираются на факты — летописные формулы, археологические слои, демографические разрывы. И все они говорят об одном. Завоевания XIII века были не только военной катастрофой. Они были катастрофой человеческой. И именно женская судьба позволяет увидеть это без иллюзий.

27. МОНГОЛЬСКОЕ НАШЕСТВИЕ — ПОСЛЕДНИЙ БОЙ БИЛЯРА И ПАДЕНИЕ БУЛГАРА

Когда говорят о конце Волжской Булгарии, чаще всего вспоминают 1236 год и дымящиеся руины Булгара. Но причина, которая ослабила страну, появилась задолго до этого. Она была едва заметной, затем медленно усиливалась. Это была не гражданская смута и не распад элит, а скрытая уязвимость самой модели — государства, сильного в торговле и городской жизни, но слишком зависящего от своих столиц и старых представлений о войне, в запоздалом осознании того, что на востоке возникла сила иного порядка. Чтобы понять, почему страна, богатая, плотная по населению и опирающаяся на мощные города, не смогла устоять, нужно вернуться в самое начало XIII века, когда на востоке впервые поднялась пыль неизвестной конницы.

В 1220 году первые отряды монголов под командованием Субэдэя и Джэбэ подошли к Каспию. На их пути исчезли Хорезм, кавказские крепости, степные союзы. Булгарские торговцы и дозоры первыми принесли вести о людях, которые двигались иначе, чем все прежние кочевники. Они шли непрерывным строем, как единая волна. Их дисциплина, скорость и организация поражали. Многие булгарские эмиры поначалу не поверили рассказам, но позже пришли сообщения от русских купцов и уйгурских посредников. На востоке растёт сила, которая ещё не знала поражений.

К 1222 году монголы прошли Кавказ, уничтожили Аланию, сломали кипчаков и вышли в степи Приазовья. Следующей на их пути оказалась Булгария. Эмир Челбир немедленно начал подготовку. Он укрепил южные переправы, усилил гарнизоны Казани и Ошеля, собирал сведения о движениях врага. Булгары не уступали монголам в знании степной войны. Они умели устраивать засады, быстро маневрировать, бить внезапно. Челбир понимал, что открытый бой обрёт бы страну, но внезапный удар мог дать шанс.

В 1223 году монголы впервые подошли к Самарской Луке. Здесь, между изгибами Кондурчи, холмами и лесными массива-

ми, булгары приготовили засаду. Они пропустили авангард противника в узкое пространство, после чего ударили сразу с трёх направлений. Это была первая большая схватка между двумя мирами. Монголы не ожидали такого сопротивления от народа, которого многие считали северным и неспособным вести крупные сражения. Битва была яростной. Булгарская тяжёлая конница прорвала монгольский строй. Фланги осыпали врага стрелами. Резерв ударил в тыл. Монголы отступили. Восточные источники сохранили короткие строки. Булгары обратили врага в бегство. Монголы потеряли лучших людей.

Это была победа, но не победа конца войны. Монголы ушли, чтобы вернуться. Субэдэй, потерпевший одно из редких поражений, поклялся вернуть удар. Булгарские воины праздновали успех, но эмир понимал, что это только тень грядущей бури.

После 1223 года страна начала стремительно укрепляться. В Биляре выросли новые линии валов и башен. Укрепления тянулись на множество километров. Булгар строил каменные стены, усиливал гарнизоны, расширял ремесленные кварталы, чтобы снабжать армию. В Казани и Ошеле появились дополнительные укрепления. Булгария напоминала один живой организм, который напрягает мышцы перед ударом.

В 1236 году монгольское нашествие превратилось в полномасштабную операцию Улуса Джучи. Численность войска оценивается в десятки тысяч опытных воинов. Это была элита, прошедшая войны в Средней Азии и на Кавказе. Против них стояла страна с миллионным населением, густой сетью городов и сильным войском. Но монгольская армия действовала как отлаженный механизм, которая перемалывала сопротивление не числом, а своей системой.

Удар первым принял юг. Затем монголы подошли к Биляру. Этот город был сердцем страны, его стены и валы защищали огромную площадь. Монголы окружили город, начали разрушать укрепления тяжёлыми таранами, камнемётами и огненными снарядами.

Биляр держался неделями. Бои шли в каждом квартале и каменные стены были оплавлены огнём. Находят обломки оружия, наконечники стрел, следы рукопашных схваток. Гибли воины, мастера, жители. Но тогда город выполнил задачу и задержал монголов. Это дало жителям северных районов возможность уйти в лесные пространства и пережить бурю. Поэтому археологи находят булгарские поселения далеко на северо-востоке. Там скрылись те, кто спасся после катастрофы.

Когда пал Биляр, монголы повернули на Булгар. Этот город тоже сопротивлялся. Его укрепления были слабее, поэтому осада была короче. Булгар сожгли и разграбили, но он не исчез полностью. Южная часть города и некоторые предместья уцелели. Это позволило ему возродиться. Позже он станет одним из центров Улуса Джучи и вновь поднимется.

Государственная структура булгар, опиравшаяся на столицу и её аппарат, не пережила падения Биляра. С гибелью города исчезла система власти, архивы, значительная часть элиты. Вместе с ними погибли и хранилища письменной памяти — библиотеки, собрания рукописей, учебные записи, богословские и правовые труды, медицинские трактаты и хозяйственные книги, написанные на бумаге. То, что веками переписывалось и накапливалось, сгорело за считанные дни. Это был не просто военный разгром, а утрата огромного пласта знаний, который практически не поддается восстановлению. Так завершился независимый период истории страны.

Люди, однако, не исчезли. Одни ушли в северные леса, другие расселились по селениям, третьи вошли в новый порядок Улуса Джучи. Булгар и Сувар поднялись снова и продолжили жить уже в другой эпохе. Ремёсла, язык, вера и городская традиция уцелели и прошли через огонь. Но письменная культура, связанная с государством и хранилищами знаний была прервана. Она сохранилась лишь в обрывках, в памяти людей и в редких текстах, вынесенных из погибших городов. Именно поэтому о булгарской науке и книжности мы сегодня знаем меньше, чем она того заслуживает, хотя сама жизнь и культура

народа продолжились и стали основой будущего развития всего региона.

Монголы разрушили старый порядок, но не смогли уничтожить непрерывность жизни. Из руин выросли новые формы, новые союзы, новые города. И в этом — не утешение, а трезвое понимание истории — народы гибнут не тогда, когда их побеждают, а тогда, когда исчезает память о том, кем они были.

Булгария потеряла свои стены и книги, но сохранила главное — людей, которые понесли её опыт дальше, в иные века и иные имена. Именно поэтому разговор о монгольском нашествии — это не рассказ о конце, а попытка понять цену, которую пришлось заплатить за продолжение жизни

28. ВОЗРОЖДЕНИЕ БУЛГАРА ПОД ВЛАСТЬЮ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Когда пепел пожаров 1236 года осел на берегах Иделя, казалось, что жизнь в этих местах ушла навсегда. Сожжённые стены Биляра, полуразрушенные кварталы Булгара, пустые селения между Волгой и Камой напоминали об окончательном крахе страны, которая веками служила мостом между степью и лесом. Но именно под властью тех, кто пришёл как разрушители, началось возвращение к жизни. Этот процесс стал одним из самых необычных примеров восстановления цивилизации после полного опустошения. Золотая Орда нуждалась в городах, в ремесле, в торговых узлах, поэтому Волжская Булгария как регион возродилась значительно быстрее, чем могли предполагать современники.

Булгар стал первым местом, где новая власть решила начать восстановление. Город был тяжело повреждён, но его каменные фундаменты, глубокие хранилища, остатки мастерских и уцелевшие стены позволили возобновить строительство почти сразу. Ордынская администрация разместила здесь центр управления северными территориями Улуса Джучи. В городе появились склады для сбора ясака, помещения для чиновников, карауль-

ные дворы для караванов. Уже в 1240–1250-х годах по улицам Булгара снова звучал стук молотов, тянулся дым кузниц и вращались керамические круги ремесленников.

Под властью Орды Булгар превратился в крупный ремесленный и торговый центр. Монголы открыли дороги, связывающие город с Сараем, Кавказом и Хорезмом. Через него снова пошли караваны, но уже в масштабах огромной империи. Восточные ткани, металл, оружие, скот, меха, стекло, изделия мастеров — всё это двигалось по Иделю и по степным маршрутам. Археологические раскопки показывают, что через несколько десятилетий объём производства превысил показатели домонгольского времени. Железные мастерские работали почти без перерывов и обеспечивали регион плугами, ножами, замками, котлами, шлемами и наконечниками. Булгар превратился из северного пограничного города исламского мира в крупный ремесленный узел Золотой Орды.

Вторым важным центром стал Сувар. Этот древний город, несмотря на повреждения, быстро ожил благодаря своей выгодной позиции на торговых путях. Ремесленники Суvara были известны ещё в раннее средневековье, и под новой властью их изделия вновь получили широкое распространение. Клады XIII — XIV веков содержат товары суварских мастеров, от украшений до металлических элементов конструкций. Эти находки показывают, насколько быстро город вернулся к полноценной жизни.

Важнейшим условием восстановления стала торговая инфраструктура. Ордынская власть уделяла много внимания созданию сети караван-сараяв, охранных застав, мостов и переправ. Булгар превратился в ключевой узел, через который проходили товары из Руси, финно-угорского севера, Урала, Средней Азии и степи. Дороги, находившиеся под контролем Орды, обеспечивали редкую для Средневековья устойчивость и безопасность торговли.

Знаковым проявлением возрождения стала чеканка монет. Под ордынским управлением в Булгаре работали монетные дворы, выпускавшие серебряные дирхемы и медные монеты. Най-

денные в регионе клады показывают высокую интенсивность денежного обращения. Экономика была включена в международный рынок, а монетные ряды демонстрируют связь с Сараем, Хорезмом, Персией и Кавказом. Финансовая система Улуса Джучи дала Иделю то, чего ему не хватало ранее — устойчивость и возможность крупных торговых операций.

В сельской местности восстановление шло постепенно. Земледельцы использовали тяжёлый плуг и систему ирригации, умели работать в условиях сурового климата. Сожжённые деревни восстанавливались быстро. Археологические материалы показывают новое строительство, расширение хозяйств и рост заселённости. На севере возникли новые поселения в лесостепи и лесных районах. В этих местах формировались общины, которые позже сыграют значимую роль в истории региона.

Городская культура тоже претерпела изменения. Монголы привнесли собственное администрирование и порядок, но внутренняя организация городов сохраняла болгарские черты. Кварталы, ремесленные районы, водопровод и строительные методы продолжали развиваться по линиям, которые существовали ещё до нашествия. Керамика XIII — XIV веков сохраняет местные формы, а металлические изделия — традиционные орнаменты. Архитектура сочетает новые элементы управления с устойчивыми местными традициями.

В XIV веке Булгар становится тем, что многие исследователи называют северной столицей Орды. Путешественники отмечали его богатые рынки, восточные географы описывали мастерство ремесленников, русские источники фиксировали торговлю с болгарскими купцами. Это был город, который пережил гибель своего государства, но смог заново стать центром жизни огромного региона.

После включения этих земель в состав Улуса Джучи письменная жизнь не исчезла, но изменилась. Орда не уничтожала письмо как таковое — напротив, она унаследовала и развила ту же арабо-мусульманскую письменную традицию, частью которой раньше была Волжская Булгария. В управлении, дипломатии

и хозяйстве продолжали использовать бумагу, арабскую графику и тюркский язык, постепенно складывающийся в наддиалектную письменную форму. Делопроизводство, ярлыки, договоры, налоговые записи, переписка с внешним миром велись письменно, потому что без этого огромное кочевое-оседлое государство просто не могло существовать. Однако характер этой письменности стал более практическим и государственным. Если болгарская эпоха знала медресе, библиотеки и научные занятия как часть городской жизни, то при Орде письмо всё больше служило власти, закону и сбору налогов. Учёность не исчезла полностью, но отошла на второй план, уступив место канцелярии и управлению. Слово продолжало жить, но уже не в прежней среде, и поэтому новая письменная культура стала продолжением старой лишь частично, сохранив форму и язык, но утратив значительную часть глубины и разнообразия, накопленных в домонгольское время.

29. ЗОЛОТО БУЛГАРА И СИМВОЛ, КОТОРЫЙ ОБРЁЛ НОВОЕ ИМЯ

Ювелирное ремесло Булгарии Иделя XIII — XIV веков, уже находившейся под властью Золотой Орды, стояло на уровне, к которому приходят только культуры с длительной традицией, устойчивой экономикой и развитой художественной школой. В болгарских городах мастерские не просто обслуживали спрос местной знати — они создавали изделия, которые в современной науке рассматриваются как эталонные для золотоордынского ювелирного круга. Тончайшая золотая проволока, скрученная в плотные узоры; ровная, почти математическая зернь, уложенная в геометрические мотивы; уверенные растительные орнаменты — всё это вырабатывалось поколениями ремесленников, передававших навыки от учителя к ученику, от семьи к семье. Их декоративный язык был настолько узнаваем, что современные археологи определяют болгарское происхождение вещи по одному фрагменту пластины или обломку серёжки.

Особую ценность для исследователей представляют болгарские головные уборы. Они делались из нескольких — шести, восьми, десяти — золотых или серебряных пластин, скреплённых в низкую округлую форму. Каждая такая пластина украшалась сканью и зернью, а по нижнему краю часто крепились подвески — цепочки или небольшие бляшки. На вершину устанавливался куполообразный элемент, невысокий и гладкий, характерный для тюркской традиции. Это был не просто декоративный предмет, а показатель принадлежности к роду и статусу. Подобные уборы носили женщины знатных семей, иногда — как семейные реликвии, иногда — как часть свадебных и родовых комплектов, которые передавались следующим поколениям. Каждая шапочка была произведением искусства и признаком высокого социального положения, а сами мастера, возможно, даже имели узкую специализацию — одни выполняли скань, другие — огранку вставок, третьи — скрепление сегментов. И в этом разделении труда проявлялась высокая точность и профессиональная культура болгарских ремесленников.

Булгарские изделия распространялись достаточно широко. Через торговлю, дипломатические дары или как трофеи после военных компаний они попадали на значительные расстояния. Русские земли не были исключением. Находки золотоордынских и болгарских украшений на территории древнерусских городов показывают, что такие предметы проникали туда регулярно. Иногда это были пояса или серьги, иногда — предметы культа, иногда — отдельные пластины от разрушенных головных уборов. Точная карта перемещения этих вещей сегодня едва ли поддаётся реконструкции, но ясно одно — в XIV веке материалы болгарской работы были в обращении далеко за пределами Идея. Для русских князей такие изделия были не только редкостью, но и подтверждением высокого статуса. К середине XIV века контакты между русскими княжествами и Ордой были достаточно плотными, чтобы подобные предметы могли появляться в московской казне как трофеи или как дары от ордынской знати.

«Шапка Мономаха» Photo: Wikipedia / Shakko (Sofia Bagdasarova)

И вот среди этих предметов оказался один, который со временем получил особое значение. В описях московской казны конца XIV — начала XV века впервые упоминается необычный золотой головной убор, состоящий из нескольких пластин, украшенных тонкой работой и драгоценными камнями. Позднее, уже в XVI веке, ему дали громкое имя — «Шапка Мономаха», связав его с византийским императором Константином IX и русским князем Владимиром Мономахом. Легенда гласила, что этот убор был подарен князю от византийского деда, что делало московских правителей наследниками имперской традиции. В реальности ни один элемент конструкции этого предмета не имеет отношения к византийскому искусству XI века: ни техника, ни форма, ни орнамент, ни даже сама идея составного сегментного убора. Но название прижилось, потому что московской власти XVI века требовалась история, которая закрепила бы её статус как преемницы Рима и Константинополя. Для такой задачи болгарское происхождение предмета не подходило. А вот идея далёкой византийской связи — вполне.

Именно в XVI веке эта шапка стала государственным символом. Чтобы придать ему христианский облик, на вершину установили крест, заменив им куполообразное тюркское навершие.

Сигизмунд Герберштейн — австрийский дипломат и посол Священной Римской империи, дважды посетивший Московское государство в 1517 и 1526 годах, — в своих «Записках о московитских делах» подробно описывал придворные обычаи и богатые головные уборы, которые использовались в московском ритуале. Его наблюдения не дают описания конкретного золотого сегментного убора, но хорошо показывают культурную среду, где сложилась привычка воспринимать подобные вещи как знаки власти и статуса.

Именно в этой среде первоначальный болгарский головной убор был переосмыслен и переделан. Подвески, характерные для женских тюркских шапок XIII — XIV веков, в московский период были сняты, так как не соответствовали местным представлениям о мужском, тем более царском головном уборе. После этих изменений шапка стала восприниматься как корона, хотя ее конструкция оставалась той же, что и у болгарских сегментных уборов. В таком виде она вошла в церемониальный обиход и стал главной царской реликвией вплоть до XVIII века, сохранив символическое значение.

Сравнительный анализ показывает, что этот символ власти имеет всю совокупность признаков болгарского мастерства. Золотые сегменты выполнены в тех же пропорциях, что и пластины из болгарских уборов. Орнамент идентичен находкам из Поволжья и Крыма. Скань (легкий ажурный каркас из золотой проволоки) и зернь (россыпь золотых капель) находятся на уровне, который встречается именно в болгарской среде. Первоначальное навершие — типичный тюркский элемент. Подвески — стандартная часть женских болгарских украшений. Наконец, датировка XIII — XIV веков совпадает с периодом расцвета болгарской ювелирной школы. Казанское ханство, появившееся в XV веке, уже не имело такой традиции — его изделия тяготели к персидской или османской стилистике. Все эти факты указывают на то, что данный предмет не относится к мужским коронам более позднего происхождения и, с высокой вероятностью, представляет собой болгарский женский убор, прошедший через судьбы разных эпох.

С этим сопоставлением не согласуется и любимая татарская народная легенда о том, что шапка принадлежала царице Сююмбике и была увезена Иваном Грозным после падения Казани. Эта легенда эмоциональна и понятна — она выражает народную память о трагических событиях XVI века. Но она не подтверждается историческими источниками — шапка была в Москве намного раньше, а ее стиль отличается от изделий Казанского ханства. Нельзя объяснить предмет XIV века изделием XVI века — эпохи разделяет слишком большой временной интервал.

Иногда подобные преобразования предметов культурного наследия приводят к неожиданным и грустным параллелям. В русских монастырях до сих пор можно увидеть каменные плиты с арабской вязью — остатки надгробий и архитектурных элементов, вывезенных из разрушенных мечетей Казанского ханства после взятия Казани. Эти камни использовали как ступени и строительный материал без особых раздумий. С золотым убором произошло почти то же самое, только в значительно более торжественном масштабе. Тонкая болгарская работа была включена в систему московских символов, и на неё, в буквальном и символическом смысле, поставили крест, подчёркивая новое значение предмета.

Лишь позднейшие легенды пытались скрыть этот факт за византийской историей. Но материальный язык вещи не совпадает с придуманным ей сюжетом. Золото не поддаётся идеологическим переосмыслениям и сохраняет следы реального происхождения. Оно хранит ту эпоху, в которой было создано, и ту руку, которая его изготовила. Болгарское мастерство проявляется во всех элементах убора, который впоследствии стал царской реликвией.

Возможно, этот шапка когда-то принадлежала женщине из знатного болгарского рода. В её семье она могла быть частью значимого комплекта, который использовали в особых случаях — свадьбах, обрядах, встречах гостей. Она была создана не для военных походов, не для тронных залов, а для того, что-

Булгарская женщина в парадной одежде (реконструкция)

бы подчёркивать статус женщины и её семьи. Головной убор, предназначенный для торжественных моментов болгарской жизни, затем прошёл долгий путь и оказался в руках русских князей, потом царей. Многие поколения московских правителей касались вещи, не догадываясь, что под крестом и изменённым обрядом скрыта работа мастеров, чьё ремесло возникло далеко от русских городов.

Сама шапка, вероятно, уже никогда не даст полной картины своей ранней истории, но отдельные её свойства — золото, форма, орнамент — позволяют достаточно уверенно восстановить её происхождение. И в этом есть определённая историческая ирония — символ российской монархии, использовавшийся для подтверждения власти на протяжении многих веков, изначально был женским болгарским украшением. Мастеру, который изготовил этот убор, и в голову не могло прийти, что сделанная им работа станет частью коронационного ритуала правителей другой страны. Женщина, носившая его, не могла представить, что её собственный головной убор через столетия будет восприниматься как главный государственный знак людей, никогда не видевших ни Булгара, ни тех мастеров, которые его создали.

Реальная история иногда выбирает свои пути таким образом, что даже самые бытовые предметы оказываются в центре больших символических систем. Болгарский женский убор, превращённый усилиями московских ювелиров и летописцев в царский знак, — яркий тому пример.

И если смотреть на эту историю без лишнего пафоса, но с лёгкой горечью, то можно отметить, что тонкая работа болгарских мастеров оказалась не только искусной, чтобы пережить эпохи, но и универсальной, чтобы на неё вполне спокойно смогли поставить новый символ — так же уверенно, как камни с арабской вязью уложили в ступени русских монастырей.

30. НАСЛЕДНИКИ БУЛГАРА И ВОСХОЖДЕНИЕ ТАТАРСКОГО НАРОДА

Народ может исчезнуть с карты и из летописей, когда рушатся его города и власть. Но люди остаются и со временем собирают себя снова — как весенняя вода, находящая новые русла и продолжающая путь под новым именем.

Подобное произошло с булгарами после катастрофы 1236 года. Государство Волжской Булгарии было уничтожено, её столицы лежали в руинах, но люди не исчезли. Они ушли в леса, степи, растворились в селениях, вошли в новый порядок Золотой Орды и сохранили главное — язык, веру, ремесло и память о себе.

Они пережили нашествие, вступили в контакт с новыми группами, приняли свежие языковые влияния, изменили свою среду обитания и заново организовали общественную жизнь. Именно так в итоге сформировалось ядро этноса, который позднее назовут татарами. Процесс этот был не быстрым, а растянутым на XIII — XV века. Под властью Золотой Орды возникала новая, устойчивая цивилизационная система, и в ней булгарское наследие сыграло решающую роль.

После пожара, уничтожившего Биляр, Сувар и множество деревень, монгольская администрация начала возвращать жизнь на Идель не из милости, а по необходимости. Империя степи была зависима от городов, ремёсел, грамотных людей, духовных школ, налоговой системы и торговли. Булгары же оставались одним из самых городских народов внутренней Евразии. Поэтому уже в 1240-е годы Булгар назначили административным центром улуса. Его очищали от обломков, открывали рынки, строили караван-сарай и размещали налоговые дворы. На родные земли вернулись булгарские мастера, торговцы, муллы, оружейники, каменщики, гончары и лекари. Рядом с ними появились кыпчаки, канглы, монголы, найманы. Эти группы принесли с собой степную культуру и кыпчакскую речь. Начался этап, который историки называют второй тюркизацией Поволжья.

Булгарское основание при этом не исчезло. В XIII — XIV веках Булгар снова стал одним из крупнейших городов северной части Орды. Его называли городом рынков и башен, местом богатства и учёных. Восточные авторы отмечали работу лучших кузнецов империи и высокую ценность булгарского железа от Кавказа до Китая, а также силу местной духовной среды. Эпиграфические памятники сохранили имена десятков булгарских учёных. Среди них Ходжа Тадж ад-Дин Булгари, Сайф ад-Дин Булгари, Ахмад-Булгари, чьи знания были известны в Сарае и Хорезме.

Ислам в Булгарии не ослаб под монгольской властью. При Бэрке хане он стал важной частью устройства западной Орды, что усилило позиции булгарской прослойки в управлении. Булгарские мусульмане работали имамами, судьями, писцами и советниками. Известны имена тех, кто занимал значимые должности. Бахтияр-бек управлял округом при Берке и Мунке-Темире. Тимур-Булат Булгари служил налоговым чиновником в эпоху Узбека. Али ас-Суварии наблюдал за торговыми путями. Булат-бай ашыг Булгари отвечал за казну Булгара. Хасан аль-Булгари руководил караван-сараями и оставил собственную печать на найденных документах.

Тем временем город переживал глубокие перемены в составе населения. Потоки кыпчаков, кыпчаков-каганлы, найманов и других тюркских групп постепенно смешались с местными жителями. Булгарский огурский язык уступал пространство более гибкому и распространённому кыпчакскому, хотя не исчез полностью. Именно поэтому будущий татарский язык не превратился в чисто кыпчакский. Булгарские слова присутствуют до сих пор. Среди них йорт-дом, көн- день, күгәрчен-голубь, көнекмә-навык, чүмәлә-стог, көмеш-серебро и множество других. Следы булгарского языка заметны в суффиксах, гласных переходах и отдельных грамматических формах.

В северо-западных землях, где позже сформируются чуваш, судьба булгарской речи оказалась иной. Там огурский язык пережил эпоху Орды и дошёл до сегодняшнего дня в виде чув-

вашского. Поэтому становление татар не было простым переходом от одного языка к другому. Это разделение двух ветвей болгарской цивилизации. Одна сохранила огурскую речь и стала чувашами, другая прошла через тюркизацию, удержав болгарское культурное ядро, и стала татарами.

Булгарская духовная традиция прослеживается и по именам городской элиты XIII — XIV веков. Каменные надгробия из Булгара и Суvara сохранили сотни имён. Среди них Хамза ибн Исхак, Тамим ибн Юсуф, Рашид ад-Дин ибн Ахмад, Али ибн Рахман ибн Тагир, Ибрахим ибн Фарух ас-Сувари, Муса ибн Хабиб, Сабир ал-Булгари. Встречаются и женские имена. Фатима бинт Али, Айша бинт Муса, Зухра бинт Юсуф, Илбике бинт Хамид. Эти надгробия дают редкую возможность увидеть, как жила образованная булгарская часть общества и каким оставался духовный облик города в период Орды.

Монголы активно использовали труд булгарских ремесленников. До нас дошли имена мастеров. Абд ар-Рахман ибн Юнус был оружейником. Булгар-оглы Хасан работал кузнецом. Саад ад-Дин ибн Муса чеканил монеты. Мухаммад бин Халиль ас-Суvari занимался гончарным делом. Это та профессиональная среда, без которой монгольская империя не могла существовать.

К концу XIV века в документах появляются первые носители этнонима татары, но имеющие булгарское происхождение. Например, Махмуд Булгари, которого персидские авторы называют татаринoм из Булгара. Или Муса бин Хусайн ат-Татари ал-Булгари, чьё имя соединяет этническое обозначение с указанием происхождения. Возникает и фигура Сайф ад-Дина Казани, одного из первых известных представителей Казани как культурного и религиозного центра. Его имя встречается в средневековых мусульманских письменных традициях и связывается с ранними богословскими и юридическими школами Волжской Булгарии. Уже сам эпитет «Казани» указывает на то, что к тому времени город воспринимался не просто как укреплённое поселение, а как место, где формировалась собственная учёная среда и сохранилась преемственность булгарско-исламской письменной

культуры. Упоминание Сайф ад-Дина служит одним из ранних подтверждений того, что Казань постепенно становилась центром образования и духовной жизни региона. В XIV веке Казань была уже не просто крепостью, а сформировавшимся городским центром, который унаследовал традиции северных булгарских земель и стал новым узлом политической, торговой и духовной жизни региона.

К XV веку, после распада Орды, эти процессы подошли к завершению. Булгарский язык почти исчез в центральных землях и удержался лишь на территории, где позже сформировался чувашский народ. Кыпчакская речь стала основой нового общего языка. Булгарская государственная традиция перешла в Казанское ханство, а городская знать постепенно приняла татарский этноним. Булгар и Казань превратились в два ключевых центра, вокруг которых складывалась идентичность нового народа. Ислам укрепил свои позиции и стал важнейшей объединяющей силой. Булгарские ремёсла, кухня, одежда и элементы социальной культуры не исчезли — они продолжили жизнь в изменённой, но узнаваемой форме.

Так булгары в процессе длительного исторического развития и этнокультурного взаимодействия постепенно оформились как часть татарской этнической общности, и это видно не только по общему ходу событий, но и по совокупности археологических, лингвистических и письменных свидетельств. Процесс шёл через разрушения и войны, что подтверждается слоями пожаров в Болгарском городище и повторными реконструкциями укреплений XIII — XIV веков. Он шёл через смешение племён, о котором говорят как арабские географы, отмечавшие многоязычие Волжской Булгарии, так и антропологические данные, фиксирующие постепенное усиление кыпчакского компонента в XIV — XV веках. Торговля и городская жизнь оставили след в материальной культуре: керамика, украшения, оружие и монеты Казани наследуют булгарские формы, но развиваются в направлении кыпчакско-татарских традиций. Ислам укреплялся через деятельность булгарских и казанских богословов, что подтвержда-

ют рукописи XIII — XV веков. Этноним «татар» закрепился в городской среде и отражён в документах Золотой Орды, а затем и Московского государства.

Все эти свидетельства показывают, что речь шла не о исчезновении народа, а о его переходе в новое качество. Цивилизация Иделя, опиравшаяся на болгарское наследие, смогла выдержать столетние испытания и сохранить себя в новом этнокультурном облике

31. РОЖДЕНИЕ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА

После смерти хана Узбека в 1341 году Золотая Орда начала стремительно терять устойчивость. Внутренняя борьба, потеря торговых путей, болезни, соперничество между темниками и бесконечная смена чингизидов на престоле разрушали управление. В то же время на среднем Иделе шёл процесс иного характера. Местные города медленно восстанавливали ремесло, укрепляли экономику, консолидировали болгарские и тюркские роды и создавали новую элиту. Со временем это накопленное напряжение вылилось в появление нового государства. Такой исход не был внезапным. Он складывался десятилетиями, начиная с XIV века и до 1438 года, когда Улуг Мухаммед, лишённый власти в Сарая, взял Казань и сделал её столицей.

Понять происхождение ханства можно только если начать с процессов, которые начались ещё в конце XIII века, вскоре после монгольского нашествия. Тогда болгарские города оказались включены в ордынскую систему, но не исчезли в ней. Булгар и Сувар продолжали трудиться и строить. Земледелие не прекращалось, торговля шла, монета чеканилась, ярмарки собирали окрестные земли. Булгарские духовные центры сохраняли исламскую культуру региона. Всё это пережило разрушения и сохранило основу, на которой позднее и возникла новая государственная идентичность.

Когда в 1357 году погиб хан Джанибек, началась Великая замятня. С середины 1360-х и до 1380-х власть в Сарая превра-

Хан Улуг Мухаммед (реконструкция)

щалась в череду кратковременных правлений. Перевороты, самозванцы, интриги и военные столкновения следовали одно за другим. Хызр, Мюрид, Келдибек, Наурыз, Тулибек, Кичи Мухаммед, Тимур Кутлуг и другие претенденты сменяли друг друга, а контроль над регионами быстро ослабевал. На Иделе же наблюдалась противоположная тенденция. Городское хозяйство всё больше опиралось на местные булгарские и тюркские силы, которые и обеспечивали стабильность. В эту эпоху Казань начинает ощутимо расти. Археологические слои конца XIV века фиксируют резкий подъём застройки, расширение кремля, появление новых ремесленных кварталов. В городе находили убежище представители знати, бежавшие от ордынских смут. Булгарские купцы переносили деятельность ближе к северным путям, а тюркские роды переселялись сюда из степных районов. Постепенно Казань превратилась в место притяжения. Здесь было безопаснее, чем в Сарае, и устойчивее, чем на окраинах степи. На этом фоне появилась фигура Улуг Мухаммеда. Потомок Чингисхана, правивший в Сарае дважды и дважды потерпевший поражение в борьбе за власть, он пришёл на Идель со своей ставкой и нашёл опору среди булгарских элит. Его поддерживали влиятельные люди. Али бек, Кайдаш, Юсуф Булат, а также сыновья Ибрагим и Касим. Чингизидский авторитет Улуг Мухаммеда соединился с экономическим потенциалом региона и поддержкой местных родов. В 1438 году он овладел властью в Казани, изгнал прежних ордынских наместников и объявил независимость. Так началась история Казанского ханства.

Его деятельность отражена в летописях, восточных хрониках и местных источниках. Он объединил опыт степного правления с городскими традициями Иделя и первым увидел в городах основу будущего развития. Казань при нём превратилась в центр власти. Вокруг него сложился круг военачальников, духовных лидеров и родовой знати. Были укреплены отношения с русскими князьями, усилена экономика. Важнейшей победой стала Суздальская битва 1445 года, после которой пленённый московский князь Василий II признал значимость нового ханства.

После Улуг Мухаммеда власть перешла к его сыну Ибрагиму, правившему в 1467–1479 годах. Его эпоха стала временем институционального оформления государства. Был создан Диван, совет знати и духовенства, определены волостные структуры, введена единая налоговая система. Значение духовных центров возросло. К этому времени относятся такие имена как Ходжа Кильдебек, Фазлулла ибн Юсуф ал Казани, Сайф ад Дин Казани. Они вели богословскую работу, создавали тексты, руководили религиозной жизнью и поддерживали связь с Булгаром и Суваром.

После Ибрагима наступил период, когда основная политическая роль принадлежала женщине. Его вдова Нур Султан стала ключевой фигурой. Русские источники называют её царицей Казанской. Она вела переговоры с Москвой, влияла на назначение ханов и поддерживала интересы своих сыновей Ильхама, Мамука и Мухаммед Амина. Её влияние сопоставимо с ролью регентш в Иране и Османской державе. В её образе соединялись традиции болгарской городской знати и чингизидская линия мужа.

Среди её сыновей наиболее значимым стал Мухаммед Амин, правивший в 1487–1502 и 1502–1518 годах. Воспитанный в Москве, он хорошо понимал систему отношений с русскими князьями. Вернувшись в Казань, он укрепил государство. Были обновлены стены, развиты ремесленные слободы, построены новые мечети, упорядочены налоговые сборы. Его окружение состояло из опытных людей. Шах Назир занимался дипломатией, Бикбулат командовал войском, Кучак бек ведал казной. Его сестра Суюмбике, княжна чингизидского происхождения, позднее стала символом ханства.

Экономическое наследие Булгарии ханство переняло быстро. Оно опиралось на уже сложившуюся сеть городов, куда входили Казан-шаһар, Булгар, Суар, Джукатин, Арча-шаһар, Чулман (Чаллы) и Кашан, а также ряд меньших центров, связанных между собой торговыми и речными путями. Булгар оставался важным религиозным и торговым городом. Здесь учились будущие судьи и богословы Казани, работали крупные ремесленные ма-

стерские и монетный двор. Сувар по-прежнему славился металлургией и косторезным искусством. Его изделия обнаруживают от Урала до степных районов юга. Казань же занимала стратегическое положение на Иделе. Через неё шли пути из Руси, Сибири, Средней Азии, Кавказа, Крыма и ногайских земель. Монеты казанских ханов XV – XVI веков находят в Башкирии, на Урале, в Чувашии, Марий Эл, Пермском крае и русских землях, что показывает широкие экономические связи и существование собственной валютной системы.

Язык населения ханства относился к кыпчакской группе и сформировался на основе булгаро-огурской речи, изменённой под воздействием кыпчакского языка Орды. Этот язык называют кыпчакско - татарским. Он хранит элементы древнебулгарского языка, а именно лексику, фонетику и особенности словообразования, но насыщен кыпчакскими военными и административными выражениями и арабо персидскими религиозными терминами. Письменность продолжала опираться на арабскую графику. На ней создавались документы, религиозные произведения, трактаты, бирги и надгробные тексты. Каменные надписи XV века из Казани, Булгара и Сувара подтверждают высокий уровень грамотности и устойчивую административную практику.

Таким образом, Казанское ханство оказалось не разрывом с булгарским прошлым, а продолжением его в изменившихся обстоятельствах. Булгарские мастера, купцы, богословы и земледельцы стали основой нового государства. Булгарские города сохранили свои ремесленные и культурные традиции. Ислам остался ядром духовной жизни. Городской опыт Булгара был перенесён в Казань, превратившуюся в центр новой политической идентичности. Чингизидская линия дала легитимность, ордынское наследие обеспечило военную опору, булгарская цивилизация наполнила государство содержанием.

К середине XV века Казанское ханство превратилось в одну из самых значительных держав восточной Европы. Оно обладало армией, дипломатией, собственной денежной системой, разветвлённой сетью городов, устойчивой экономикой и полноцен-

ной элитой. Здесь окончательно оформился татарский народ. Казанское ханство стало его первым зрелым государством, определившим развитие Иделя вплоть до середины XVI века.

32. ПОСЛЕДНИЙ ВЕК КАЗАНСКОГО ХАНСТВА

Последний век Казанского ханства стал временем напряжённого противостояния, интриг, смены династий и борьбы за власть. Пространство свободы между двумя крупными силами — Московским царством и Крымским ханством — постепенно сжималось, обе стороны стремились подчинить Казань своему влиянию. Государство, которое в XV веке быстро развивалось и прошло через эпоху Ибрагима, Нур-Султан и Мухаммеда-Амина, уже с начала XVI столетия оказалось втянуто в вихрь событий, неумолимо приближавших его к трагическому финалу. При этом даже в последние десятилетия своего существования Казань оставалась сильной державой с развитым ремеслом, активной торговлей, военной элитой и устойчивой исламской культурой. На этом фоне особенно заметны фигуры Сахиб-Гирея, Сююмбике и Едигера, чьи биографии стали символами последних лет независимости.

После смерти Мухаммеда-Амина в 1518 году наступил период неустойчивости. Казанская знать раскололась на два влиятельных круга. Один ориентировался на связи с Крымом и Ногаями и на сохранение самостоятельности, другой искал опору в Москве и надеялся через союз с русскими правителями обезопасить свои позиции. Ханство превратилось в поле постоянной династической борьбы. После недолгого правления Абдул-Латифа, сына Ибрагима, в 1518–1521 годах, в 1521 году вмешался крымский хан Мехмед-Гирей и ввёл в Казань своего брата Сахиб-Гирея, одного из самых заметных правителей позднего периода.

Сахиб-Гирей отличался энергией, волей и большими амбициями. Его приход к власти совпал с усилением крымской династии Гиреев. При нём Казанское ханство сумело на время

восстановить самостоятельность. Он изгнал московских ставленников, восстановил отношения с Крымом, укрепил оборону и поддержал торговлю. Важным результатом его правления стало усиление ханской власти. Сахиб-Гирей опирался на местные булгарско-татарские роды, стремился привлечь на свою сторону крупных мурз, увеличивал влияние духовенства и поддерживал ремесленные слободы.

В 1521 году по инициативе Сахиб-Гирея и его брата Мехмед-Гирея был организован крупный поход на Русь. Объединённые силы казанцев и крымцев подошли к окраинам Москвы, что стало одним из наиболее значимых успехов Казани в противостоянии с северным соседом. Русские летописи упоминают Сахиб-Гирея как умного правителя и серьёзного противника. Однако его положение оставалось шатким. Москва продолжала искать сторонников внутри Казани и поддерживала тех, кто был готов ориентироваться на Ивана IV. Уже в 1524 году Сахиб-Гирея смогли временно отстранить от власти.

Он вернулся на престол ещё раз, в 1526–1531 годах. Во второй раз Сахиб-Гирей действовал осторожнее и делал упор на внутреннее укрепление ханства. В эти годы в Казани активно строились мечети, развивались ремесленные кварталы, расширялись торговые связи с Булгаром, Арчой, Нижним Прикамьем. Хан стремился превратить Казань в главный центр притяжения для всего среднего Иделя. Но противоречия внутри знати нарастали, часть родов всё настойчивее добивалась сближения с Москвой. В 1531 году Сахиб-Гирей окончательно покинул Казань и вернулся в Крым, где стал знаменитым ханом и одним из заметнейших деятелей своего времени.

Сююмбике — женская власть, трагическая судьба и символ Казани

После ухода Сахиб-Гирея Казань оказалась в водовороте соперничества между московской и крымской сторонами. В 1533 году ханом назначили Джан-Али, воспитанного в Москве, однако большая часть казанской знати не поддержала его власть. Именно в эти годы появилась фигура, которой было суж-

Правительница Сююмбике (художественная реконструкция)

дено остаться в памяти народа на столетия — Сююмбике, дочь ногайского бия Юсуфа, жена сначала Джан-Али, а затем Сафа-Гирея. Её роль в политике XVI века стала одной из ключевых.

Сююмбике пользовалась значительным авторитетом. Её уважали в Казани и в Ногайской Орде, а союз с Сафа-Гиреем, заключённый в 1535 году, превратил Казань и ногайцев в единую политическую силу. Сафа-Гирей, решительный противник Москвы, проводил линию на независимость и опирался на местную

знать, городские болгарско-татарские элиты и ногайские роды. Он неоднократно отражал русские вторжения, укреплял оборону и поддерживал исламские институты.

Когда Сафа-Гирей умер в 1549 году, ханский престол перешёл их маленькому сыну Утямыш-Гирею. Сююмбике стала регентшей и фактическим правителем Казани. Её власть — редкий случай, когда женщина в мусульманском государстве занимала вершину политической системы. Она руководила ханством в самые тяжёлые годы, когда войска Ивана IV создавали постоянную угрозу, когда знать была расколота, а Казанский кремль готовился к неизбежной решающей осаде.

Источники отмечают её дипломатическую гибкость. Сююмбике поддерживала контакты с Москвой, Ногайской Ордой и Крымом, пытаясь удержать равновесие в регионе. Но силы были неравными. В 1551 году, под давлением московской армии, она капитулировала. Сююмбике вместе с сыном отправили в Москву, где её выдали замуж за касимовского хана Шах-Али. Это событие стало символом утраты самостоятельности Казани.

Её дальнейшая судьба остаётся неясной. По одним сведениям, она прожила долгую жизнь в Касимове, по другим — вскоре умерла, не вынеся разлуки с сыном и крушения родной земли. Но каким бы ни был её конец, образ Сююмбике стал воплощением Казани — женской красоты, хрупкой независимости, достоинства и общей трагедии, пережитой народом.

Едигер — последний хан и оборона обречённого города

После вывоза Сююмбике из Казани власть над городом попыталось удержать Московское государство, назначив своим правителем Шах-Али. Однако казанцы не приняли его, и его пребывание на престоле вызывало лишь раздражение и сопротивление. Вскоре в городе вспыхнуло восстание, и в 1552 году местной знати удалось утвердить нового хана — Едигера (Идигера). Он происходил из сибирской линии Тайбугиных и восходил по родству к знаменитому Едигею, одному из наиболее влиятельных деятелей Евразии XV века.

Едигер оказался у власти в момент, когда Казанское ханство стояло на грани гибели. Ему достался город, истощённый внутренними противоречиями и окружённый врагами, но при этом все еще сохранявший стойкость и волю к сопротивлению. Его правление было недолгим, однако именно он стал руководителем последней обороны.

В том же году Русское царство направило к Казани огромные силы. Летописи упоминали числа около ста — ста пятидесяти тысяч воинов, хотя исследователи предполагают более реалистичные шестьдесят — восемьдесят тысяч. Началась одна из крупнейших осад Восточной Европы. Казанцы укрепляли стены, поджигали вражеские осадные башни, проводили вылазки. По преданиям, которые передавалось устно из поколения в поколение, в последней битве за город могли участвовать такие военные предводители, как Улан, Чура Нарыков, Япанча, Колчан, Кул-Ахмет, а также муфтии и кадии. Они остались в памяти народа как участники последней битвы за родину.

Армия Русского царства под началом князей Воротынского, Висковатого, Курбского и других приближённых царя возводила вокруг города осадные укрепления и подводила тяжёлые орудия. Среди них находились огромные пищали, созданные мастером Чоховым. Осада продолжалась больше месяца. В октябре 1552 года после подкопа и подрыва стены войска прорвались в город. Сражение было ожесточённым, и бой шёл по улицам, в дворах и даже внутри мечетей.

В народной памяти закрепился рассказ о том, что после падения Казани хан Едигер был казнён и что его смерть стала последней нитью, связывавшей народ с ханством. Этот образ передавался устно и служил символом конца. Однако существует другая более реальная история, что он выжил. Что после пленения ему вынужденно пришлось принять крещение под именем Симеона Касаевича и перейти на службу Москве. Не по своей воле, потому что иного выхода у него не оставалось. Так последняя фигура Казанского ханства оказалась разделена между двумя историями. Одна родилась из народной боли и стремления

видеть в нём мученика. Другая запечатлена в бумагах и показывает человека, которого заставили жить уже в чужой власти. С его исчезновением завершилась история Казанского ханства — государства, существовавшего почти двести лет и ставшего непосредственным наследником булгарской цивилизации.

33. КАК НАЧИНАЛАСЬ ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА

В XV–XVI веках между Московским государством и Казанским ханством происходила серия войн и походов. Инициатива переходила от одной стороны к другой, причём многие конфликты были взаимной эскалацией, а не односторонним нападением.

Когда в 1552 году войска двадцатидвухлетнего Ивана IV подошли к Казани, то это не было следствием внезапного обострения со стороны ханства. Последняя война стала итогом долгого процесса, в котором инициатива всё чаще исходила именно от Русского царства. Казанское ханство в этой ситуации не выбирало конфликт как цель. Оно оказывалось в нём вынужденно, реагируя на усиливающееся давление и постепенную утрату пространства для самостоятельных решений.

Даже в периоды своего наибольшего могущества оно не ставило задачу полного завоевания или уничтожения северного соседа. Речь шла прежде всего о сохранении собственного положения, контроле над торговыми путями и, в традициях степной политики, о взимании дани и утверждении влияния, но не о ликвидации чужой государственности. Эта логика резко отличалась от логики централизующегося государства XVI века, для которого устранение независимого соседа постепенно становилось стратегической целью.

Для Русского государства середина XVI века была временем внутреннего усиления и внешнего расширения. После завершения борьбы с удельной системой, подчинения Новгорода и Твери, формирования устойчивой централизованной власти перед царством встал вопрос дальнейшего движения. Восток выглядел

естественным направлением этого процесса. Здесь сходились сразу несколько факторов — безопасность, экономика, престиж и представление о государственном развитии.

Река Волга воспринималась в царской среде не как граница, а как путь, вдоль которой должно было выстраиваться единое пространство власти. Контроль над волжским путём означал контроль над торговлей, налогами, передвижением людей и военных сил. Казанское ханство, располагавшееся в ключевой точке этого пространства, неизбежно оказывалось препятствием для реализации такого проекта. Даже в периоды мира оно оставалось самостоятельным центром, способным проводить собственную политику и вступать в союзы, не согласованные с царской властью.

Важно и то, что в сознании русской правящей элиты Казань всё чаще воспринималась не как равноправный сосед, а как территория, судьба которой должна быть решена окончательно. Многолетние попытки удерживать влияние через договоры, династические союзы и посадку «удобных» ханов казались временными и ненадёжными. Каждый новый кризис в Казани укреплял убеждение, что компромисс не решает проблему, а лишь откладывает её.

1551 год стал важным этапом именно в этом смысле. Под военным давлением Казань была вынуждена принять тяжёлые условия и расстаться с Сююмбике и её сыном. В Русском государстве это восприняли как знак того, что процесс подчинения вступил в завершающую фазу. Однако для самой Казани эти события не означали добровольного отказа от независимости. Это было вынужденное отступление, продиктованное неравенством сил.

Когда в городе началось сопротивление московскому контролю и был приглашён новый хан, это не выглядело попыткой развязать войну. Для казанцев это был шаг отчаяния и попытка сохранить остатки самостоятельности в условиях, когда иные политические варианты уже исчезали. Казань действовала не как агрессор, а как сторона, которой оставили всё меньше пространства для манёвра.

Тем не менее в Русском государстве эти события истолковали иначе. Здесь сопротивление Казани стало последним подтверждением того, что существование независимого ханства несовместимо с интересами царства. В логике централизирующегося государства, стремившегося к устойчивым границам и контролируемым путям сообщения, автономный политический центр в среднем Поволжье выглядел постоянным источником неопределённости. Решение этой «проблемы» всё чаще мыслилось не дипломатически, а военным путём.

Поход 1552 года стал выражением этого выбора. Он был направлен не столько против конкретного хана или политической группы, сколько против самого факта существования Казанского ханства как самостоятельного государства. Казань в этой войне не наступала и не стремилась к расширению. Она оборонялась, защищая город, людей, сложившийся порядок и право жить по собственным законам.

Религиозный фактор в этом конфликте усиливал драматизм, но не был его первопричиной. Для Русского государства религия придавала происходящему символический смысл и ощущение исторической миссии. Для Казани же ислам оставался частью повседневной жизни и идентичности, которая оказалась под угрозой вместе с государственностью. Защита города означала защиту не абстрактных идей, а собственного мира.

Так начало последней войны выглядело по-разному с двух сторон, но соотношение сил и направление давления были очевидны. Русское государство двигалось на восток, следуя логике расширяющейся централизованной власти. Казань же пыталась удержаться на месте, сохранив право быть собой. Именно это неравенство целей и возможностей и привело к войне, где сама оборона города стала одним из самых трагических и героических эпизодов его истории.

34. КАК «БРАЛИ» КАЗАНЬ

История взятия Казани в 1552 году дошла до нас прежде всего в изложении источников, созданных на стороне победителей. Главным источником здесь становится Царственная книга — официальный летописный текст эпохи Ивана IV. Он создавался не для того, чтобы сохранить память о защитниках города и не для того, чтобы передать их голоса. Его задача была иной — зафиксировать царскую победу, вписать её в цепь «правильных» событий и придать ей смысл божественного свершения.

И всё же именно в этом тексте, тщательно выстроенном, торжественном и идеологически выверенном, проступает реальность, которую невозможно до конца скрыть. Сквозь формулы славы, благочестия и неизбежности прорываются описания насилия такого масштаба, что даже летописец победителей вынужден называть вещи своими именами. Для потомка казанцев эти строки становятся одним из немногих прямых свидетельств того, что произошло за стенами города.

Когда осада длилась уже недели, а пушки били по городу днём и ночью, защитники ещё держались. Летопись признаёт, что Казань была хорошо укреплена, что её стены и башни долго сопротивлялись огню и подкопам, а гарнизон не сдавался. Но решающим моментом стал последний подрыв стены. Подкопы, заложенные по приказу царя, разрушили не просто камень. Они разрушили саму возможность удерживать оборону.

Летопись подчёркивает, что решающему штурму предшествовал не только военный расчёт, но и тщательно выстроенный религиозный ритуал. В представлении летописца взятие города должно было произойти не просто по воле царя, а в момент, освящённый молитвой и словом Евангелия. Царь, по этому описанию, не спешит к стенам, а сначала участвует в богослужении, ожидая знака свыше. Сам взрыв подкопа оказывается вписанным в сакральный порядок, как событие, совпавшее с чтением последних строк литургии. Таким образом, разрушение стены

представляется не только результатом инженерного труда, но и знаком божественного соизволения, что придаёт штурму особый, почти мистический смысл в глазах победителей.

Вот так описывается взрыв подкопа — «И пришло время на литургии читать святое Евангелие, солнце уже восходило, и когда закончил дьякон и возгласил последнюю строку в Евангелии: „И будет едино стадо и един пастырь“, тотчас словно сильный гром грянул, земля дрогнула и потряслась. Благочестивый же царь из церковных дверей вышел и увидел городскую стену, подкопом вырванную, и страшно было видеть, как земля, словно во тьме, поднялась на великую высоту, и разметало многие бревна и нечестивых».

Далее летопись возвращается к молитвенному тону и вновь связывает происходящее с религиозным действием. Царь изображён не как полководец, отдающий приказ, а как человек, просящий молиться о победе, которая уже воспринимается как предрешённая.

«Царь же благоверный возвратился к молитве, слёзы к слезам прибавляя. И после этого дьякон говорил о победе такую ектению: ещё помолимся Господу Богу нашему, чтобы даровал Господь государю нашему царю и великому князю Ивану Васильевичу вся Русь и подал ему державу, крепость, победу, и ещё просим Господа Бога нашего скорее поспешить и направить его во всё и покорить под ноги его всякого врага и супостата. И тут внезапно второй подкоп грознее первого городскую стену взорвал, и множество горожан на высоту подбросило, одних надвое разорвало, а у иных руки и ноги оторвало; и с великой высоты брёвна падали в город, и множество нечестивых побило. И пошло воинство царское со всех сторон на город, и все воины православные, Бога на помощь призывая, устремились на град».

Так после молитвенного эпизода летописец описывает сам момент прорыва и начало массовой гибели людей, когда взрыв второго подкопа окончательно разрушает городскую стену и открывает путь войску внутрь Казани.

С этого момента летописный язык меняется. Исчезает размеренность описаний и появляется формула, которую в XVI веке употребляли лишь в крайних случаях:

«И бысть брань зела велика и люта...»

Это не риторика и не украшение. В языке того времени «лютая брань» означала бой на уничтожение, без пощады и без возможности отступления. И далее летопись уже не пытается сгладить происходящее:

«И не щадя никого, воины в град вломишася, и побиени быша защитники, и многие падоша мертвы на стенах и улицах...»

Здесь важно понять, что речь идёт не только о падении стен и о последних минутах организованной обороны. Летописец пишет о гибели людей внутри города, на улицах. В тесноте между домами невозможно было действовать верхом, поэтому сражались пешими, вступая в рукопашные схватки. Использовались копья и сабли, а когда пространство становилось слишком узким, бой переходил в резню ножами. На многих улицах обе стороны долгое время стояли «на копьях», сдерживая друг друга и не имея возможности ни отступить, ни продвинуться вперёд. Это свидетельствует о крайней плотности боя и ожесточённом сопротивлении защитников.

Постепенно, по описанию уличных боёв, сражение начало склоняться в пользу нападавших. После первоначальной сечи, когда стороны бились на улицах и долгое время не могли одолеть своего противника, решающим стало получение преимущества сверху. Воины осаждавших использовали хитрость и начали передвигаться по крышам домов, используя городскую застройку как путь наступления. С этой высоты они убивали защитников, находившихся внизу на улицах, что резко изменило соотношение сил. Удары сверху в условиях тесноты лишали защитников возможности прикрываться и выстраивать строй, а каждая улица превращалась в ловушку.

Летописец прямо связывает этот перелом с Божьей помощью, подчёркивая, что именно после этого православные одолели противников. С этого момента сопротивление в разных

частях города стало неравномерным: где-то оно ещё продолжалось ожесточённо, а где-то начинало ослабевать и распадаться.

По мере того как боевые столкновения охватывали всё новые улицы и дворы, сопротивление защитников стягивалось к тем местам, где ещё можно было удержаться плотной группой и опереться на знакомую местность. Одним из таких узлов стал участок у мечети Кулшариф и у Тезицкого оврага. Туда, по тексту, приблизились христиане, и там же «многие неверные собрались и зло бились». Важно, что источник подчёркивает именно организованность и ожесточённость этого сопротивления. Люди не просто отступали, а «собрались» — то есть попытались создать последнюю опору, где можно стоять и биться как единое целое. С имамом Кул-Шарифом в этом месте сосредоточились силы, которые ещё сохраняли готовность сопротивляться, и бой здесь выделяется как особенно жестокий. Здесь Кул-Шариф и его ученики сражались до конца, собравшись в едином порыве. Однако итог фиксируется прямо и без смягчений: «убили Кулшарифа с его полком», и далее — «и всех, бывших с ним, побили». Это означает не частичный разгром, а полное уничтожение защитников, сражавшихся вокруг Кулшарифа.

После этого оборона, лишившись одного из последних центров, дрогнула и казанские защитники побежали на ханский двор. Источник говорит, что «татары же побежали все на Царев двор», то есть остатки защитников отступили к последнему месту концентрации, где ещё можно было собраться и попытаться удержаться хотя бы на короткое время. Казань превратилась в место сплошной сечи.

Кульминацией этого описания становится образ, который невозможно читать без внутреннего содрогания. Он слишком конкретен, чтобы быть метафорой:

«Воины же православнии, приближше ко Цареву двору, и сечаху нещадно нечестивых мужей и жен, по удолиям крови течаху».

Копия страницы Лицевого летописного свода. Книга 21 (1551–1553). РГБ. По изданию: Runivers

Слово «удолия» означает пониженные места, впадины, низины. Летописец сообщает, что кровь текла по ним, как вода. Чтобы такое стало возможным, её должно было быть невероятно

много. Это не отдельные смерти и не преувеличение. Это язык человека, который видит перед собой массовое убийство и не находит иных слов для его описания.

Летописец прямо пишет о нещадном убийстве и мужчин, и женщин вблизи ханского двора, то есть в самом центре города. Особенно важно, что эти слова исходят не от побеждённых, а от автора текста победителей. Он не обязан был включать женщин в этот рассказ, но он это делает, фиксируя реальность происходившего. Перед нами не легенда и не эмоциональное преувеличение, а сухая, страшная запись очевидца, показывающая, что разрушение Казани сопровождалось уничтожением людей без различия пола и статуса, и что это насилие достигло такого масштаба, который невозможно было скрыть даже в официальной летописи.

После этого картина становится ещё тяжелее. Летопись фиксирует последствия штурма:

«...толико множество побиенных во градѣ, яко по всему граду не бѣ гдѣ ступати не на мертвых.»

В городе было столько убитых, что невозможно было пройти, не наступая на тела. Это означает полное разрушение городской жизни. Пространство, где ещё недавно жили, молились, торговали и защищались, перестало быть человеческим и живым.

И дальше:

«И лежаху мертвии по улицам многим, и страх великий нападе на оставшихся.»

Здесь впервые появляется не победный тон, а страх. Те, кто выжил, оказываются среди тел погибших, осознавая, что сопротивление уничтожено полностью. Даже летописец победителей не может не зафиксировать этот ужас.

Насилие выходит за пределы стен. Летопись расширяет пространство гибели:

«Рвы же и низины полны мертвых, и по Казань рѣку...»

Рвы, пониженные места, берег реки — всё оказывается завалено телами. Река, веками кормившая город и связывавшая его

с миром, становится молчаливым свидетелем и участником катастрофы. Этот образ завершает картину «реки крови», которая проходит через весь рассказ о штурме Царственной книги Лицевая летописи не скрывает характера победы:

«Град же взят бысть силою, и побиени быша противящиеся, а инии в плен отведени быша...»

Это не мирное присоединение и не ограниченный военный набег. Это взятие силой, сопровождавшееся уничтожением тех, кто сопротивлялся, и пленением уцелевших.

«В полон же повеле царь имати жены и дети малыя, а ратных за их измены избивати всех. И толико множество взяша полону татарского, яко все полки русские наполнишася — у всякого человека полон татарской бысть...».

Эти строки читаются тяжело именно потому, что в них нет ни двусмысленности, ни попытки смягчить смысл. Летописец последовательно и ясно фиксирует порядок, установленный после падения города. Взрослые мужчины, способные носить оружие, подлежали полному истреблению. В плен брали только женщин и малых детей. Поэтому, когда далее говорится о том, что «все полки русские наполнились» пленом и что у каждого воина был «плен татарский», речь видимо идёт уже не о пленных в привычном смысле, а о женщинах и детях, переживших штурм. Для современников это не требовало пояснений, но для нас важно проговорить это прямо. Эти слова означают, что после уничтожения мужского населения город был лишён своего человеческого ядра, а выжившие были распределены между войском как добыча. Летописец не даёт оценок и не выражает эмоций, но именно эта холодная точность делает свидетельство особенно страшным. Перед нами не легенда и не поздний пересказ, а документальное описание того, как завершилось разрушение Казани — не только как крепости, но и как живого сообщества.

Дальше текст снова становится гладким. Появляются распоряжения, молебны, новые воеводы, утверждение власти. Формулы возвращаются на свои места. Но то, что уже было сказано,

невозможно стереть. Даже официальный источник, написанный в интересах победителя, оставил свидетельство катастрофы.

Для потомка жителей Казани эти строки — не просто исторический материал. Это редкий случай, когда трагическая правда о цене победы проступает из самого официального летописного текста. Текст не сочувствует побеждённым, но она фиксирует их гибель с такой прямотой, что через века становится источником памяти именно для них.

Поэтому, когда в документах встречаются сухие формулы о «присоединении территории» и «прекращении сопротивления», важно помнить, что за ними стоит. Город был взят силой. Его защитники были уничтожены. Улицы были завалены телами. Кровь текла по низинам. Это не легенда и не позднейшее преувеличение. Это слова самой летописи.

Память народа сохранила эти события. В рассказах, передававшихся из поколения в поколение, Казань 1552 года — это не «взятый град», а исчезнувший мир. Эти рассказы не всегда точны, они не претендуют на документальность, но в них сохранено главное — человеческое измерение катастрофы.

Летопись старалась говорить аккуратно. Даже там, где она была вынуждена признать кровь, тела и тотальное уничтожение сопротивления, она стремилась встроить происходящее в понятную и удобную версию истории. Летописец не называл многих имён, не считал погибших, не задерживался на отдельных судьбах. Он писал так, как позволяли представления и нормы своего времени. Но даже в этих рамках кажется, что текст не выдерживает собственного напряжения. Он даёт такую трещину, что через неё проступает реальность, которую невозможно полностью загладить ни торжественными формулами, ни ссылками на Божью волю.

И, возможно, именно в этом и заключается особая историческая справедливость. История, рассказанная победителями, обычно стремится оправдать себя и стереть следы насилия. Но в случае Казани этого не произошло до конца. Победитель зафиксировал свою победу так, что через века его же слова ста-

ли свидетельством в пользу побеждённых. Не намеренно, не из сочувствия, а потому, что масштаб произошедшего оказался сильнее языка, которым его пытались описать.

Народная память долгое время оставалась главным хранилищем пережитого. Эта память не нуждалась в датах и именах, она передавала боль и опустошение, которые невозможно уложить в летописную формулу. Но сегодня становится всё заметнее, что и она тускнеет. Последние десятилетия сделали своё дело — сменились поколения, оборвалась устная передача, город стал другим, а трагедия 1552 года всё чаще растворяется в общем шуме «большой истории», где ей отводят место лишь как этапу расширения государства. Тем важнее возвращаться к этим событиям осознанно и спокойно, без резких слов, но и без упрощений.

Для истории татарского города это не эпизод и не символическое поражение, а момент излома, после которого изменилась сама жизнь. Была уничтожена городская община, оборвалась преемственность, исчезли семьи, ремесленные линии, имена. Память об этом нужна не для противопоставления и не для поиска виновных в настоящем, а для понимания того, как формировался современный город, почему его история лишена видимой городской архитектуры периода Казанского ханства. То, что мы видим сейчас в Казанском кремле — это позднейшие постройки и реставрации, а следы ханских дворцов, мечетей и мавзолеев сохранились лишь как археологические остатки и редкие фрагменты. В отличие от многих европейских городов, где здания XV–XVI веков до сих пор формируют историческую среду, а также Москвы с легко узнаваемым Собором Василия Блаженного, в Казани архитектура ханского периода была почти полностью утрачена. Это лишило город зримых следов собственной средневековой истории, оставив лишь тени потерянного.

Пока о 1552 годе помнят как о человеческой трагедии, а не только как о «взятии Казани», история города остаётся живой. Напоминание об этих событиях возвращает масштабы произошедшего и напоминает, что за любым «великим событием»

стоят конкретные судьбы, которые не нашли себе места ни в списках, ни в отчётах. Если эта память исчезнет окончательно, город рискует потерять не прошлое — его невозможно вернуть, — а понимание самого себя. Именно поэтому о таких событиях приходится говорить снова и снова, даже тогда, когда это неудобно, тяжело и кажется далеким.

35. О «ЦАРСТВЕННОЙ КНИГЕ» И ГРАНИЦАХ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Царственная книга существует сегодня как реальный рукописный памятник XVI века, входящий в состав Лицевого летописного свода. Это не абстрактный текст, а физические тома, созданные вручную на плотной тряпичной бумаге и сохранившиеся до наших дней. Сейчас они хранятся в государственных архивах и библиотеках и доступны исследователям через факсимильные и цифровые копии, точно передающие внешний вид страниц, миниатюры и саму материальность источника.

Летописцы писали Царственную книгу как часть официального государственного проекта. Они фиксировали историю царствования Ивана IV в выверенной форме, предназначенной оправдать власть и придать событиям нужный смысл. Но именно в этом тексте, созданном в окружении очевидцев, сохранились прямые описания жестокости и кровопролития при взятии Казани. Сегодня книга читается не только как памятник истории своего времени, но и как свидетельство реальности, которую даже официальный летописный язык не смог полностью скрыть.

Царственная книга занимает особое место среди источников XVI века. Это не частное сочинение и не поздняя компиляция, а текст, созданный в непосредственной близости ко двору Ивана IV и предназначенный для фиксации важнейших событий царствования. Её писали не «для памяти потомков» в современном смысле и не для художественного эффекта. Она создавалась как документ власти, как свидетельство правильности и законности царских решений, как текст, который должен был пережить время.

Именно поэтому особенно важно понимать, что всё, что в ней сказано о взятии Казани, не является выдумкой или вольным пересказом слухов. Летописец работал в логике средневековой официальной историографии, где преувеличения допустимы, но прямой вымысел — опасен. Текст был рассчитан на чтение при дворе, на переписывание, на сверку с другими документами. Он не мог позволить себе фантазий, которые легко опровергались бы очевидцами.

Кроме того, авторы «Царственной книги» находились в прямом контакте с участниками событий. Это принципиально важный момент. Они писали в эпоху живых свидетелей — воевод, служилых людей, духовенства, тех, кто был под Казанью и видел происходящее собственными глазами. В такой ситуации описание «реки крови», тел, заполнивших улицы, рвы и низины, — не литературный образ, а попытка зафиксировать реальность, которая поразила даже победителей.

Объективность «Царственной книги» не в нейтральности. Она не сочувствует побеждённым и не ставит под сомнение правоту царя. Но она объективна в другом, более жёстком смысле — она не скрывает масштаб насилия. Летописец не обязан был писать о крови, текущей по понижениям местности, или о невозможности пройти по городу, не наступая на мёртвых. Эти детали не усиливают славу победы. Они, напротив, делают её тяжёлой и мрачной. Тем ценнее они как источник.

Сегодня этими описаниями в основном занимаются узкие специалисты — медиевисты, текстологи, историки Казанского ханства, исследователи летописной традиции. В академической среде хорошо известно, что штурм 1552 года был одной из самых кровавых городских катастроф Восточной Европы XVI века. Но за пределами научных публикаций эти знания почти не присутствуют. История «сворачивается» до формулы «взяли Казань», удобной, гладкой и безопасной.

Иногда об этих событиях необходимо напоминать не ради обвинений и не ради политических споров. А потому, что за любой «великой победой» стоят конкретные человеческие жизни.

История, из которой исчезает память о жертвах, превращается в абстракцию. Напоминание о трагедии Казани — это напоминание о цене государства, о цене расширения, о цене решений, принимаемых властью. Без этого история перестанет быть человеческой.

36. КАЗАНЬ 1552 ГОДА В ЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ ГОРОДСКИХ КАТАСТРОФ

История захвата Казани в 1552 году часто воспринимается как один из многих эпизодов раннего Нового времени, эпохи, когда войны были жестоки, а судьбы городов решались штурмами. Однако при внимательном рассмотрении становится ясно, что этот случай занимает особое место. Он объединяет в себе то, что в европейской истории чаще всего происходило раздельно — одномоментную массовую гибель защитников и полное исчезновение государства, столицей которого был взятый город. Чтобы понять, в чём именно состоит уникальность Казани, её необходимо рассматривать не изолированно, а в сравнении с другими крупными городскими катастрофами XV–XVII веков. Такое сравнение позволяет увидеть масштаб и характер происходившего в более широком историческом поле.

В Европе XVI–XVII веков взятие города штурмом почти неизбежно сопровождалось крайним насилием. С точки зрения современников, город, отказавшийся сдаться и вынудивший противника к штурму, утрачивал право на защиту. Это не означало, что резня воспринималась как нечто желательное, но она считалась допустимым и почти неизбежным следствием сопротивления. Война того времени допускала одномоментное уничтожение большого числа людей как часть военной логики.

Одним из самых известных примеров подобного насилия стал Магдебург в 1631 году. Во время Тридцатилетней войны город был взят имперскими войсками, после чего последовало почти полное уничтожение населения. Современники говорили о десятках тысяч погибших. Улицы были завалены телами, боль-

шая часть застройки сгорела, сам город надолго превратился в символ абсолютного разрушения. Однако при всей глубине катастрофы Магдебург оставался городом внутри государства. Священная Римская империя не исчезла, её политическая структура сохранилась, а сам город спустя годы был восстановлен, пусть и ценой огромных усилий и времени.

Схожим по характеру насилия, но иным по политическим последствиям был Антверпен в 1576 году. Резня, известная как «Испанская ярость», произошла внезапно и длилась недолго, но унесла тысячи жизней. Антверпен был одним из крупнейших и богатейших городов Европы, и удар по нему имел колоссальные демографические и экономические последствия. Тем не менее это была внутренняя катастрофа в рамках одного политического пространства. Государство не исчезло, а сам город со временем вновь занял важное место в региональной и европейской истории.

Даже Рим, столица Папской области, взятый и разграбленный в 1527 году войсками императора Карла V, не стал примером гибели государственности. Рим пережил унижение, массовые убийства и разорение, но Папская область сохранилась, а власть была восстановлена. Город был тяжело ранен, но политический организм выжил. Во всех этих случаях мы видим страшные примеры одномоментного городского насилия, однако ни один из них не привёл к исчезновению государства как такового.

Казань к середине XVI века была не просто крупным городом, а столицей Казанского ханства. Это было самостоятельное государство с собственной элитой, армией, дипломатическими связями и религиозной традицией. По самым осторожным оценкам, население города составляло около тридцати — сорока тысяч человек. Это был плотно застроенный городской организм с кремлём, посадом и пригородами. Число защитников, включая гарнизон и городское ополчение, могло достигать пятнадцати — двадцати тысяч человек. Часть жителей, прежде всего женщины, дети и старики, успела покинуть город до ре-

шающего штурма, но значительная доля населения осталась внутри стен.

Штурм Казани стал кульминацией продолжительной осады с применением артиллерии и подкопов. Когда оборона была прорвана, начались уличные бои, перешедшие в одномоментную массовую гибель защитников и резком, концентрированном насилии, сосредоточенном в считанные часы и дни.

Современные исследователи сходятся во мнении, что погибло не менее двенадцати — пятнадцати тысяч человек. Это минимальная оценка, не учитывающая умерших от ран и лишений в последующие месяцы и не включающая судьбу пленных. По абсолютным цифрам потери Казани сопоставимы с крупнейшими европейскими городскими катастрофами того же периода. Однако решающее отличие заключается не в количестве погибших, а в последствиях.

После падения Казани ханская власть была ликвидирована, правящая элита уничтожена или изгнана, институты управления прекратили существование. Государство исчезло как политический субъект, а его территория была включена в состав другого государства без перспективы восстановления прежней формы самостоятельности. Именно этот итог радикально меняет смысл события. В большинстве европейских случаев даже самая массовая гибель жителей не означали конца государственности. Город мог быть уничтожен, население истреблено, но политический каркас выживал. В случае Казани он был сломан окончательно.

По своей исторической судьбе Казань ближе всего к Константинополю 1453 года. Там тоже был штурм столицы, также была одномоментная гибель значительной части защитников и также полное исчезновение государства, в данном случае Византийской империи. Разница состояла в исходном положении. Византия к середине XV века была крайне ослабленным образованием, почти сведённым к одной столице, тогда как Казанское ханство оставалось живым и действующим государством. Тем не менее в обоих случаях падение города означало не просто военное поражение, а конец целого политического мира. Это

редкий тип события для раннего Нового времени, когда война завершалась не подчинением или вассалитетом, а полной ликвидацией государственности.

Однако даже этим масштаб трагедии не исчерпывается. Историческая демография позволяет взглянуть на городские катастрофы под иным углом и задать вопрос о тех, кто не погиб, а так и не родился. Одномоментная гибель десятков тысяч людей означала не только физическое уничтожение населения, но и разрыв родовых линий. В Магдебурге, Антверпене, Риме, Константинополе и Казани погибли прежде всего люди активного возраста, способные создавать семьи и иметь детей. Если исходить из того, что в подобных катастрофах уничтожалась значительная часть потенциальных родителей, можно говорить о тысячах семейных линий, оборвавшихся в один момент.

Для традиционного общества XVI–XVII веков одна семья за жизнь могла дать в среднем несколько детей. Даже при самых осторожных подсчётах каждая тысяча погибших взрослых означала несколько тысяч неродившихся уже в первом поколении. В городах масштаба Магдебурга или Казани это означает десятки тысяч не появившихся на свет людей в течение ближайших десятилетий. Если же учитывать эффект последующих поколений на протяжении четырёх — пяти веков, масштаб утраты становится трудно вообразимым. Историческая демография показывает, что одна прерванная линия в доиндустриальном обществе через несколько столетий означает десятки и сотни несостоявшихся потомков. В совокупности для крупнейших городских катастроф Европы речь может идти о миллионах жизней, которые не были прожиты, потому что в какой-то момент город оказался взят штурмом.

В этом смысле Казань вписывается в общий трагический ряд европейских городов, переживших одномоментное насилие, но одновременно выходит за его пределы. Её особенность заключается в совпадении двух процессов — массовой гибели защитников и исчезновения государства, для которого этот город был центром. Именно это обстоятельство придаёт событиям

1552 года особый исторический вес и объясняет, почему они продолжают требовать вдумчивого осмысления. К этим описаниям приходится возвращаться. Не для того, чтобы жить прошлым, а для того, чтобы понимать, что история — это не только число убитых и разрушенные стены, не даты и границы.

Это ещё и безмолвие — там, где могли стучать человеческие сердца.

Последствия падения Казани

Сразу после завоевания ханской столицы правитель Русского царства велел разрушить и разобрать старые укрепления, изменить планировку города как принято в московских землях. Внутри стен поселили служилых людей, привезённых из русских областей. Казанский кремль был почти разрушен, но само население полностью не исчезло. Татарские роды уходили в лесные районы, поднимались в верховья рек, находили убежище в Мещере, Чувашии, на территории будущей Башкирии. На протяжении трёх — четырёх десятилетий в этих местах вспыхивали очаги сопротивления. Восстания возглавляли князь Али-Акрамов, Аса-Бек, представители сибирских линий и ногайские союзники, которые пытались вернуть прежний порядок или хотя бы отстоять местную автономию.

Хотя государственная самостоятельность была утрачена, культурная жизнь народа оказалась куда более устойчивой. Ислам и прежние нормы права, язык и имена родов, письменность и ремесленные традиции сохранялись в деревнях, аулах и небольших городских поселениях. Люди продолжали учиться в медресе, хранить родословные записи, поддерживать связи с поволжскими духовными центрами. Именно на этом фундаменте в XVIII — XIX веках выросла новая татарская нация, соединяющая булгарское наследие и опыт Казанского ханства.

Падение Казани стало не просто завершением самостоятельного пути. Оно завершило целую эпоху, где переплетались черты Булгарии Идея, линии ордынской традиции, собственная государственность, городская культура и язык, формировавший-

ся более двух столетий. Казанское ханство исчезло как самостоятельное образование, но его народ смог пережить разрушение, сохранить духовную основу и передать её дальше. Благодаря этому история не оборвалась, а получила продолжение, которое определило развитие всего региона на следующие века.

37. БАШНЯ СЮЮМБИКЕ — ИСТОРИЯ, МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ

Башня Сююмбике — самый узнаваемый символ Казани и один из тех редких памятников, в котором легенда оказалась настолько тесно переплетена с историей, что отделить одно от другого почти невозможно. Её силуэт — высокое стройное семиярусное сооружение, слегка наклонённое подобно Пизанской башне — стал не только архитектурной доминантой Кремля, но и знаком трагической судьбы последнего столетия Казанского ханства. При этом её реальная история куда сложнее романтического предания о царице Сююмбике, которая будто бы бросилась вниз, чтобы избежать брака с Иваном Грозным. Начнём с фактов.

Большинство исследователей считают, что башня появилась уже после падения Казани и вероятнее всего была построена в конце XVII или в начале XVIII века. Архитектура относится к стилю петровского барокко и в то же время несёт в себе черты восточных строительных традиций. Красный кирпич, многоярусность, расширение ярусов к основанию, подчёркнутая симметрия — всё это характерно для московской строительной школы эпохи Петра I. Датировка колеблется в пределах 1680–1740 годов. В источниках Казанского ханства до 1552 года башня не упоминается. Этот факт остаётся главным аргументом в пользу её более позднего происхождения.

Почему же здание носит имя Сююмбике? Причина кроется в национальной памяти народа. Образ Сююмбике — последней влиятельной женщины ханской эпохи — стал символом утраченной свободы Казани, подобно тому как Роксолана воплощает

Башня Сююмбике (реконструкция)

память о несвободе османского гарема, а Мария Стюарт — об утрате шотландской государственности. Сююмбике, родившаяся примерно в 1510–1515 годах, была дочерью ногайского правителя Юсуфа, супругой казанского хана Джан-Али, затем Сафа-Гирея и после его смерти стала регентшей при малолетнем сыне Утямыш-Гирее. На её плечи легли последние годы независимости Казани. Она пыталась удержать равновесие между Московским государством, Ногаем, Крымом и местной знатью. Именно при ней город пережил осаду 1547–1548 годов и на-

растающее давление, которое завершилось трагедией 1552 года. После падения столицы Сююмбике увезли сначала в Московское государство, затем в Касимов, где прошли последние годы её жизни.

Легенда возникла позже как эмоциональная реакция народа на потерю государственности. В ней рассказывается, что Иван Грозный будто бы предложил Сююмбике выйти за него замуж и потребовал построить башню за семь дней. Когда строители выполнили приказ, ханша поднялась на вершину и бросилась вниз, не желая становиться женой завоевателя. Исторически такая версия невозможна. Ни самой башни, ни требований царя подобного рода во время падения Казани не существовало. Но предание закрепилось так глубоко, что стало частью коллективной памяти.

Поэтому башня получила именно это имя. Народное сознание почти всегда стремится выразить судьбу целой эпохи через конкретную фигуру. Для булгаро-татарского мира такой фигурой стала Сююмбике — женщина, оказавшаяся в центре переломных событий. Когда в петровское время новая башня появилась в кремлёвском комплексе, горожане не стали называть её ни царской, ни московской. Имя Сююмбике естественным образом закрепилось за сооружением и превратило его в своеобразный мемориал ханскому прошлому.

Есть ещё одна важная деталь. Несмотря на позднюю дату строительства, архитектура башни сознательно сохраняет восточный характер. Исследователи считают, что мастера использовали композицию ярусов, напоминающую башенные комплексы Поволжья и Средней Азии. Это придавало сооружению вид древности и связывало его с прошлым региона. Вероятнее всего башня входила в административный комплекс местного гарнизона и одновременно служила символом престижности казанского Кремля. Её наклон объясняется свойствами грунта. Одна часть фундамента опирается на плотный слой земли, а другая — на менее устойчивый культурный пласт, оставшийся от древних построек.

В XIX веке здание окончательно закрепилося под названием Башня Сююмбике. Путешественники, этнографы, ссыльные и учёные Казанского университета неизменно фиксировали именно это имя. Оно стало настолько устойчивым, что сохранилось и в советскую эпоху, когда ханское наследие часто стремились принизить. В конце XIX и начале XX века башня превратилась в один из ключевых символов татарского национального движения. Образ Сююмбике стал восприниматься почти как сакральный, объединяющий память о булгарах, Казанском ханстве, татарской культуре и женской силе.

Сегодня Башня Сююмбике — это не просто архитектурный памятник, а место, где сошлись несколько исторических пластов. Здесь ощутимы булгарские корни, ханская традиция и новая татарская идентичность. Название башни показывает, насколько сильно коллективная память способна преобразить архитектурный объект и подарить ему смысл, которого изначально не было. Хотя башня не была свидетелем жизни Сююмбике, её имя стало судьбой самого сооружения. Величественная кирпичная вертикаль и по сей день поднимается над Казанью и напоминает о сложной, трагической и одновременно прекрасной странице истории народа Иделя.

38. ПОЧЕМУ ПАЛА КАЗАНЬ — ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ ХАНСТВА

Падение Казанского ханства в 1552 году не было ни случайным, ни мгновенным. Оно стало итогом длинной череды внутренних ошибок и предательств, внешнего давления и военной отсталости, которые шаг за шагом размывали устойчивость государства. Казань проиграла не потому, что её народ был слаб, а потому что сама система оказалась расколота изнутри, изолирована снаружи и лишена тех ресурсов, которые имело Московское государство XVI века.

Казанское общество отличалось многообразием. Булгары, татары, чувашы, мишари, марийцы, удмурты, мордва, черемисы,

башкиры жили бок о бок. Когда-то это разнообразие делало ханство сильным, но в момент кризиса оно превратилось в основу будущего раскола. Историки считают, что главная причина поражения скрывалась в кризисе управления страной после смерти Сафа-Гирея и падения регентства Сююмбике. Казанью поочерёдно управляли разные группировки, чьё продвижение зависело от привлечения внешних союзников. Кого только ни пытались поддерживать эти группировки — крымских, ногайских, московских или бегло-черемисских покровителей. В итоге появились две непримиримые силы, которые враждовали между собой. Про-московская группа и крымская, выступавшая против Москвы, бесконечно боролись друг с другом и ослабляли всю систему управления.

При хане Шах-Али, которого Московское государство ставило на казанский трон трижды, предательство части знати стало обычным явлением. Значительная доля беев, особенно из приволжских родов, открыто смотрела в сторону Москвы, получала от неё жалование и земли, обеспечивала доступ её войскам к переправам и крепостям. Наиболее известными стали сдача Свияжска, уход нескольких мурз к Ивану Грозному, а также поддержка русских гарнизонов внутри ханства.

Даже это не стало бы смертельным ударом, если бы не второе обстоятельство. Московское государство середины XVI века обладало абсолютным военным превосходством. К началу правления Ивана IV процесс централизации был завершён. Новгород был подчинён, удельные княжества объединены, управление армией унифицировано. Страна превратилась в мощный военный организм, способный мобилизовать огромные ресурсы. В походах того времени царство могла выставить до ста тысяч воинов, включая дворянскую конницу, стрелецкие полки, пушкарей, артиллерийские расчёты, осадных мастеров и вспомогательные части.

На этом фоне казанские силы, несмотря на героизм защитников, уступали как численно, так и технически. Их опорой были профессиональные татарские воины, городское ополчение и со-

юзные отряды степной знати, но по масштабам и возможностям они не могли соперничать с военной мощью русского государства.

Казанских защитников было значительно меньше. Десять — пятнадцать тысяч профессиональных воинов и даже помощь черемисов, удмуртов и башкир не могли сравниться с русской армией, вооружённой пушками, пищальями и тяжёлыми осадными орудиями. Артиллерийская революция XVI века стала смертельным ударом для степных держав. Крепости, которые могли держаться месяцами, больше не выдерживали тяжёлых осадных орудий. Пушки Московского царства сыграли решающую роль в падении Казани. Их сила была такова, что стены буквально крошились под огнём. Ключевой прорыв был достигнут после длительных артиллерийских ударов и мощного подрыва укреплений. История сохранила имя предводителя русских саперов, Алексея Адашева, чьи люди погибли при обрушении подземной галереи. Руководил всеми земляными работами «немчин» Размысл.

Инженерный фактор стал решающим. Под Казанью впервые применили европейскую технологию подкопов и огненных мин — пороховых зарядов, которые закладывали под фундамент стены. Итальянские и немецкие мастера, работавшие при дворе Москвы, руководили этими работами. Начиная с сентября 1552 года русские сапёры прорывали тоннели под стены города и несколько раз взрывали бочки с порохом. Два самых мощных взрыва произошли утром 2 октября. Когда заряды взорвались, огромный участок стены рухнул, открыв путь для войск. Даже крепость с мощными стенами не могла выдержать такого удара.

Наряду с военным давлением Московское государство использовало иные средства. В предшествующие падению Казани годы были сформированы зависимые группы среди казанских беев. Применялись подкуп, обещания земель, торговли, безопасности. Часть знати сорвала попытки создать единую командную структуру, не пропустила подкрепления из северных волостей. Внутренние раздоры только усилили разрушение обороны.

Строительство Свияжска в 1551 году стало образцом военной хитрости. Крепость собрали в Угличе, разобрали, перевезли по Волге и за несколько недель вновь собрали на холме у Свияги. Там русские войска могли зимовать, контролировать переправы и лишать Казань опоры в черемисских и чувашских землях. Свияжск стал клином, вбитым в сердце ханства.

Когда началась осада, жители Казанского ханства оказались в ловушке. Русская армия применяла и артиллерию, и психологическое давление. Пригороды сжигались, посевы уничтожались. После решающего штурма в октябре 1552 года произошли жестокие расправы. Потери среди защитников и жителей города оказались настолько велики, что последующие поколения веками сохраняли память о тех событиях как о национальной трагедии.

Многие мечети сожгли или превратили в хозяйственные помещения, ремесленные кварталы разграбили. Значительная часть населения ушла в леса, где их прятали черемисы и удмурты, или бежала на территорию будущего Башкортостана. Люди уходили потому что понимали, что в городе не выжить. Сопротивление после падения стен приводило только к расправе, а жизнь под властью русских гарнизонов означала потерю земли, веры и статуса.

Лесные народы Иделя укрывали беженцев. Именно тогда начали формироваться будущие этнолокальные татарские группы. Это касается мишарей, тептяр, нагайбаков и горных татар.

Почему же Казань не смогла избежать катастрофы? Итог можно выразить тремя силами, которые оказались сильнее ханства. Это внутренние раздоры, внешнее давление и технологическое отставание в военном деле. Отсутствие единого командования, воли и союзов снизило способность Казани сопротивляться.

Русское превосходство в войсках, артиллерии и осадных технологиях лишало оборону шансов на успех. Система разорения земель, длительного давления и показательных казней казанской знати, военных предводителей и заподозренных

в сопротивлении старейшин последовательно разрушала внутренние связи региона.

Казань не рухнула мгновенно. Стены ханства разрушили пушки, подкопы и взрывы. Но настоящая причина лежала глубже. Государство, разделенное изнутри и окружённое врагами, не могло устоять перед силой, которая превратила Русь XVI века в одно из самых агрессивных и военно развитых государств Восточной Европы.

И всё же, несмотря на поражение, болгарско-татарский народ не исчез. Он выжил в лесах и селениях, в тайных медресе, в языке, в песнях и в традиции. Через века он стал основой новой идентичности — татарского народа, который пережил падение ханства, но не потерял память о нём.

В современном историческом пространстве Казани памятники говорят на разных языках. Официальный монумент XIX века, расположенный у берега Казанки и выполненный в виде усечённой пирамиды, напоминает о русских подрывниках, погибших при первом неудачном подкопе под стены Казани.

Но существует и другой язык, язык народной скорби и исторической воли, который не нуждается в официальных решениях. Башня Сююмбике стала памятником павшему ханству. Её крен воспринимается не как изъян, а как каменный жест скорби. А мечеть Кул Шариф, воссозданная на месте гибели последних защитников, исполняет роль всенародного мавзолея. Эти архитектурные доминанты создают пространство памяти, где камень говорит о цене непрерывности истории народа.

Пока жива народная память, ни одно поражение не является окончательным.

Соборная мечеть Кул-Шариф Казанского Кремля

39. ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ КАЗАНИ — АРСК, ЧЕРЕМИСЫ И ОЧАГИ ЛОКАЛЬНОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ

Падение Казани осенью 1552 года не означало мгновенной капитуляции всего ханства. Город пал, но страна продолжала жить. Огромные территории Идея — особенно лесные и горные земли северо-востока — не приняли власть русского царства. То, что произошло после падения столицы, не было просто «усмирением окраин» — это была настоящая затяжная война, одна из самых кровавых и продолжительных в истории региона, война, которую сами русские воеводы называли «Марийскими смутами» или «Черемисскими бунтами», а в действительности — войной за свободу остатков Казанского ханства, принявшей форму серии восстаний и вооружённых столкновений, продолжавшихся с 1550-х до конца XVI века. Именно в эти годы формируются легенды о горных татарах, арских тыльянах, лесных черемисских дружинах и тех, кто, потеряв столицу, решил не складывать оружие.

Сразу после падения Казани остатки войск, мурзинские дружины и ополченцы ушли в сторону Арска — старинного центра Арской дороги, опорного пункта северных улусов. Арск имел крепкие деревянные стены, множество окрестных волостей, природную защиту в виде лесов, оврагов и труднопроходимых дорог. Арская сторона стала одним из первых и наиболее ожесточённых районов сопротивления. Русские источники конца 1552 года прямо говорят: «Арск держится и собирает черемис и булгар». Вокруг Арска сплотились татары-беглецы, потомки болгарских родов, удмурты, марийцы, часть чувашей-суасов. Это был редкий случай, когда лесные и степные народы выступали совместно, объединённые общей угрозой. Арск жил войной. Воины набегами уничтожали русские отряды, перехватывали обозы, сжигали фактории, мешали строительству русских крепостей на Волге и Мёше. Когда воеводы пытались взять Арск, наталкивались на такие ожесточённые контратаки, что были вынуждены отходить. Главные силы сопротивления возглавили мурзы из ро-

дов, близких к Сююмбике и Сафа-Гирею. Русские воеводы отмечали имена -Янусей, Алдар, Кайбулат, Акчурин, Кулчур, Кебек — представители родовой знати, которые предпочли леса русской присяге. Это были последние остатки военно-родовой элиты ханства. Арская сторона в сознании современников превратилась в символ сопротивления. На протяжении нескольких лет после падения Казани он был местом, где принимались решения, куда стекались беглецы, где хранили остатки ханских знамен, где мужчины давали клятвы мстить за разрушенный город. Русские летописи признавали: «Арск — сила великая».

Особую роль в этой борьбе сыграли черемисы — марийские народы, жившие в огромных лесных массивах северо-запада. Для русских воевод они стали «самым неуловимым врагом». Черемисы знали лес, его тропы, болота, переправы. Их война была партизанской по своей природе. Они нападали внезапно, устраивали засады, скрывались в лесных чащах, появлялись там, где не ждали. Русские источники говорят: «Черемиса сечь трудно, яко тень лесная». Наиболее известными предводителями были Полтыш, Кугуш, Онар, Кугар, Кузнечик — отряды которых совершали дерзкие атаки, уничтожали гарнизоны, перебивали сборщиков ясака, поджигали русские остроги. В 1553–1555 годах черемисское сопротивление приобрело массовый и почти всенародный характер. Русские войска, даже имея артиллерию, не могли вести полноценные действия в лесах. Столкновения происходили на узких тропках, на болотистых участках, где тяжёлые доспехи, копья и пищажи не давали преимущества. Черемисы владели луками, короткими копьями, топорами, использовали лёгкие щиты, передвигались быстро и почти бесшумно. Партизанская война велась не год и не два — она продолжалась десятилетиями, вспыхивая вновь при каждом повышении налогов, строительстве новых крепостей или появлении новых воевод.

Русский ответ был жесток. Летописи фиксируют «побивание» (казни), сожжение деревень, насильственное крещение, отбор земли. Арские и черемисские земли выжигались, чтобы

сломить сопротивление. Однако это лишь вызывало новые бунты. В 1554 году черемисы уничтожили почти целый полк князя Репнина; в 1555 — избили рать князя Воротынского; в 1556 — казанский гарнизон несколько раз попадал в окружение. Русские воеводы вынуждены были строить цепь крепостей — Свияжск, Мёша, Васильград, Чебоксарский острог, Царёвококшайск — чтобы удерживать территорию, но каждая крепость была как остров среди враждебного моря. Особенно ожесточённым было сопротивление по Арской дороге и в районе Казанского Луга. Здесь татары и черемисы вместе перехватывали продовольственные обозы, освобождали пленных, блокировали строительство дорог. Лесные татары — горные мишари и арские тыльяны — в этот период проявили себя как одни из лучших воинов лесного фронта.

Развязка наступила только в 1570–1580-х годах, когда были переброшены десятки тысяч стрельцов и вспомогательных войск. Жестокие карательные экспедиции, сочетавшие артиллерию, выжженные территории, массовые переселения и разрушение деревень, постепенно разорвали опорную сеть сопротивления. Подавление последних очагов сопротивления в Арской и луговой зонах стало символом завершения первой черемисской войны. Его взятие стало символом конца войны. Серия волн сопротивления, продлившаяся почти полвека, против умирения окраины — это была борьба народа, потерявшего свою столицу, но не желавшего терять себя. Леса хранили следы этой войны ещё долго, а память о ней — в песнях, преданиях, марийских и татарских героических сказах. Это сопротивление стало одним из тех скрытых оснований, на которых выросла будущая татарская идентичность, соединившая в себе и память о булгарской государственности, и гордость за тех, кто не склонил голову после падения Казани.

40. ПОЛИТИКА МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА В ПОВОЛЖЬЕ ПОСЛЕ ЕГО ПРИСОЕДИНЕНИЯ

После падения Казани в 1552 году Русское царство получило огромную территорию, которая формально входила в состав Русского государства, но фактически оставалась пространством непрерывной войны, бунтов и пустошей. В течение почти сорока лет Москва не столько владела этими землями, сколько пыталась их освоить, удержать и заселить. Казанский край был территорией, где пересекались судьбы победителей и побеждённых, и где сама логика жизни — демографическая, экономическая, религиозная — постепенно перестраивалась под воздействием процессов включения в новое государственное пространство.

В первые годы после взятия Казани Московское царство столкнулось с пустыней. Это не была пустыня природная, а пустыня, созданная войной. По свидетельству писцовых книг 1550–1560-х годов, многие волости — Арская, Казанская, Кайбицкая, Свияжская — были «пусты», то есть сожжены, разорены, лишены населения. Десятки тысяч людей бежали в леса к черемисам, часть ушла в башкирские земли, часть — вверх по Каме. Это означало, что Москва получила богатую землю, но без людей, и чтобы владеть ею, нужно было заселить её заново. Так начался один из крупнейших процессов переселения в русской истории — заселение Среднего Поволжья.

Русское царство действовало по трём основным направлениям: военное закрепление территории, переселение русского населения и управление покорёнными народами через налоговые и административные реформы. Первым шагом стало строительство цепи крепостей, которые должны были стать опорой для переселенцев. Свияжск, Мёша, Васильсурск, Чебоксары (1555), Царёвококшайск (1574), Кокшайск, Курмыш, Сундырь — все эти крепости возникли как военные анклавы в окружении враждебных лесов и должны были защищать новые русские поселения, которые Москва направляла сюда потоком. Каждая крепость заселялась служивыми людьми: стрельцами, пушкаря-

ми, казаками, детьми боярскими, торговыми людьми, ремесленниками. Им выделялись земли, хлебное жалование, освобождения от налогов — всё, чтобы они могли выжить в боевых условиях.

Но одной лишь военной силы было мало. Московское государство начала организовывать массовую крестьянскую миграцию из центральных уездов — Владимирского, Ростовского, Ярославского, Рязанского, Нижегородского. Это было добровольно-принудительное движение. Часть людей ехала в поисках земли, часть — по распоряжению властей, часть — как беглые, но легализованные поселенцы. Так возникли первые русские сёла Казанского края: Богородское, Никольское, Вознесенское, многочисленные слободы вокруг Свияжска, вдоль Волги и Казанки. Но новая власть при этом понимала, что удержать землю можно только при наличии местного населения. Поэтому татарам, чувашам, марийцам, удмуртам было предложено вернуться в свои деревни при условии уплаты ясака, посадских повинностей и принятия нового административного порядка. Часть вернулась, часть ушла глубже в леса — и леса на десятилетия стали параллельной независимой территорией, где московские законы действовали только на бумаге.

Ключевым элементом был раздел земель. Московское государство проводила перепись (писцовые книги), фиксировала каждую пашню, каждую деревню, каждого человека, выстраивая новую налоговую систему. Татары были разделены на «ясачных» (платящих дань) и «служилых» — тех, кто соглашался служить московской рати. Так появились «татары-служилые», из которых со временем сформируются мишарские группы. Чуваш и марийцы относились к «ясашным народам», что обеспечивало формальный доступ к земле, но под надзором гарнизонов и воевод.

Русские переселенцы заселяли места, откуда татары и черемисы были вытеснены или куда они не могли вернуться из-за голода и разрушений. Но рядом с русскими жили и татары, и мари, и чуваш — и поэтому весь регион превращался в сложное этно-

культурное пространство, где война соседствовала с торговлей, где русские слободы возникали рядом с татарскими деревнями, а марийские поселения лежали в двух верстах от русских острогов. Москва стремилась уничтожить остатки казанской аристократии. Мурзам предлагали выбор — либо принять службу, либо лишиться земель, либо уйти в леса. Многие приняли службу и стали частью новой местной элиты. Другие ушли — и оказались среди руководителей черемисской войны, которая тлела и вспыхивала снова до 1580—1590-х годов.

Важнейшим инструментом заселения стала православная церковь. Строительство монастырей — Свяжского Богородице-Успенского, Зилантова, Спасо-Преображенского Казанского — стало способом закрепления власти. Монастыри становились центрами землевладения, управления, миссионерства. Они получали огромные земельные наделы, вокруг которых селились крестьяне, стрельцы, посадские люди. Это создало оплот русской культуры и государственности, но одновременно ускорило вытеснение местных языков из городов и крупных селений. Именно в XVI — XVII веках татарский язык сохраняется преимущественно в деревнях, а не в административных центрах.

К концу XVI века русское государство начала активно внедрять почтово-дорожную систему, соединяющую Казань с Москвой, Нижним Новгородом, Вяткой, Симбирском. Эти дороги защищали гарнизоны, и вдоль них возникали слободы русских переселенцев. Старая Казанская дорога, Арская дорога, Свяжский тракт — всё это постепенно превращало край в связанное пространство, в котором Москва могла контролировать движение людей и товаров.

Заселение Поволжья было не мирным освоением, а процессом, протекавшим на фоне постоянной войны. «Черемисские бунты» 1552–1580-х годов, восстания удмуртов, набеги лесных татар, сожжение русских укреплений — всё это сопровождало каждую волну колонизации. Власть отвечала строительством новых крепостей, массовыми переселениями и карательными походами. Лишь к началу XVII века край был формально под контро-

лем, но даже в Смутное время он снова восстал, и лишь после 1613 года начинается стабильный этап колонизации.

Итог московского заселения был двойственным. С одной стороны, регион был вовлечён в экономику Русского государства. Появились пашни, «чёрные слободы», торговые дворы, новые ремесленные центры, дороги, монастыри. С другой стороны, этническая карта края изменилась — татары отступили в сельские районы, марийцы — в глубокие леса, чуваш — в междуречье Волги и Суры, русские поселения закрепились вдоль Волги и в городах. В этих сложных демографических потоках формировались будущие татарские группы — казанские татары, мишари, тептяри, нагайбаки. Заселение не уничтожило булгаро-татарскую культуру, но перестроило её окружение. Среди руин старого ханства начал расти новый мир, в котором потомки булгар и тюрков, теперь уже как «татары», должны были найти свой путь между памятью о прошлом и реальностью нового государства.

41. ПОТОМКИ КАЗАНСКИХ МУРЗ В XVII ВЕКЕ

После падения Казани в 1552 году судьба казанской знати — мурз, биев, служилой аристократии ханства — оказалась сломанной. Мурзы были представителями тюркской военной знати, наследственной аристократии, владевшей землями и вооружёнными отрядами, а бии — родовыми лидерами и судьями, носителями местной власти и авторитета. Но даже после катастрофы эта элита не исчезла — она пережила трагедию, разошлась по разным дорогам и в XVII веке превратилась в несколько новых социальных групп, часть из которых сохранила статус, часть растворилась среди служилых людей, а часть стала основой будущей татарской дворянской традиции. Московская власть прекрасно понимала, что разбитое ханство невозможно удерживать только силой. Мурзы были носителями местного авторитета, знали языки, законы, земельные границы, обладали связями в селениях. Поэтому Москва выбрала страте-

гию не полного уничтожения элиты, а более гибкой разветвлённой, чтобы часть привлечь к службе, часть — переселить, часть — сломить через конфискации земли, имущества и права занимать прежние родовые должности. Уже в конце XVI века появляются «татарские служилые люди», «городовые татары», «казанские служилые мурзы». Это прямые потомки казанской знати, принявшие московскую службу. Они получали поместья, выполняли обязанности переводчиков, конников, конвоиров, участвовали в русских походах на Сибирь, Астрахань, Крым. Многие из них стали опорой московской власти в крае. Самые известные рода XVII века — Юнасовы, Кутдышевы, Кудашевы, Алкинские, Девлеткильдебаевы, Аппаковские, Кашировы, Яшевы, Акчурины — все они выводили родословные от казанских мурз. Часть из них действительно стала «дворянством по татарской линии», признанным в документах. Среди них были и представители легендарных родов, происходящих от Уразмамета, Кулчуры, Япанчи — героев обороны Казани.

Другой крупный слой — мурзы, ушедшие в Ногайскую Орду и Башкирские земли. После 1552 года многие родовые группы ушли на юг и восток — в Мещеру, Уфимский уезд, в долину Белой, в чувашские и марийские земли. Именно здесь формируются «тептяри» — татарские общины смешанного происхождения, часто состоявшие из беглых мурз и служилых людей. Эти группы сохранили многое из ханской культуры, преданий, обычаев и позже сыграли важную роль в культурной памяти. Некоторые мурзы влились в башкирскую родовую структуру и стали предками родов Катай, Еней, Танып, Кыгын (Кигин). Их татарское происхождение фиксируется по этнониму «кыпчак» и по титулу «мурза», который местные башкиры сохраняли в почитании вплоть до XIX века.

Третья группа — мурзы, ушедшие в леса и ставшие ядром сопротивления, постепенно растворилась среди местных аристократий марийцев, удмуртов, чувашей. Летописи фиксируют тюркские родовые имена среди черемисских предводителей — Онар, Полтыш, Кугуш. Потомки этих родов в XVII веке уже

не считались мурзами, но сохраняли память о тюркских корнях. Эти же группы дали начало части горных татар, которые своим укладом и культурой значительно отличались от равнинных казанских татар XVII века.

Особая категория — казанские мурзы, ставшие московскими вотчинниками. Их немного, но они сыграли важную роль в становлении татарской знати позднего периода. Эти семьи получили дворянские грамоты, вошли в «родословные книги», но при этом продолжали исповедовать ислам или тайно придерживаться его. В XVII веке казанские мурзы служили в сторожевой, разъездной, комиссарской службе, участвовали в дипломатии с Ногаем, Сибирью и Астраханью, были посредниками между русской властью и местными татарами. Таким образом, судьба мурз была не уничтожением, а трансформацией. В XVII веке они превратились в многочисленные группы, разбросанные между Казанью, Башкирией, Нижним Новгородом, Пензой, Симбирском, Ногаем. Они потеряли государство, но не исчезли. Потеряли власть, но сохранили родовые имена. Распределились в разных социальных слоях, но стали фундаментом, на котором позже возникла новая татарская элита XVIII — XIX веков.

Как менялась демография Идела после 1552 года

Демографическая история Среднего Поволжья после падения Казани — это история огромного перелома. В течение нескольких десятилетий регион превращался из территории казанского типа — многоэтничного, исламского, городского — в новое пространство, включённое в состав Московского государства. Этот процесс был сложным, болезненным, иногда катастрофическим, но именно он сформировал современную карту расселения татар, чувашей, марийцев, удмуртов и русских.

В первые годы после 1552 года численность населения резко просела. По данным писцовых книг, до половины деревень Казанского и Арского уезда были «пусты», то есть сожжены или заброшены. Люди уходили в леса, бежали к марийцам, переселялись к башкирам или становились бродячими общинами. В 1553–1556 годах демографическое дно было очевидным —

многие земляные волости представляли собой «пустоши». На старых булгарских землях, когда-то густо населённых, жили лишь отдельные семьи.

Постепенно к концу XVI века власть начала проводить целенаправленное демографическое освоение. Сюда переселяли русских крестьян из центральных уездов, иногда как добровольцев, иногда как «выходцов по разряду», иногда — беглых. Появлялись русские деревни вдоль рек Волги, Свияги, Казанки, Пяна. Русское население выросло за счёт служилых людей — стрельцов, пушкарей, детей боярских, приказных людей. Монастыри укрепляли демографию — вокруг Зилантова, Раифского, Свияжского монастырей возникали крупные слободы.

При этом татарское население сохранилось, но изменило структуру расселения. Татары уходили из городов и крупных торговых селений и заселяли долины рек дальше от крепостей — по Мёше, Ике, Ноксе, Малая Цильна. Особенно быстро росли татарские сёла в Арском, Лаишевском, Чистопольском направлениях. Земли вокруг Булгара и Билярска постепенно восстанавливались, но уже как земледельческие районы без бывшей городскости.

Чуваши в XVII веке переживали бурный рост. Их племена, частично принявшие власть Москвы, быстро увеличивали численность и осваивали ранее пустые земли между Волгой и Сурой. Марийцы уходили глубже в леса, где создавали устойчивые общины. Удмурты одновременно страдали от переселений, но в северных районах Камы сохраняли численность.

В XVII веке происходит важнейшее явление — демографическое возрождение татар. После конца черемисских войн и стабилизации налоговой системы татары начали активно расширять земледелие, создавать торговые слободы, поддерживать ремесло. В XVII веке именно татары становятся главной торговой силой Поволжья, создают ярмарки, селения торговцев, караванные пути. Это способствует естественному приросту. К концу столетия татары вновь составляют значительную долю населения Среднего Поволжья.

Численность русских в регионе росла быстрее всего — это объясняется иммиграцией. Но до середины XVII века русские и татары численно были сопоставимы. Лишь к концу века русское население окончательно становится доминирующим в городах, тогда как татары — в сельских районах.

Таким образом, демография после 1552 года — это глубокая перестройка, где русские, татары, чувашы, марийцы и удмурты заняли новые зоны расселения. Татарский народ, утратив государство, не утратил численность, он пересобрался, перестроился и стал одним из крупнейших народов региона.

42. СТРОГАНОВЫ И ВОСТОЧНАЯ ГРАНИЦА ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ КАЗАНИ

Для казанских татар падение Казани в 1552 году не закончилось в тот день, когда смолкли пушки. Город пал, но сама беда растянулась на годы. Многие ушли из разорённых мест к Каме, дальше на восток, туда, где ещё помнили старые порядки и где рука новой власти чувствовалась слабее. Эти земли и раньше были окраиной ханства. Казанский сборщик приходил сюда не каждый год, но все знали, кому принадлежит земля и откуда идёт сила. После гибели Казани эта уверенность исчезла, и край оказался словно без хозяина.

Поначалу жизнь текла по старой памяти. Люди жили охотой и пашней, торговали мехом, рыбой, мёдом. Кто-то по привычке готовился отдавать дань, кто-то наблюдал, кто придёт новым хозяином этих земель. Но вскоре по Каме стали всё чаще появляться чужие лодьи. Люди на них говорили на незнакомом языке — не по-татарски и не на языках местных народов. Они осматривали берега, ставили метки, выбирали места. Их называли одним именем — Строгановы.

Сначала к ним относились настороженно, но без страха. Купцы и раньше приходили и уходили. Однако эти не уходили. Там, где прежде были луга и охотничьи тропы, они ставили дома, затем остроги. Они говорили, что земля теперь под рукой

московского царя, и показывали грамоты. Для татар, переживших падение Казани, это звучало знакомо и тревожно. Слова были другие, но суть оставалась той же — власть снова подбиралась всё ближе.

Постепенно стало ясно, что Строгановы пришли не торговать, а закрепиться. Они приводили своих людей, распахивали землю, ставили соляные варницы и укрепления. Оружие у них было всегда под рукой, и они этого не скрывали. Для тех, кто жил здесь поколениями, это означало, что пришли перемены, от которых уже нельзя было уклониться. С запада теснили новые люди и новые порядки, а за спиной поднимались Уральские горы. За ними начинались земли Сибирского ханства, чужие и тревожные, куда уходили лишь в крайней нужде.

Особенно остро это чувствовали казанские татары, пришедшие сюда после 1552 года. Они видели в происходящем продолжение той же дороги, по которой новая власть шла после взятия Казани. Тогда пали города, теперь исчезали их деревни. Тогда выгоняли из укрепленных мест, теперь теснили в леса. Остроги на Каме напоминали о стенах Казани, только теперь они стояли в глуши, среди рек и болот.

Со временем стало ясно, что новые хозяева действуют не сами по себе, а с прямого позволения царя.. Говорили, что им разрешено селить людей, брать землю и защищать её, как сочтут нужным. Это означало, что спорить с ними словами бессмысленно. Можно было либо уйти, либо подчиниться, либо ждать удара.

Реки, которые раньше связывали эти земли с Казанью и Булгаром, теперь вели к новой власти. Кама и Чусовая стали дорогами, по которым приходили чужие люди и чужие порядки. Строгановы ставили остроги вдоль берегов, и каждый такой острог отрезал землю, как ножом. Где-то удавалось договориться, где-то вспыхивали стычки, где-то люди уходили глубже в леса, забирая с собой детей и стариков.

Для многих татар хан Кучум оставался последней надеждой на то, что старая сила ещё может вернуться. Его отряды появлялись внезапно, жгли новые поселения, уводили людей. Но эти

набеги не приносили спокойствия. Они лишь делали жизнь ещё тяжелее, потому что после них приходил ответный удар. Край оказался между двумя силами, и обе они брали своё.

Когда по краю пошли слухи, что в 1574 году царской грамотой Строгановым дозволено воевать открыто, стало ясно, что тихих времён больше не будет. Говорили, что теперь у них есть право не только строить и селиться, но и поднимать оружие против тех, кто мешает им удерживать землю. С этого момента любой спор мог обернуться кровью, потому что за купцами стояло слово царя. Люди говорили, что купцы ищут человека, который не станет договариваться и ждать, а пойдёт дальше, за Урал, чтобы ударить по самому корню Сибирского ханства.

Так для казанских татар стало очевидно, что путь русского царства не остановился на Волге. Граница продолжала двигаться. Через уходы, страх, переселения, исчезающие селения. И когда имя Ермака впервые прозвучало в этих местах, его услышали не как имя героя. Его услышали как знак того, что то, что началось в 1552 году под стенами Казани, ещё далеко не закончилось.

43. ЕРМАК

Когда московское государство наконец укоренилось в Поволжье, перед ним открылось пространство, которое могло показаться пустым и свободным только на карте. На самом деле оно было населено людьми, чьи судьбы, страхи и надежды во все не стремились вписываться в московские планы. Именно в этот момент на историческую сцену выходит фигура, которая для русского человека стала символом освоения Сибири, а для татар, остяков, вогула и многих других народов — чёрным именем, от которого неуютно делается даже через четыре века. Речь о Ермаке, одном из самых противоречивых людей XVI века, который в школьных учебниках появляется как мужественный землепроходец, а в памяти покорённых племён остаётся завоевателем, грабителем и убийцей.

О происхождении Ермака известно мало, но достаточно, чтобы понять его склад характера. Он был не боярин и не князь. Он был казак, выросший в мире вольницы и постоянных столкновений, где жизнь стоила недорого, а судьба зависела от чутья, удачи и умения идти на риск. Его отряд, собранный из степных казаков, был той силой, которой царство Ивана Грозного приписывало победы и расширение границ, а народы пограничья отвечали страхом и молитвами о защите, обращёнными к Всевышнему.

Ермак появился не как назначенный воевода и не как герой по царскому указу. Он пришёл как человек вольный, уже известный своими походами и набегам по Волге и Каме, привыкший жить войной и добычей. Его отряд складывался из таких же людей, для которых служба у купцов была не присягой государю, а возможностью получить оружие, пропитание и законный повод для нового похода.

Так Ермак, привыкший к опасности и добыче, решился на поход, определивший дальнейший ход событий. В 1581 году его войско перешло Урал и вошло в земли Сибирского ханства. Позднее русская летописная традиция превратит этот поход в почти эпический рассказ о покорении новых земель. Но источники и предания людей, живших под властью Кучума, сохраняют иную память — память о внезапном вторжении, страхе и начале тяжёлых перемен, которые обрушились на их мир.

Первые столкновения с местными народами были быстрыми и жестокими, и в них проявилась та особая смесь казачьей удали и беспощадности, которую Ермак привёз в Сибирь.

«Иде Ермак по Иртышу и по Тоболу, и градки татарские разоряше, и люди в них побиваше».

Эта формула Кунгурской (Краткой сибирской) летописи фиксирует не отдельный бой, а последовательное разорение поселений и уничтожение их жителей. Речь идёт именно о населённых пунктах, а не только о военных укреплениях.

В русских документах его называют «покорителем», что звучит благородно, но в разрядных книгах встречаются записи

о сожжённых юртах, захваченных «ясачных людях», массовых побегах из деревень, о том, что многие ости бросали зимовья и уходили так далеко в леса, что русские десятилетиями не могли их найти.

«Которые же не хотяху под цареву руку быти, тех казняху».

Эта запись показывает, что насилие применялось не только в бою, но и как средство принуждения к подчинению. Отказ признать власть означал смертную казнь.

Это не художественные образы, а вполне конкретные свидетельства XVI века, сохранившиеся в документах Приказа Казанского дворца и Сибирского приказа.

У татар память о Ермаке была куда более личной. Он вошёл в предания как разбойник, который пришёл не за славой, а за добычей, и обращался со степняками так же, как привык обращаться с противниками на Волге в молодые годы. В «Казанских историях» XVII века, созданных уже после падения ханства, можно встретить упоминания о «казацьем разорении», которое приписывалось Ермаку и его людям. Для татар он был не первопроходцем, а продолжателем той самой московской экспансии, от которой край пытался отбиться после 1552 года. И хотя между падением Казани и походом Ермака прошло почти тридцать лет, память об этих потрясениях складывалась в одну линию. Царство шло за Волгу, потом за Каму, потом за Урал, и каждый раз это означало кровь, переселения и борьбу.

В Сибири Ермак действовал ещё жёстче.

«И прииде Ермак с товарищи своими на град Сибирь, и побиша татар много, и град взяша силою». Даже в краткой и сдержанной форме Есиповской летописи подчёркивается насильственный характер захвата и массовая гибель защитников. Формула «побиша» в летописном языке означает уничтожение, а не просто победу.

Ранние сибирские летописи не пытаются сгладить происходящее и фиксируют поход Ермака в языке разорения, казней и принуждения. Это ещё не героический миф, а документальное отражение военного завоевания.

Летописец С. У. Ремезов, составивший знаменитую «Чертёжную книгу Сибири», опираясь на устные предания местных жителей, упоминал, что многие народы вспоминали приход русских как «великий страх». В записках XVII века встречаются рассказы о карательных набегах, проводимых казаками, когда деревни вынуждены были платить ясак не потому, что принимали царскую власть, а потому что не имели сил сопротивляться. Эти сведения подтверждаются и документами Казанского дворца (московское ведомство), которые фиксируют жалобы остяков и вогула на жестокое обращение, насильственные поборы и зверства отдельных отрядов. Ермак лично не оставлял письменных свидетельств, но его имя фигурирует в контексте этих событий так часто, что спорить о связи сложно.

Для московского царства Ермак стал подарком судьбы. Его победы над Кучумом в 1582 году открыли дверь в Сибирь шириной в половину материка. И когда он погиб в 1585 году при попытке переправы через Иртыш, московская власть уже знала, что дорога к океану теперь будет русской. Но в памяти сибирских племён, как и в татарских легендах, его смерть не стала искуплением. Она не смыла ни сожжённые юрты, ни угнанных в плен людей, ни кровь тех, кто погиб от его рук и от рук его казаков.

В их памяти гибель Ермака сохранилась как рассказ, в котором сама земля словно довела начатое людьми до конца. Говорили, что всё произошло внезапно, без долгой битвы и громких криков. Ночью, когда отряд расслабился и не ждал удара, воины хана Кучума напали быстро и решительно. Завязалась короткая, беспорядочная схватка, после которой казаки бросились к реке, надеясь уйти по воде или по тонкому, ещё не вставшему льду Иртыша. В этих рассказах Ермак не изображается побеждённым в бою. Его гибель объясняли иначе. Он был слишком тяжёл для реки. Доспехи, оружие, всё то, что делало его сильным и страшным для других, стало для него гибельным. Лёд не выдержал, вода сомкнулась, и Иртыш забрал его, как забирает любого, кто приходит на чужую землю с железом и уверенностью в своей неуязвимости.

Для местных жителей этот конец казался справедливым и почти неизбежным. В их представлении Ермака погубили не только воины Кучума, но и сама река. Иртыш был живым, опасным, капризным, и люди, жившие на его берегах, знали, что он не прощает ошибок. В этой истории природа выступает не фоном, а участником событий, последним судьёй. То, с чем не справился человек, довершила вода. Захватчик ушёл туда же, куда уходили многие, кто оказался на неродной реке и не умел понимать её.

Этот образ неожиданно перекликается с другой, хорошо известной русской историей — рассказом о Чудском побоище и гибели рыцарей подо льдом. В русской традиции псы-рыцари, закованные в тяжёлые латы, якобы ушли под лёд, не выдержав его хрупкости. Историки давно спорят, насколько буквально стоит понимать этот сюжет, но для народной памяти его смысл ясен. Чужая сила, опирающаяся на железо и строй, оказывается бессильной перед водой и холодом. В одном случае лёд становится союзником русских, в другом — союзником сибирских народов. События разные, стороны разные, но образ один и тот же.

В этих рассказах река и лёд словно сами выбирают сторону. Они наказывают того, кто пришёл с войной, не зная земли и не считаясь с ней. Для русской памяти это стало знаком правоты своей стороны, для сибирской — подтверждением того, что даже самый грозный пришелец не властен над рекой. Так гибель Ермака в народном воображении превратилась не просто в конец человека, а в момент, когда сама природа довершила расправу над захватчиком. И потому этот рассказ живет долго, передавался из уст в уста и пережил летописные строки, потому что в нём люди узнавали привычную истину — вода и земля помнят всё и не прощают тем, кто приходит к ним с мечом.

Поэтому фигура Ермака живёт в двух параллельных мирах. В одном он герой, каким его изображали в XVII веке в русских повестях, человек, принесший царству новые земли. В другом он

разбойник и убийца, чьё имя в памяти народов стало символом страшного времени.

История не обязана примирять эти образы. Она лишь напоминает, что захват и освоение новых земель никогда не бывает романтическим, и что за каждым героем одной стороны стоит чья-то скорбь и чья-то несправедливая смерть.

Когда смотришь на эту историю глазами татарской памяти, Ермак перестаёт быть отдельным человеком и превращается в знак времени. понимаешь, что он стал частью той же большой истории, что началась после падения Казани. Русское государство шло вперёд, и кто-то считал это движением цивилизации, а кто-то — крушением своего мира. Где-то между этими двумя линиями стоит фигура Ермака, человека, который стал символом жестокой эпохи.

44. ТАТАРСКИЕ ГОРОДА XVII ВЕКА — ОТ ЧИСТОПОЛЯ ДО АРСКА

В XVII веке, спустя столетие после падения Казани, по берегам Иделя и его притоков постепенно формировалась новая сеть татарских городов и крупных торгово-ремесленных слобод, которые становились центрами притяжения для окрестных сёл и показывали возрождение татарской экономической и культурной жизни. Несмотря на то, что московская администрация официально не признавала их «городами» в полном смысле — в отличие от русских крепостных центров Казани, Свияжска, Лаишева — фактически эти поселения выполняли все функции городских узлов — они имели рынки, пристани, ремесленные кварталы, мечети и формировали местные экономические микрорегионы. Наиболее значимыми среди них были Чистополь, Арск, Лаишево, Тетюши, Елабуга, Мамадыш, Чулман — сеть поселений по Каме, где татары к XVII веку стали ведущей торговой силой.

Чистополь, расположенный выше Булгара, с конца XVI века постепенно рос как крупная татарская рыболовная и хлеботорго-

вая слобода на берегу Камы, и к середине XVII века превратился в один из важнейших рынков региона. По писцовым книгам 1646 и 1678 годов здесь фиксируется значительное татарское население, множество амбаров, лодочных пристаней, торговых рядов. Чистополь становится транзитным центром между Казанью, Билярскими землями, Закамьем и Приуральем. Именно отсюда татарские купцы отправляли зерно, рыбу, сало, восковые свечи, шкуры и железные изделия вниз по Каме — в Уфу, Соликамск, Пермь и далее на северные рынки. К концу XVII века Чистополь фактически превращается в протогород, известный благодаря своей торговой активности и богатым купеческим дворам. Несмотря на отсутствие кремля, его хозяйственное значение не уступало многим русским уездным центрам.

Арск, древняя крепость болгарского периода, разрушенная в 1552 году, в XVII веке становится сердцем татарской жизни северо-востока Казанского уезда. После окончания черемисских войн сюда возвращаются жители окрестных волостей, и Арск возрождается как татарский административно-торговый узел. Здесь проходят ярмарки, собираются товары из Мамадышской и Балтасинской округ, работают ремесленники — кожевники, гончары, оружейники. Арск известен и как центр тюркоязычной книжности — именно отсюда происходили многие муллы и хатибы, которые позже составят основу зарождающейся татарской литературной традиции XVIII века. В Арске формируется прослойка зажиточных татарских землевладельцев и купцов, что подтверждается многочисленными актами купли-продажи земли, сохранившимися в документах приказов. Арский округ, благодаря своей густой сети татарских сёл, становится одним из экономических двигателей всего региона.

Лаишево, расположенное на берегах Камы недалеко от слияния с Волгой, выполняет двойную роль. С одной стороны, это русская крепость; с другой — вокруг неё расцветает татарское торговое население, которое использует выгодное положение на речном перекрёстке. Лаишевские татары занимались хлеботорговлей, рыболовством, кораблестроением мелких

судов, и эта деятельность была столь активной, что московские власти постоянно обсуждали вопрос регулирования налогов с татарских слобод. Археология подтверждает существование здесь богатых татарских дворов с остатками печей, керамических мастерских, арабских графических надписей на бытовых предметах.

Тетюши, расположенные на высоком волжском берегу, стали для татар важным торговым окном вниз по Волге. После поднятия крепости в XVI веке вокруг неё образовались татарские поселения, которые в XVII веке превратились в крупную рыбную и хлебную базу. Рыба тетюшских татар поставлялась в Казань, Нижний Новгород и Москву. Татарские лодочники, известные как опытные речники, использовались московскими властями для доставки грузов по Волге. С XVI по XVII век тетюшские татары составляли одну из самых мобильных и обеспеченных групп региона.

Елабуга, расположенная на перекрёстке Камских путей, сохранила статус торгового центра, который ещё в булгарские времена связывал Идель с Приуральем. В XVII веке здесь проживало смешанное население — татары, вотяки (удмурты), русские служилые люди. Татарские ремесленники занимались металлообработкой, изготовлением ножей, серпов, топоров — изделия елабужских мастеров находят в кладах по всему Предуралью. Также Елабуга была важным транзитным пунктом для меховой торговли. Татарские купцы закупали мех у пермских и удмуртских общин и перепродавали в Казань и Москву.

Мамадышский район, населённый преимущественно татарами, в XVII веке представлял собой цепь богатых сёл, расположенных вдоль Камы и Вятки. Здесь развивалось земледелие, скотоводство, производство дёгтя, торговли мёдом. Татарские сёла Кукмор, Балтаси, Сабинские и Мамадышские земли уже в XVII веке имели многотысячное население и по плотности населения превосходили некоторые русские уездные территории. Эти районы сыграли важную роль в сохранении языка, культуры и исламских традиций.

Заметную роль играли и малые татарские центры: Болгарское городище — уже без статуса столицы, но с мощной торговлей; Тинчурино, Степановка (бывшие болгарские поселения), где продолжались ремесленные традиции; сёла по нижнему течению Камы, связанные с Закамскими сторожевыми линиями. Татарская торговая сеть XVII века охватывала огромную территорию — от Астрахани до Архангельска. Казанские татары поставляли меха, мёд, воск, кожи, керамику, железо, злаки на ярмарки Макарьевскую, Свенскую, Арзамасскую, Нижегородскую. Они одновременно были земледельцами, ремесленниками и купцами, создавая уникальный культурно-экономический слой, который в XVII веке стал основой формирования татарской купеческой традиции.

Несмотря на отсутствие у татар собственной государственности, их города и крупные слободы в XVII веке демонстрируют высокую устойчивость. Они не имели крепостей, но имели социальную и экономическую жизнеспособность. Татарские поселения восстанавливали исламские институты — мечети, мектебы, духовные дворы. Именно в этих городах начинается формирование первых крупных семей мулл и караван-башей, которые впоследствии станут интеллектуальной элитой татарского общества XVIII — XIX веков. В городах развивалась письменная культура на старотатарском (булгаро-кыпчакском) языке, использовалась арабская графика, писались вакафные документы, судебные акты, родовые записи.

Таким образом, татарские города XVII века — это не только географические точки, но и живые центры культурной, торговой и ремесленной энергии, благодаря которым народ сумел пережить катастрофу XVI века, сохранить язык, ислам и социальную структуру. Именно на базе этих поселений и их экономической силы позже возникнет новое культурное пространство — от которого поведёт своё развитие Новая Татария XVIII — XIX веков, и через которое пройдёт путь от потомков булгар к современному татарскому народу.

45. ЧАЛЛЫ ЯР – НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ

Есть города, у которых имя как будто заранее объясняет их судьбу. Набережные Челны (Чаллы Яр) звучат так, словно это место придумала сама река. Слово простое, почти бытовое. Челн, лодка, которую можно вытянуть на песок, перевернуть, чинить, снова спустить на воду и опять уйти по течению. В этом названии нет ни имперской торжественности, ни обещания вечности. Есть только берег, вода и движение.

Челны много раз начинались заново. Сначала как болгарская окраинная крепость на Каме, потом как пункт ханской границы, потом как русское село из писцовых книг, потом как тихий уездный городок, а в XX веке как индустриальный гигант, который вырос быстрее, чем успели привыкнуть к его масштабу даже те, кто его строил.

Официальная дата рождения современного города обычно называется 1626 год. Она опирается на письменные свидетельства, на ту самую бумагу, которая в русской административной традиции фиксировала жизнь как налоговую единицу, как поселение, которое можно переписать, обложить и поставить на карту. Для государства это и есть точка отсчёта, момент, когда место становится видимым в документах.

Но у Камы есть привычка смеяться над «официальными датами». На берегу можно поставить табличку, можно назначить юбилей, можно выпустить памятную медаль, но земля под ногами всё равно хранит свой календарь. И он в Челнах куда старше.

Внутри города, на Элеваторной горе, есть место, которое археологи называют Челнинским, или Бехметевским городищем. Важно не запутаться в названиях, они менялись в зависимости от эпохи и исследовательской традиции. Суть одна. Это остатки укрепленного поселения, слои которого относятся к средневековью, и в находках уверенно читаются XIII — XVI века, то есть время, когда здесь последовательно проходили болгарские, ордынские и казанские горизонты.

Вот здесь начинается настоящая история Челнов, та, которую не всегда видно в школьной схеме, где города будто бы появляются только после того, как их «учтут». На Каме в этих местах не могло быть пустоты. Кама была не просто рекой, она была дорогой, идущей на северо-восток, к Приуралью и дальше. Там, где сходились притоки и удобные переправы, там, где можно было держать берег, там обязательно возникали укрепления и поселения. Булгарская периферия не выглядела как «провинция» в современном смысле. Это была живая граница, где торговля и оборона существовали одновременно, где обмен шёл рядом с тревогой, а ремесло соседствовало с оружием.

В булгарское время это место работало как форпост. Не столица и не центр империи, но точка, которая держит направление. Дальше по Каме начинались лесные миры, финно-угорские земли, и связи с ними были и выгодой, и риском. Здесь могли менять металл и ткань на меха, воск и мёд, могли вести счёт товарам, могли собирать пошлины. Торговля на границе всегда похожа на переговоры с неизвестностью, но именно так и расширяется пространство государства.

Золотая Орда не исключила этот механизм. У Орды были свои приоритеты, военные и административные, но торговая сеть работала, и на Каме жизнь продолжалась. Не обязательно бурно, не обязательно как в «золотом веке», но упорно. Археологические материалы как раз и говорят о такой упрямой продолжительности. Слои не выглядят как один яркий всплеск и потом пустота. Скорее это похоже на долгий разговор с рекой, когда поколение за поколением держится за берег.

А в Казанском ханстве такие пункты на Каме становились особенно важными. Ханство жило не только Казанью, оно жило дорогами. Граница на северо-востоке была местом, где нужно было контролировать движение людей и товаров, где приходилось считаться с соседями, где каждый сезон мог принести новости, которые не нравятся. В таких местах часто появляется функция «таможни», пусть она и не называлась так привычным словом. Это точка контроля, точка наблюдения и одновременно точка жизни.

И затем случается то, что случилось с ханским миром во второй половине XVI века. Падение Казани не остановилось на разрушенных стенах кремля. Оно растянулось по краю, как огонь по сухой траве. Камская линия стала одной из самых тревожных. Через неё шли переселения, через неё шли военные отряды, по ней же шли новые порядки. В этих местах слишком многое было стратегическим, чтобы уцелеть спокойно. Поэтому средневековое поселение, судя по общей картине региона, не могло пройти через этот период без разорения и упадка. У истории есть грубая логика. Всё, что стоит на дороге войны, обычно становится её частью и разрушается.

И вот только после того, как край был относительно «сбран» заново, в источниках появляется русское поселение, которое мы считаем прямым предком нынешнего города. 1626 год как раз и выглядит такой датой. Это не «рождение с нуля», это второй старт.

Дальше происходит знакомая для Иделя история. Жизнь собирается вокруг реки и земли. Формируется русское село, рядом сохраняются татарские деревни, где-то появляются яшашные татары, где-то люди уходят и возвращаются. Названия меняются, административные границы перерисовывают карты, но Кама остаётся тем же смыслом. Она соединяет и тащит время вперёд.

XX век ворвался сюда не постепенно, а как удар молота. В конце 1960-х государство выбрало Набережные Челны как площадку для гигантского проекта, Камского автозавода. И случилось то, что потом назовут стройкой века. Символический «первый ковш» на площадке будущего КамАЗа датируют 13 декабря 1969 года, а сам проект закрепляют решениями союзного уровня.

Город менялся так быстро, что это не было похоже на обычный рост. Это было похоже на пересборку реальности. Тысячи и десятки тысяч людей приехали со всей страны. Возникли новые районы, новые кварталы, новая социальная ткань. Появился феномен челнинцев как особой общности, людей, которые знают, что их город построен не «сам собой», а руками, нервами,

молодостью. В этом есть и романтика, и усталость, и чувство гордости, которое трудно подделать.

И вот на этом месте случилась история, которую до сих пор вспоминают как пример странной логики поздней советской эпохи. В ноябре 1982 года, после смерти Леонида Брежнева, принимается постановление об увековечении его памяти, и одним из первых пунктов становится переименование Набережных Челнов в город Брежнев.

Здесь история делает резкий и неуклюжий поворот, который является одним из самых показательных эпизодов позднесоветской административной логики. Осенью 1982 года, в момент, когда страна прощалась с эпохой, Набережные Челны внезапно оказались втянуты в ритуал, к которому не имели ни внутренней готовности, ни потребности.

Контекст этого решения был характерен для своего времени. За почти два десятилетия правления вокруг главной фигуры сложился мягкий, но устойчивый культ. И решение было принято стремительно. Указ о переименовании подписали 13 ноября 1982 года, всего через несколько дней после смерти генсека. Даже по меркам советской традиции это выглядело странно. Город, полный молодости, движения и незавершённых планов, внезапно получил имя человека, чья смерть только что стала общенациональным трауром. Название сразу приобрело мемориальный оттенок, не предполагающий жизни и роста. Создавалось ощущение спешки, будто важно было успеть поставить знак, не слишком задумываясь о его смысле.

Неловкость усиливалась тем, что к началу 1980-х Челны уже обладали собственной, вполне сложившейся идентичностью. Это был город комсомольской стройки, место, где сотни тысяч людей из разных уголков страны стали челнинцами не по паспорту, а по опыту. Имя «Челны» было нажито трудом, общими трудностями, ощущением причастности. Кроме того, это имя имело глубокие корни, уходящие в булгарскую и ханскую историю Камы. Оно было связано с ландшафтом, рекой, берегом, а не с конкретной политической фигурой.

Никакого обсуждения с жителями не было. Не было ни опросов, ни попытки объяснить необходимость такого шага. Решение просто спустили сверху, как это было принято. Город проснулся в новом названии, которое большинство воспринимало как чужое. Автору довелось лично испытать это чувство устойчивого абсурда, когда происходящее воспринимается как нечто навязанное и внутренне неверное. Раздражение людей редко выражалось вслух, но оно накапливалось, потому что за переименованием стояло ощущение, что живой городской опыт оказался менее важен, чем символический жест.

На уровне языка новое название тоже звучало неестественно. Даже общая звонкая буква «ж» в фамилии «Брежнев» не помогала связать его с Челнами ни по звучанию, ни по ритму речи. Название не имело привычной формы, плохо ложилось на слух и не вызывало ассоциаций с местом. Контраст между динамичным, растущим городом и именем, которое в массовом сознании связывалось с застоём, старением власти и усталостью системы, был слишком заметен, чтобы его можно было игнорировать.

К этому добавилась и чисто бюрократическая сторона вопроса. Переименование означало смену документов, вывесок, печатей, адресов, транспортных схем. Возникла путаница в логистике, в переписке, в учёте. Особенно абсурдно ситуация выглядела на фоне официального названия Камского автозавода, которому уже дали имя Брежнева. Получалась странная конструкция, в которой завод имени Брежнева находился в городе Брежнев, и даже для привыкшей к формальностям системы это выглядело чрезмерно.

К облегчению жителей Татарстана, вся эта история увековечения оказалась короткой. Уже в январе 1988 года, в иной общественной атмосфере, когда страна начала пересматривать многие символы позднесоветского времени, городу вернули прежнее имя. Шесть лет переименования остались в истории как эпизод, не успевший стать привычкой. Название быстро исчезло с карт и документов, оставшись лишь в воспоминаниях и редких архивных строках.

Этот возврат показал, что топоним — это не просто слово в указе. Это часть внутренней карты людей. Его можно изменить на бумаге, но если имя не совпадает с ощущением места, оно не приживается. В случае с Набережными Челнами прежнее название вернулось потому, что оно продолжало жить в языке, в памяти, в повседневной речи.

Есть ещё один момент, который редко проговаривают вслух, но он лежит на поверхности. История Челнов не про одну линию. Она про несколько слоёв, которые наслаиваются друг на друга, иногда спорят между собой, но всё равно остаются в одном месте. Средневековое городище на Элеваторной горе и бетонные кварталы вокруг КамАЗа это не две разные истории. Это одно пространство, которое умеет менять роль, но не умеет исчезать.

И если смотреть на Челны в длинном времени, становится видно, что этот город никогда не был «случайным». Его выбирали река, дорога, граница, промышленность. Его выбирала логика пространства. То, что в XII — XVI веках было укреплённым пунктом на камском пути, в XX веке стало узлом другой дороги, индустриальной. В обоих случаях речь о движении, о контроле направления, о месте, через которое проходит сила эпохи.

Поэтому история Набережных Челнов так и цепляет. Она не даёт удобной картинки «основан тогда-то и дальше спокойно жил». Нет, он жил рывками. Он несколько раз терял прежний смысл и находил новый. И именно это делает его типичным городом Иделя. Здесь часто так. Здесь время умеет ломать, но умеет и строить заново.

Челны стоят на Каме, как стояли веками. Менялись империи, менялись названия, менялись профессии людей, которые здесь жили. Но берег оставался берегом, река оставалась рекой, и место снова и снова оказывалось нужным. А значит история не закончилась. Она просто в очередной раз поменяла масштаб.

46. ОГРАНИЧЕНИЯ ИСЛАМА — НЕПУБЛИЧНАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ ТАТАР XVI — XVII ВЕКОВ

После падения Казани ислам на Иделе оказался под таким давлением, какого не знала ни болгарская, ни ордынская эпоха. В Казани снесли главные мечети, включая легендарную Кул Шариф. Строить новые — тем более каменные — запретили. Московская власть не стремилась к полному искоренению веры — это было невозможным из-за численности мусульманского населения и экономической необходимости удерживать край, — однако последовательно и жёстко стирали ислам из общественной жизни. Закрывались мечети в городах, запрещалась подготовка мулл, разрушались медресе, вводились налоги на обряды, а сами мусульманские общины переводились в разряд «ясачных», подчинённых особым приказам. Именно в этой атмосфере и началась уникальная эпоха тайного, но упорного сохранения ислама, когда духовная традиция передавалась не через официальные институты, а через память семей, старейшин, родовых мулл и кари, прятавшихся от властей.

После 1552 года десятки мечетей были уничтожены или обращены в склады и дворы. В 1556–1570 годах русские воеводы в Казани, Лаишеве, Тетюшах и Свияжске получили прямые царские грамоты, запрещавшие строительство новых мусульманских храмов. Археологические слои второй половины XVI века отражают этот период — следы разрушенных оснований мечетей, отсутствие монументального строительства, исчезновение крупных духовных центров. Однако ислам не исчез. В татарских сёлах по Иделю, Каме, Вятке и Шошме сохранились незримые духовные ядра — небольшие общины, которые собирались в домах, амбарах, банях и подвалах, где совершались намазы, читался Коран, проводились свадьбы и погребения по мусульманскому обычаю. Писцовые книги фиксируют формулировки «мулла живёт тайно», «проводит службы в юртовых дворах», «деревня скрывает своих мулл», что показывает степень сопротивления.

Особую роль играли «йомовый муллалар» — мусульманские духовные лица, действовавшие как странствующие наставники. Они посещали сёла, проводили обряды, учили детей чтению арабской письменности, создавали тайные мектебы. Их деятельность крайне опасна — воеводы штрафовали деревни, наказывали старост, иногда ссылали мулл. Но несмотря на угрозы, эти люди стали главными хранителями духовной традиции. Они переписывали Кораны, скрывали книги в сундуках с двойным дном и передавали их следующим поколениям. До нас дошли десятки рукописей XVI — XVII веков из Арского округа, Мамадышских и Чистопольских земель — каждая такая книга стала тихим актом сопротивления.

Вторая важная форма сохранения ислама — женские общины. Когда мужчины уходили в лесные отряды для сопротивления или погибали от военных отрядов Москвы, именно женщины сохраняли чистоту обычаев, передавали молитвы, учили детей основам веры. В русских донесениях встречаются выражения: «бабы их мурзовского племени молятся по-татарски», «женщины хранят книги арапские», это показывало, что женщины не собирались отступать. Их роль в сохранении ислама эпохи XVI — XVII веков недооценена, но именно они стали фундаментом будущего религиозного возрождения XVIII столетия.

Третья форма сопротивления — «яман юл» («плохая дорога») по терминологии московских властей. Это были лесные общины протестного типа — потомки черемисских повстанцев, татарских джузов и беглых крестьян, которые создавали свои скрытые поселения и жили вне контроля государства. У этих групп была собственная религиозная жизнь: лесные мечети, старейшины, общинные обеты. Русские разбойные разрядные книги фиксируют истории об отрядах, нападавших на русские ясачные пункты, но одновременно отмечают их строгую религиозность — люди уходили в глухие земли чтобы жить по своей вере. Именно в этих общинах ислам сохранился чище всего, потому что сюда почти не доходили запреты.

Тем временем ислам продолжал существовать даже в официальных городах — Казани, Лаишеве, Тетюшах — но глубоко подпольно. В Казани по материалам XVII века действовало множество тайных мечетей, размещённых в татарских слободах: в Ново-Татарской, Арской, Эски авыллар, за Кремлёвской горой. Муллы этих общин не имели никакого официального статуса, но переписывали книги, вели родовые записи, совершали обряды, которые городские стрельцы не могли контролировать полностью. Именно в таких подпольных приходах оформились первые династии духовных семей — Бурнаевы, Марджани, Курсави, — которые уже в XVIII — XIX веках станут крупнейшими интеллектуальными центрами исламского мира России.

Ситуация начала меняться лишь к концу XVII века. Не было отдельного царского указа, но под давлением обстоятельств — невозможностью полностью контролировать огромный край и постоянной угрозой волнений — ставленники власти на местах стала фактически закрывать глаза на существование мечетей и мулл в деревенской глубинке. В Казани и других городах запрет оставался жёстким, однако в сёлах по Каме и Закамью власти всё чаще предпочитали не замечать старые молельные дома, предпочитая исправный ясак религиозным чисткам. Это было молчаливым компромиссом, вынужденной уступкой реальности. Стало результатом двух факторов — сильного глухого сопротивления в Закамье и желания властей умиротворить регион. Но фактически ислам к тому моменту уже пережил самое тяжёлое столетие и сохранился благодаря стойкости народа. К концу XVII века постепенно строились мечети, рукописная культура расширялась, татарские купцы становились богаче, а в духовной сфере появились предпосылки для грядущего возрождения XVIII века. Предпосылки для появления кайымов, суфийских наставников и учёных, создавших новую интеллектуальную эпоху татарского народа.

Таким образом, ислам XVI — XVII веков в Поволжье — это не эпоха упадка, а эпоха стойкости. Гонения на ислам того вре-

мени было не историей единого погрома, а длинная, серая полоса повседневного давления. История не костров, а тысячи мелких унижений. Вера не могла существовать открыто, но жила в сердцах, домах, тайных собраниях, в руках странствующих мулл и женщин-хранительниц, в лесных общинах сопротивления, в секретных школах и рукописных книгах. Именно эта скрытая религиозная культура позволила татарскому народу сохранить себя после катастрофы 1552 года.

В конце концов, государству пришлось отступить. Екатерина II вернула мусульманам право строить мечети и открыто исповедовать веру — не от доброты, а потому что иначе край было не удержать.

Имя Сафа и скрытая религиозная жизнь татар XVI — XVII веков

После завоевания Казани мусульманская жизнь татар изменилась глубже, чем это можно увидеть в официальных документах. Мечетей становилось всё меньше, строительство новых почти всегда запрещалось, деятельность мулл ограничивалась, а традиционная система образования постепенно разрушалась. Несмотря на это ислам сохранялся в быту и в деревенской повседневности. Он продолжал жить в домах, в небольших кругах семей, в ночных чтениях, в редких рукописях, которые переходили из рук в руки. Власть фиксировала только часть этих процессов, и поэтому многое дошло до нас случайно и отрывочно.

Историки располагают достаточно надёжными сведениями о том, что районы Арской дороги, Лаишевской и Мамадышской сторон стали одним из главных центров сохранения исламской традиции в XVI — XVII веках. В писцовых книгах этих мест упоминаются земельные споры, в которых татары пытались защитить небольшие участки, бывшие местом для молитв. Официально такие участки часто описывались как территория для собраний старших жителей села или как место, где община решает свои дела. Однако язык документов показывает, что именно там поддерживалась религиозная практика, хотя и без открытых молитвенных зданий. Подобные случаи отражают

стремление татар сохранить привычный духовный уклад даже тогда, когда власти не позволяли проявлять его открыто.

В этот же период ярко выражена рукописная традиция. Исследования сохранившихся книг подтверждают, что в Арском, Лаишевском и соседних районах продолжали переписывать религиозные тексты. Делали это в домашних условиях. Тексты переписывали простые сельские учителя, нередко одни и те же люди обучали детей чтению и письму, следили за обрядами и хранили религиозные книги. На полях многих рукописей встречаются личные записи переписчиков. В этих записях иногда упоминается имя **Сафа**. Имена были распространёнными и сами записи короткими, однако факт их существования подтверждает реальность деревенской письменной культуры, которая смогла пережить период ограничений.

В разрядных и приказных книгах XVI — XVII веков упоминаются фигуры, которых исследователи называют домашними муллами. Это были люди без официального статуса и образования, но исполнявшие обязанности религиозных наставников. Они проводили молитвы в домах, учили детей основам арабской письменности, хранили рукописи и следили за тем, чтобы мусульманская традиция не исчезла. Обычно их деятельность попадала в документы только тогда, когда происходили расследования, жалобы или проверки со стороны власти. Имена таких наставников далеко не всегда фиксировались, однако известно, что многие из них жили именно в больших татарских деревнях Арского и Лаишевского направлений. Имя Сафа встречается среди жителей этих земель, которые участвовали в решении общинных вопросов и подписывали важные документы. Это показывает, что его носители действительно принадлежали к старшим слоям деревни и могли влиять на духовную жизнь.

Сохранились и сведения о лесных общинах татар и марийцев, которые уходили в труднодоступные места, спасаясь от погонь и преследований. В документах о беглых людях XVII века упоминаются старцы и чтецы, находившиеся среди них. Это указывает на наличие религиозной практики даже в условиях коче-

Хранитель веры Сафа (реконструкция)

вой, скрытой жизни. Источники крайне скупы, но они подтверждают существование духовной традиции вне официальных структур. В материалах встречаются обычные татарские имена, среди которых есть и имя Сафа. Подробностей о таких людях мало, однако факт присутствия их имён в описаниях лесных общин вписывает их в общую картину скрытой религиозности той эпохи.

Если рассматривать все эти факты как части одной большой исторической мозаики, становится понятно, что ислам в Поволжье выживал благодаря усилиям множества обычных людей. Их роль редко фиксировалась в официальных документах, и именно поэтому любые имена, встречающиеся в источниках, приоб-

ретают особую ценность. Сафа — одно из таких имён. Оно обнаруживается в документах именно там, где речь идёт о вопросах общинной организации, образования, переписывания текстов и сохранения религиозной жизни. Это позволяет увидеть в нём типичного представителя той среды, которая удержала исламскую традицию в условиях давления.

Нельзя утверждать, что имя Сафа связано с какой-то особой духовной линией или подпольной сетью. Этого не подтверждают источники. Однако установленный историками факт того, что такие люди занимали важное место в общинах, объясняет, почему имя оказывается рядом с ключевыми эпизодами скрытой жизни татарских мусульман XVI — XVII веков. Оно становится частью достоверной картины того времени, когда вера сохранялась не через официальные институты, а через людей, которые жили рядом с другими, учили детей, берегли рукописи, защищали деревенские традиции и помогли исламской культуре Поволжья пережить самые трудные десятилетия своей истории.

Позднейшие фамилии Сафин, Сафаев и Сафи возможно происходят именно от таких людей — хранителей веры, которые не дали исчезнуть исламской традиции Поволжья.

47. ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ГИПОТЕЗА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ФАМИЛИИ САФИН

Фамилия Сафин является одной из наиболее распространённых татарских фамилий в мире, и по ряду оценок в наши дни её носителями являются более 30 000 человек. Она относится к числу татарских родовых фамилий, возникших в начале XVIII века, но имеющих корни, уходящие в XVI — XVII века и даже глубже — в эпоху Волжской Булгарии. Её первооснова — личное мусульманское имя Сафа, происходящее от арабского «ṣafā» — «чистота, ясность, правдивость», которое было широко распространено среди болгар и позднее татар после принятия ислама. Имя Сафа встречается в рукописях и родословных листах ещё X — XI века, затем фиксируется в период Золотой Ор-

ды, а после 1552 года — в русских писцовых книгах Казанского края. Оно часто использовалось как имя почётное, обозначающее внутреннюю чистоту и благочестие, из-за чего появлялось в семьях мулл, старост, зажиточных землевладельцев и мелких мурз. В XVI веке имя Сафа получило широкое распространение. Это имя принадлежало хану Казанского ханства Сафа-Гирею. Кроме того, историки знают о менее известном правителе, хане эпохи Смутного времени Сафа-Гиреи II. В период Смуты и ослабления центральной власти в Москве (1614–1624) некоторые группы местной знати пытались восстановить ханство.

Позднее имя Сафа упоминается у нескольких старост Арской и Казанской дороги и появляется в документах русских воевод среди имен членов татарских общин, назначаемых для сбора ясака.

В XVII веке произошло важное изменение — татары ещё не имели фамилий в современном смысле, но за ними закреплялись устойчивые родовые формулы — «Сафа улы», «Сафай улы», «Сафа йорты», что означает «сын Сафа» или «дом Сафа». Эти формулы передавались из поколения в поколение, превращаясь в названия рода. В официальных документах можно встретить записи вроде «Сафа сын Якуба», «Сафай мурза», «Сафа-Шариф мулла», что свидетельствует о присутствии нескольких реальных носителей имени, живших на территории Арской, Мамадышской, Чистопольской и Цивильской дорог. Именно из этих людей и формируется родовая общность, которая затем, в XVIII веке, получает фамильное оформление. После реформ Петра I и ревизий 1719–1744 годов, когда татарам впервые потребовалось фиксировать «родовые имена» для налогового учёта, возникла необходимость превращать отчества или родовые обозначения в наследуемые фамилии. Государство требовало, чтобы к каждому двору было записано устойчивое семейное имя. В этот период появляются фамилии, производные от личного имени Сафа. Сафин — «сын Сафа», Сафаев — более русифицированный вариант; Сафиев — писарская форма духовного ведомства, а также упомянутая в рукописях форма «Сафин-уллары», что означает «сыно-

вья Сафа». Самые ранние документально зафиксированные представители фамилии относятся к ревизиям Казанской губернии в 1719–1731 годах в Мамадышской дороге упоминается Ахмет Сафин, в Арской волости встречается Габделвахит Сафин, в окрестностях Цивильска — Шакир Сафин. Все они, судя по возрасту и местоположению, происходят из разных ветвей одного древнего рода, восходящего к человеку по имени Сафа, жившему примерно в середине XVI века — в поколении, пережившем падение Казани и последующие войны. В то время именно Арская и Мамадышская стороны были центрами татарской жизни — туда уходили беглецы после взятия Казани, там же фиксируются первые старосты с именем Сафа-мурза. Он может быть вероятным предком фамилии, чьи дети могли получить устойчивое родовое обозначение «Сафа улы», а внуки — «Сафалар», что и стало той основой, которая в XVIII веке превратилась в фамилию Сафин.

В родословной автора зафиксирован прадед по имени Сафа, родившийся в 1858 году. Это свидетельствует о том, что имя, давшее начало фамилии, продолжало использоваться внутри рода и после её официального оформления, что характерно для татарских семей с устойчивой родовой традицией.

Таким образом, генеалогическая гипотеза такова — фамилия Сафин возникла в XVIII веке, но восходит к служилому, духовному или старостинскому роду XVI века. Предки носили имя Сафа, а географически родовая община принадлежала Арской и Мамадышской землям, которые были важными центрами татарской культурной и религиозной жизни. В этих землях сохранялась письменность, исламские традиции, и где семейные группы, пережившие катастрофы 1552 года, вновь формировали родовую ветвь. Научные источники подтверждают, что большинство татарских фамилий такого типа происходят именно от родоначальников XVI века, а закреплены были только в XVIII — XIX вв., что делает гипотезу происхождения фамилии Сафин определенной достоверной и логически выстроенной в рамках этой исторической реконструкции.

48. ТАТАРЫ XVII — XX ВЕКОВ — ОТ НАСЛЕДИЯ БУЛГАРА И КАЗАНСКОГО ХАНСТВА К СОВРЕМЕННОЙ НАЦИИ

После падения Казанского ханства татарский народ вошёл в новую эпоху, в которой государственность была утрачена, но культурная традиция не исчезла, а приняла иные формы, превращаясь из политической в цивилизационную общность. XVII век стал временем, когда татары Идея — потомки булгар, кипчаков, казанских и ногайских родов — были вынуждены одновременно сохранить свою идентичность и приспособиться к меняющемуся миру Московского государства. Жизнь татар в XVII столетии определяется системой ясачных округов, религиозными запретами, переселениями и административным давлением, но именно тогда складывается новая общность: «казанские татары», отличные от сибирских, астраханских и крымских татар. В этот период население сохраняло ислам, несмотря на закрытие мечетей, надзор за муллами, преследование подпольных медресе и конфискацию рукописей. Ислам функционировал в тайных мечетях и домашних «йомовым» кругах, где хранились Коран, тефсиры и богословские сборники, переписываемые вручную. Благодаря усилиям мулл и имамов татарские деревни сохраняли арабскую графику и письменность, а в конце XVII века постепенно начали формироваться новые религиозные центры — Суконда, Арча, Лаишево, Тайсуганово, ставшие первыми центрами будущей сети татарских медресе.

XVIII век принес фундаментальные изменения. После указов Петра I, а затем Екатерины II положение мусульман начинает меняться — сначала медленно, затем стремительнее. В 1740–1760-х годах множество татарских мечетей было разрушено или запрещено, но в 1767–1773 годах политика меняется — Екатерина официально признаёт ислам и разрешает строительство мечетей. В 1788 году учреждается Оренбургское магометанское духовное собрание — первый государственный институт мусульман России, благодаря которому ислам выходит из подполья. Татарская знать, ранее частично насильственно

христианизированная, получает возможность вернуться к исламу, а богатые купеческие фамилии — Юнусовы, Апаковы, Хусаиновы, Галеевы — становятся основой татарской экономической элиты. В XVIII веке татары возрождают не только духовную, но и экономическую жизнь. Они создают торговые слободы, открывают мануфактуры, организуют караванную торговлю с Бухарой и Хивой, становятся посредниками между Средней Азией и Россией. Татарские караваны ходят до Ташкента, Коканда, Кунграда, а через Самару, Саратов и Нижний волжский регион татары поставляют в Поволжье хлопок, шёлк, табак, изделия ремесленников. Татары становятся крупнейшим торговым этносом России XVIII века, и это отражается в документах — в городах появляются татарские кварталы со своими молитвенными домами, школами и ремесленными мастерскими.

XIX век — время интеллектуального возрождения и формирования современного татарского общества. В первой половине столетия татарские медресе становятся центрами образования, где изучают арабский язык, фикх, калам, персидскую литературу и историю. Медресе Казани, Чистополя, Мамадыша, Арска, Елабуги постепенно развивают собственные методики обучения. Во второй половине века в Казани и уездных центрах начинается джадидское движение — реформаторское направление, стремившееся модернизировать исламское образование, заменить заучивание смысловым чтением, включить в обучение светские предметы: математику, географию, физику, медицину. Такие реформаторы, как Шигабутдин Марджани, Хусаин Фаизханов, Каюм Насыри, Галимжан Баруди, становятся ключевыми фигурами татарской интеллектуальной элиты. При них формируются первые национальные исторические концепции, появляются труды по лингвистике, этнографии, истории, а татарская периодическая печать начинает развиваться. В 1860–1890-х годах в Казани активно работал «Казанский университет востоковедения», где трудились Халфин, Катков, Радлов, и где велось научное изучение тюркских языков, что способствовало развитию татарской филологии. Джадидские школы («усул-и джадид») по-

являются не только в Казани, но и в Бухаре, Оренбурге, Уфе, Перми, Троицке, а татарские издатели выпускают тысячи книг арабской графикой — религиозных, научных, художественных. Татарский язык в этот период формируется как единый литературный язык, основанный на казанско-булгарской основе с элементами кыпчакского пласта. Казань становится крупнейшим мусульманским образовательным и издательским центром Российской империи.

XIX век — также время значительных демографических и социальных изменений. После реформ 1861 года татары начинают осваивать новые территории, увеличивать площадь земледелия, активно участвовать в ярмарочной торговле. Они становятся одними из лидеров российской промышленной модернизации на уровне малых производств: кожевенные мастерские, мыловарни, кирпичные заводы, мелкие мануфактуры. Татарские купцы входят в число богатейших людей империи. Параллельно развивается город Казань, становящаяся центром татарской культурной элиты, где возникают литературные салоны, театр, первые гражданские школы. Татарки в конце XIX века получают доступ к образованию, и это становится одной из самых ярких особенностей татарской модернизации.

Начало XX века — период стремительного национального пробуждения. В 1905 году, после революции, татары получают свободу печати и создают десятки газет и журналов: «Нур», «Вақыт», «Йолдыз», «Шура». Они обсуждают реформы школы, общественное устройство, роль ислама в современном обществе. Появляются первые политические организации: «Иттифак аль-муслимин», татарские фракции в Государственной думе, где депутаты от Поволжья (Садри Максуди, Юсуф Акчура, Мулланур Вахитов) выступают за автономию, развитие просвещения, равноправие мусульман. Татарская интеллигенция формулирует программу культурной автономии, а татарские учёные вступают в диалог с европейскими исследователями Востока.. В 1917 году татары становятся одним из наиболее политически активных мусульманских народов России. Создаются Миллет-Мәжлисе, пра-

вительства Мусульманского комитета, обсуждается проект «Идель-Урал штаты». Надежды татарской элиты на широкую автономию так и не были реализованы. Однако именно в эти годы оформилось новое понимание себя как народа. Татары всё яснее осознавали свою связь с Волжской Булгарией и Казанским ханством, одновременно принимая реальность жизни в новом государстве и новых исторических условиях.

В советскую эпоху татары прошли путь непростой и неравной. После революции появилась надежда на культурную автономию, и в 1920 году была создана Татарская АССР. Однако уже в 1930-е годы этот импульс сменился жёсткими ограничениями. Меняется сама основа письменной культуры — арабская графика заменяется латиницей — яналифом, а затем кириллицей. Вместе с этим обрываются привычные связи с прошлым, разрушается значительная часть духовной и образовательной среды.

И всё же культура не исчезает. После войны татары продолжают говорить, писать, ставить спектакли, сочинять музыку. В литературе появляются фигуры, определившие целую эпоху — Муса Джалиль, Амирхан Еники, Гариф Ахунов, Абдулла Алиш. В 1960–1980-е годы формируется новое поколение исследователей, возрождается интерес к болгарскому и казанскому наследию, развивается историческая наука.

К концу XX века начинается массовое религиозное и культурное возрождение. В Татарстане вновь строятся мечети, открываются медресе, возвращается интерес к арабской письменной традиции и собственной истории. В новый век татары входят как сложившаяся национальная общность — с пережитыми утратами, но и с сохранённой памятью, с глубокими корнями в болгарской цивилизации и с собственным, пройденным через испытания историческим путём.

49. ГАБДУЛЛА ТУКАЙ И ЖИВАЯ НИТЬ ПИСЬМЕННОЙ ПАМЯТИ

К концу XIX века татарский народ подошёл к редкому и хрупкому моменту своей истории. За плечами были столетия жизни без собственной государственности, опыт сохранения веры и языка внутри империи, долгая работа ума и духа, проделанная медресе, учёными, торговцами, учителями и реформаторами. Всё это существовало одновременно как живая традиция и как напряжённый внутренний поиск. Татарское общество умело читать, писать, спорить, мыслить. И именно в этот момент появился ясный голос, который сумел сказать главное простыми и точными словами, понятными каждому.

Этим голосом стал Габдулла Тукай.

Когда Тукай начинал писать, за его спиной уже стояла почти тысячелетняя письменная культура. Татарская арабица не была для его поколения архаикой или религиозным пережитком. Это была живая, рабочая система письма. На ней вели деловую переписку, писали школьные тетради, издавали газеты и журналы, печатали поэзию, учебники, публицистику. Человек, владевший этим письмом, мог открыть книгу, написанную несколько веков назад, и без особого труда прочитать её. Прошрое не было отделено от настоящего стеной. Оно находилось рядом, на той же странице.

Татарская арабица складывалась постепенно, начиная ещё с болгарского времени, и окончательно оформилась в XV — XVIII веках. В неё были введены дополнительные знаки и орфографические приёмы, позволявшие передавать тюркские звуки. Это была не копия классического арабского письма, а адаптированная система, приспособленная именно для татарской речи. По меркам своего времени она была современной, гибкой и точной. Именно она сделала татар одним из самых грамотных народов империи.

Тукай вырос внутри этой среды. Он познакомился с арабицей в детстве, в медресе, через книги, которые его окружали.

Для него это был не символ религии и не знак принадлежности к духовному сословию, а естественный алфавит родного языка. Он писал так же, как писали его учителя, как писали поэты XVIII века, как переписывали книги в деревнях и городах Поволжья. В этом не было выбора между старым и новым. Другого письма для татарского языка тогда просто не существовало.

Через арабицу Тукай ощущал прямую связь с предками. Когда он писал стихи, он пользовался тем же письмом, что и авторы богословских трактатов, поэты эпохи Казанского ханства, учёные Золотой Орды. Язык становился проще, ближе к разговорному, но форма письма сохраняла ощущение непрерывности. Слово, записанное арабской вязью, автоматически входило в общее культурное пространство, где рядом существовали Коран, суфийская поэзия, летописи, учебники и современные журнальные статьи.

При этом Тукай писал о своём времени и для своего времени. Его поэзия рождалась в атмосфере газетных споров, общественных дискуссий, национального пробуждения. В его стихах звучат гражданские мотивы, ирония, боль социальной несправедливости. Такие тексты, как «Милләткә», «Китмибез», «Фикер», стали откликом на состояние общества начала XX века. Наряду с этим он создавал произведения, основанные на народной традиции, но переосмысленные по-новому. «Шурале», «Су анасы», «Кәжә белән Сарык» были не просто сказками. Это была попытка показать, что у татар есть собственный мир образов и смыслов, не менее глубокий, чем у любой другой культуры.

Все эти тексты Тукай писал и публиковал на арабской графике. Его стихи выходили в газетах и сборниках именно в том виде, в каком их видел читатель начала XX века. Открывая журнал, человек не ощущал разрыва между поэзией Тукая и всей предыдущей книжной традицией. Новый язык и новые темы существовали в привычной письменной форме. Благодаря этому поэзия Тукая воспринималась как продолжение собственной истории, а не как заимствование или подражание.

Но Тукай был не единственным, кто осознавал ценность этой письменной среды. Рядом с ним и немного позже действовали люди, которые прямо и последовательно защищали арабицу как основу культурной памяти. Одной из ключевых фигур был Ризаэддин Фахреддин — богослов, историк, просветитель, публицист. Для него письмо было не техническим инструментом, а способом связи поколений. Он писал о необходимости сохранять письменную традицию, подчёркивал, что утрата арабицы означает разрыв с собственными источниками, с историей мысли, с корпусом текстов, накопленных веками.

Фахреддин, как и Тукай, писал на языке, обращённом к народу. Его публицистика, исторические труды, стихи и рассуждения о языке были попыткой удержать культуру от распада на «старое» и «новое». Он понимал, что обновление необходимо, но видел опасность в том, чтобы ради скорости и удобства пожертвовать памятью. В этом смысле его позиция дополняет и расширяет значение Тукая. Один говорил через поэзию, другой — через мысль и текст. Оба стояли на стороне непрерывности.

Важно помнить, что Ризаэддин Фахреддин был не только учёным и публицистом. Он тоже писал стихи. Для него поэзия была еще одним способом говорить с народом. Его стихотворение «Туган тел» родилось не как литературный эксперимент, а как простое и ясное высказывание о языке, памяти и принадлежности. Именно поэтому оно так легко вышло за пределы книги. Стих стал песней, а песня — народным гимном, который знали и пели там, где не читали трактатов и не вели споров о реформе письма. Это показательный момент. В татарской традиции поэзия жила не только на страницах, но и в голосе, в коллективной памяти. И Тукай, и Фахреддин существовали внутри одного культурного пространства, где поэзия был формой мышления, а письмо — способом удержать мысль от исчезновения. Зафиксировать её в тексте, передать дальше, дать ей пережить самого автора и дойти до тех, кто придёт после.

Через арабицу Тукай и его современники были связаны не только с книжной культурой, но и с семейной памятью.

В домах хранились старые книги, переписанные от руки, принадлежавшие дедам и прадедам. Когда читали стихи Тукая, напечатанные тем же шрифтом, их воспринимали как продолжение собственной истории. В этом заключалась особая сила его поэзии. Она говорила современным языком, но в привычной форме.

Поэтому Тукай оказался одним из последних великих татарских поэтов, для которых арабская графика была естественной и не требующей объяснений. Он прожил всего двадцать шесть лет. Его смерть в 1913 году стала личной утратой для всего народа. Уже через полтора десятилетия начнётся смена алфавитов, и эта связь поколений будет резко оборвана. Новые поколения больше не смогут без подготовки читать тексты, на которых выросли Тукай и Фахреддин. Стихи будут перепечатаны, но среда, в которой они родились, исчезнет.

В этом смысле фигура Тукая стоит на границе эпох. Он не одинок, но он самый яркий. Его творчество завершает тысячелетний период татарской письменной культуры, когда один и тот же алфавит связывал разные века, города и поколения. Понять Тукая — значит увидеть, каким был татарский язык и татарская мысль в момент, когда связь с предками ещё оставалась живой и осязаемой, когда слово, написанное сегодня, не отрывалось от слов, написанных много столетий назад.

Именно поэтому после разговора о Тукае неизбежно встаёт вопрос о судьбе татарского письма в XX веке. Смена алфавитов стала не просто реформой, а глубинным разрывом письменной памяти. Чтобы понять масштаб этой перемены, необходимо отдельно говорить о пути татарской письменности — от болгарской арабицы к латинице и кириллице, и о том, что было приобретено и что оказалось утрачено навсегда.

50. ИСКЕ ИМЛЯ. ПИСЬМЕННОСТЬ ТАТАРСКОГО МИРА

Человек, впервые открывавший старую татарскую книгу, сразу чувствовал, что здесь всё устроено иначе. Она раскрывалась с той стороны, которую сегодня мы назвали бы задней обложкой. Переплёт находился справа, и книгу естественным образом было удобно открывать правой рукой. Это соответствовало привычному укладу жизни, в котором правая сторона считалась главной. Правой рукой ели, здоровались, передавали важное, прикасались к священному. Левая оставалась рукой повседневных дел — работы, хозяйства, заботы о теле. Всё, что требовало чистоты, внимания и уважения, связывалось с правой рукой. Поэтому и книга, как предмет знания, была ориентирована именно под неё.

Строка начиналась у правого края страницы и тянулась влево. Глаз следовал за строкой, рука — за движением глаза. Чтение постепенно выстраивало устойчивый ритм. Правая рука перелистывала страницы, левая поддерживала книгу. Лист переворачивался одним и тем же привычным жестом, который со временем переставал замечаться.

Так формировалась особая моторика чтения. В работу были вовлечены не только глаза и мысль, но и мышцы кисти, предплечья, плеча. Направление движения оставалось неизменным, и тело запоминало его. Эта память складывалась не из правил, а из повторения. Ребёнок, учившийся читать, не заучивал направление строки — он вращал в него. Чтение становилось телесным навыком, частью общей координации движений.

Поэтому письменность была не просто набором знаков. Она задавала целую систему жестов. Она определяла, как держать книгу, как её открывать, как перелистывать страницы, как двигаться по строке. Эти движения повторялись изо дня в день, из поколения в поколение, на протяжении многих веков.

Насильственный переход от арабицы к латинице, а затем к кириллице изменил не только алфавит. Он изменил сам способ

чтения. Книгу нужно было открывать с другой стороны. Строка начиналась там, где раньше заканчивалась. Рука делала непривычные движения, глаз шёл в противоположном направлении. То, что прежде происходило автоматически, теперь требовало постоянного контроля.

Это было не просто переобучение. Это было вмешательство в сложившуюся моторику, в память тела, в те навыки, которые формируются медленно и плохо поддаются быстрой перестройке. Человека учили читать иначе не только умом, но и телом. И тело сопротивлялось.

Поэтому смена письменности стала для многих болезненным опытом. Она затронула не только культуру текста, но и саму физиологию чтения. Изменился жест, изменилось движение, изменился ритм. А там, где ломается привычный телесный ритм, всегда появляется чувство утраты, даже если его невозможно сразу выразить словами.

Тогда исчезло не просто письмо. Исчезла целая система телесной памяти, в которой слово, рука и взгляд долгие века были связаны в одно целое.

Для татарского мира письмо было не просто способом записи речи. Оно было способом видеть язык. И до XX века этот способ был связан с арабской графикой, но в особой, переработанной форме, известной под названием *иске имля* — старое письмо.

Подлинная особенность этого письма проявлялась не столько в алфавите, сколько в том, как именно выглядело слово. В классическом арабском письме буквы живут сложной жизнью: одна и та же буква имеет разные начертания в начале, середине и конце слова. При этом некоторые знаки принципиально не соединяются с последующими, из-за чего слово может визуально распадаться на фрагменты. Для арабского языка это естественно и не мешает чтению. Для тюркского языка такая разорванность была неудобна.

Татарская арабица пошла другим путём. Почти все буквы в слове стремились соединяться друг с другом. Слово писалось

как единая линия, как непрерывное движение руки. По своему визуальному ощущению это было ближе к тому, как мы сегодня пишем от руки кириллицей или латиницей, чем к классическому арабскому письму.

Это особенно хорошо видно на примере слова «татар». Письмо начиналось справа. Сначала наносился знак для согласного «т», затем к нему сразу присоединялся знак, передающий гласный «а». После этого следовал второй согласный «т», а в конце — знак для «р». В результате возникала цельная графема, которая читалась справа налево как «та-а-та-р». Это было не сочетание отдельных знаков, а одно связное, непрерывное слово.

Буквы буквально держались друг за друга. Слово вытягивалось в одну плавную линию и читалось без необходимости угадывать или восстанавливать пропущенные элементы.

Важно и то, что татарский алфавит не ограничивался базовым арабским набором. Язык требовал передачи собственных звуков, отсутствующих в арабском. Для этого были введены дополнительные буквы: отдельные знаки для согласных «п», «ч», «ж», носового «ң», а также для звука «в». Благодаря этому письмо точно отражало живую фонетику языка. Так, слова «чәч» (волосы) и «җан» (душа) передавались однозначно, без двусмысленности и потери звукового состава.

Особенно принципиальным был вопрос гласных. В арабской письменной традиции гласные часто опускаются и восстанавливаются по смыслу. Для татарского языка такой подход был неприемлем: гласные играют смыслообразительную роль. Поэтому в иске имля они, как правило, обозначались явно — с помощью букв и обязательных огласовок. Слово фиксировалось полностью, без недосказанности.

Это делало татарское письмо удивительно точным. Там, где арабское слово без огласовок могло читаться по-разному, татарская запись допускала только одно прочтение. Его не нужно было угадывать — его нужно было просто прочесть.

Арабская графема	Татарское слово	Краткое пояснение
طططر	татар	Слово записано как единая непрерывная графема без разрыва между буквами.
چچ	чэч (волосы)	Буква для звука «ч» и огласовки для точной передачи гласных.
جان	жан (душа)	Звук «ж» передаётся модифицированной буквой.
بال	бал (мёд)	Гласный обозначен явно, чтение однозначное.
طقق	таң (утро, рассвет)	Носовой звук «ч» передаётся отдельной буквой.
كېشە	кеше (человек)	Слово с несколькими гласными, полностью зафиксированным в письме.

Примеры написания слов в татарской арабской графике

Визуально эта письменность выглядела плотной и текучей. Строка не дробилась. Глаз не перескакивал от буквы к букве, а следовал за линией. Возможно, поэтому чтение старых текстов требует замедления. Они словно просят не спешить.

Иске имля служила татарам почти тысячу лет. С X века и до 1927 года на ней писали всё. Хроники, письма, учебники, богословские труды, стихи, деловые документы. На ней существовала наука, поэзия, право. Это была не вспомогательная система, а полноценная письменная культура.

Когда иске имля была вытеснена новой письменной нормой, исчезло не просто письмо. Исчез навык чтения огромного массива текстов. Книги и рукописи остались физически, но оказались за порогом понимания для новых поколений. Письмо, которое веками было живым, стало выглядеть как что-то чужое.

И всё же оно не ушло полностью. Оно осталось в религиозной практике, в архивах, в старых надгробиях, в семейных библиотеках. Умение читать иске имля и сегодня остаётся ключом. К языку, который когда-то мыслил себя непрерывной линией. К памяти, которая не дробилась на эпохи, а текла, как строка — справа налево.

Татарская арабица была не просто алфавитом. Это был способ удерживать слово целиком. И, возможно, именно поэтому разговор о языке так неизбежно приводит к разговору о письме. Потому что язык живёт не только в звуке, но и в том, как он оставляет след на бумаге.

51. ЯЗЫК И ПИСЬМЕННОСТЬ ТАТАР — ОТ БУЛГАРСКОЙ АРАБИЦЫ ДО ЛАТИНИЦЫ И КИРИЛЛИЦЫ

Татарский язык сформировался на пересечении болгарского наследия и кипчакской степной речи. Он был не просто способом говорить друг с другом, а средой, где жила память народа, его знания и его представления о мире. На протяжении многих веков этот язык поддерживал собственную письменную традицию, развивал науку, богословие и художественное слово.

Когда в 922 году в Волжской Булгарии утвердился ислам, вместе с ним пришёл арабский алфавит. Это событие стало поворотным в жизни народа. Арабская графика, дополненная местными знаками и привычками письма, постепенно превратилась в основу болгарской, а позже и татарской книжной культуры. Она служила людям почти тысячу лет и стала частью их внутреннего мира так же прочно, как и сам язык.

В арабской графике сочинялись законы, велось государственное делопроизводство, создавались летописи, поэзия, религиозные трактаты и научные сочинения. На протяжении X — XIII веков Идель оставался одним из крупнейших центров исламской письменности северного мира — рукописи переписывались в Булгаре, Биляре, Суваре, Джукетауе, а позднее в городах Золотой Орды — Сарае, Мохше, Казани. Татарский язык формировался постепенно: болгаро-огурская основа, соединённая с кипчакским надслоем, создала раннетатарскую норму, засвидетельствованную в ордынских юридических документах XIV века, в письмах и фирманах правителей, в сочинениях по суфизму и богословию. Арабская графика, адаптированная

для передачи специфических тюркских звуков, развивалась в уникальный северный вариант, отличающийся от кавказских и среднеазиатских, и именно этот письменный стандарт стал основой татарской образованности вплоть до 1927 года.

Арабская графика татарского языка просуществовала примерно 1000 лет.

Особенно важным является тот факт, что в средневековой болгарско-татарской цивилизации существовала ядро собственных научных текстов, которые долгое время оставались малоизвестными широкой публике, а после перехода на латиницу, а затем кириллицу видимо были сознательно вытеснены из памяти народа. Среди них — астрономические трактаты, медицинские руководства, философские сочинения, юридические своды, богословские и исторические хроники. Одним из ранних болгарских текстов, дошедших до XIX века в виде поздних копий, является «Китаб ат-Табарси», содержащий трактовки знамений и лунных фаз, сведения об астрономии и календарных циклах. Известны болгарские списки «Китаб аль-Булгар» — сборников практической медицины, включающих рецепты на основе трав, минералов и методов восточной медицины. В Золотой Орде в XIV веке создавались тексты по праву и философии — «Бакырган китабы» Хаккъ Тура, суфийские поэтические сборники, части которых сохранились в Казанских и Пензенских собраниях. В Казани XV — XVI веков работали книжные мастерские, оставившие рукописи Мухаммадьяра — поэзии, включающей богословские, исторические и философские мотивы. В XVIII веке на татарских землях продолжали жить рукописи. Их переписывали в медресе, в домах учёных и просто в семьях, где берегли книги как наследие предков. Рождались новые труды. Среди них были «Нурул-хадият», «Рисалят аль-ахкам», «Маджму аль-фатхуа», пособия по грамматике и логике, а также врачебные книги вроде «Табибнаме». Всё это свидетельствовало о том, что волжские болгары и татары почти тысячу лет дышали одним воздухом с исламским миром знания, что они были не на окраине, а в живом круге учёности. Этот пласт культуры огромен, но се-

годня он знаком лишь немногим. Причина кроется в том, что в XX веке по нему словно прошли тяжелым железом и резко оборвали нить, соединявшую поколения.

Когда в 1927 году ввели латиницу, произошло не только изменение алфавита. Люди потеряли привычную письменность, с которой росли целые роды. Советская власть видела в арабской графике ненужную связь с исламом и с прошлым, которое она считала опасным. Латинский «яналиф» подавался как шаг в будущее, однако его появление будто одним движением отодвинуло миллионы людей от собственной письменной истории. Старшие не могли читать новое письмо, младшие не понимали старого. Прямой и надежный мост между веками стал шатким. Латиница за двенадцать лет подточила основы традиционной учёности, ведь арабица связывала людей с Булгаром и Казанью и давала им ощущение длинной и непрерывной дороги предков.

В 1939 году удар оказался ещё сильнее — ввели кириллицу. Кириллицу ввели приказом сверху и без обсуждений. Эта перемена окончательно закрыла доступ к прежним рукописям и разделила культуру на «до» и «после». Люди оказались в новом письме, но без ключа к старому. Тысячи книг стали немymi, потому что их могли прочесть лишь те, кто специально учился этому. Кириллица подвела татар к полю русификации и резко сузила общение с тюркским миром. Самое болезненное заключалось в том, что старики и молодежь вдруг перестали понимать друг друга не только в словах, но и в письменном наследии. Огромные собрания рукописей оказались в архивах или на полках у сельских мулл. Там они наверное и сейчас лежат тихо и печально, словно закрытые сундуки памяти, к которым утратили ключ.

Так исчезла из повседневной жизни большая часть научной, медицинской и философской традиции, созданной булгарами и татарами. Она не погибла совсем, но стала далёкой. Она ждет тех, кто снова откроет книги и вернёт голос тем, кто писал их сотни лет назад.

До этих событий татарский язык развивался как литературный и научный язык. В XVII — XVIII веках татары создавали обширное corpus богословских и юридических сочинений; в XVIII — XIX веках в Казани, Чистополе, Троицке, Оренбурге работали медресе, где татарский функционировал как язык комментариев к арабским текстам, как язык проповедей и научного общения. В XIX веке татары стали одним из самых грамотных народов Российской империи. По данным статистики Казанского учебного округа, уровень письменности среди татар-мужчин был выше, чем у русских крестьян, именно благодаря системе медресе и арабскому письму. В начале XX века татарский язык достиг высочайшего уровня развития. Он имел богатую лексику, мощную религиозную и философскую литературу, критическую журналистику, учебники по математике, логике, медицине, истории. Джадиды, участники интеллектуального реформаторского движения среди тюрко-мусульманских народов Российской империи, создали динамичную книжную культуру. Именно эти произведения стали последними крупными текстами на арабике, прежде чем советская власть разрушила письменную традицию.

История нашего татарского языка — это история народа, который смог сохранить свою идентичность через смену империй, религиозные ограничения, разрушение письменности и политические реформы. Арабская графика была его золотым тысячелетием — именно благодаря ей сохранились тексты болгарских и ордынских учёных, поэтов, медиков, астрономов, логиков. Переход на латиницу, а затем на кириллицу был не просто техническим изменением — это было вмешательство в культурную память народа.

Тысячи выпускников медресе, блестяще образованных людей, свободно читавших философские трактаты и поэзию на языке тысячелетней письменной культуры, в протоколах советских переписей аккуратно заносились в графу «неграмотные».

В этой одной строчке бюрократического акта — вся суть катастрофы. Государство, сменившее алфавит, объявило недей-

ствительным всё интеллектуальное богатство, весь духовный опыт, накопленный предыдущими поколениями.

Изящная арабская вязь на полях старинных рукописей, которую они читали с лёгкостью, стала для новой власти тайнописью, подлежащей не прочтению, а уничтожению.

Целый слой нации, её естественная интеллигенция, в одночасье была превращена из просвещённого сословия в сообщество «неграмотных», насильственно оторванных от корней собственной цивилизации.

Для автора эта история не является отвлечённым примером из прошлого, она связана с судьбой собственной семьи. Бабушка автора Васфиджамал Кулеева (Алтынбаева) окончила медресе, свободно читала на арабской графике, уверенно разбирала религиозные и поэтические тексты, выросшие из тысячелетней письменной традиции. Русским языком она владела слабо, писать на кириллице не умела, и именно поэтому при советской переписи населения была записана как неграмотная. В этом определении не было правды о её реальных знаниях, но в нём точно отразилась эпоха, когда всё, что не укладывалось в новые языковые и культурные рамки, объявлялось несуществующим. Даже в преклонном возрасте она по памяти рассказывала своему внуку татарские стихи, выученные ещё в годы учёбы в медресе, и в этих строках продолжала жить та самая культура, которую официальная статистика когда-то вычеркнула одним словом.

Насильственная смена алфавитов в XX веке нанесла татарской культуре рану, последствия которой не исцелены до сих пор. Это был не просто разрыв с прошлым — это было культурное расчленение, преднамеренно отделившее народ от корней его тысячелетней письменной традиции. Целое поколение оказалось в ситуации лингвистического раскола — дети, учившиеся на кириллице, уже не могли прочитать письма своих дедов, написанные на латинице, а наследие всех предыдущих веков, запечатленное в арабице, и вовсе превратилось в запечатанный архив, доступный лишь узкому кругу специалистов. Была

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ СХЕМА РАЗВИТИЯ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

подорвана сама основа культуры — уникальная система знания, выстроенная веками. Язык смог выжить, но его историко-культурный контекст был жестоко обеднён, а связь времён — разорвана. Это наследие отчуждения и забвения стало самой тяжёлой платой за выживание в эпоху тоталитаризма.

Поэтому сегодня важно не ограничиваться памятью о том, что было утрачено, а задуматься о том, что ещё можно вернуть. Татарский язык сохранился не благодаря реформам и указам, а потому что его берегли в семье, в живой речи, в привычке ду-

мать и чувствовать на нём. Теперь эта ответственность постепенно переходит к новым поколениям. Вернуть забытые рукописи к жизни, научиться снова их читать, услышать голоса тех, кто писал столетия назад, — значит восстановить не абстрактную историю, а собственные корни. От того, будет ли эта работа продолжена, зависит не только знание прошлого, но и то, каким станет татарский язык и культура в будущем. Умение читать старые тексты, интерес к рукописям, желание понять, как жили и думали люди до нас, — это не занятие для узкого круга специалистов, а способ восстановить связь, без которой культура начинает жить лишь фрагментами. Если эта связь будет вновь осознана и принята, татарский язык останется не только средством общения, но и пространством памяти, где прошлое и будущее продолжают говорить друг с другом.

52. ЯЗЫК БЕЗ УНИВЕРСИТЕТА. ТАТАРСКАЯ НАУКА НА РУБЕЖЕ ЭПОХ

Когда сегодня говорят о науке, почти автоматически имеют в виду университеты. Каменные корпуса, кафедры, дипломы, учёные советы. Кажется, будто без этого наука невозможна. Но для народов Иделя всё началось задолго до того, как слово «университет» вообще появилось. Началось в тот момент, когда мысль перестала быть только устной и стала оставлять след.

Раннетюркский мир не был миром дикости и хаоса, как его иногда представляют. Уже в эпоху Кубрата, Котрага и их потомков существовало понимание, что знание нужно фиксировать. Рунические надписи были не украшением и не примитивным знаком. Это был способ закрепить договор, память, право, принадлежность, власть. Мир науки ещё не делился на физику и философию, но в нём уже жило ощущение, что порядок можно описывать, сохранять и передавать дальше.

С образованием Волжской Булгарии этот процесс выходит на другой уровень. Принятие ислама в X веке часто описывают как религиозный акт, но по сути это был интеллектуальный вы-

бор. Вместе с исламом приходит арабская письменность, а вместе с ней открывается доступ к огромному пространству науки. Булгарские города оказываются включены в общий культурный мир от Багдада до Самарканда. Здесь читают и переписывают книги, изучают право и медицину, астрономию и математику, историю и философию. Учёные писали на арабском языке не потому, что забыли свой, а потому, что именно так в то время существовала наука. Содержание этих текстов рождалось на Иделе, но язык был универсальным. Это был настоящий расцвет, когда знание не просто заимствовали, а делали своим.

Монгольское завоевание не уничтожило эту традицию сразу. В первые десятилетия Золотая Орда унаследовала болгарский интеллектуальный слой и использовала его. Орда вообще была сложнее, чем принято думать. Но со временем приоритеты сместились. Государству были важнее налоги, управление, военная сила. Наука не исчезла, но перестала быть центром. Она ушла в медресе, в частные библиотеки, в среду духовенства. Это был не обрыв, а медленное сжатие пространства знания. Оно продолжало жить, но уже без прежнего размаха.

Казанское ханство стало попыткой вернуть знанию государственное измерение. Здесь снова строят медресе, развивается книжная культура, формируется правовая мысль. Но история не дала этому времени. Захват Казани в 1552 году стал для татарской науки не просто трагедией памяти, а ударом по самой системе. Были уничтожены центры образования, исчезли библиотеки, оборвалась преемственность. Знание снова оказалось вытесненным в частную сферу. Оно выживало, но уже не могло развиваться как единое целое.

В последующие столетия татарская учёность сохранялась в богословии, в переписывании книг, в родовой памяти. Это было упорное, но ограниченное существование. Государственной поддержки не было, пространства для роста тоже. И только в XIX веке начинается новое движение. Татарская наука выходит из тени через медресе, книгоиздание, переводческую работу, первые исследования по истории, языку, этнографии. Появляются мыслите-

ли, которые пытаются соединить традиционное богословие с вызовами времени. Формируется терминология, пишутся учебники, идут споры о будущем образования. Это движение идёт снизу, без опоры на государство, за счёт личной инициативы и поддержки общества.

Советская эпоха перевернула всё. Религиозные институты уничтожаются, старая система образования стирается. Но одновременно открывается доступ к светской науке, университетам, академическим институтам. В XX веке появляется целое поколение татарских учёных. Историки, лингвисты, физики, математики, инженеры, медики. Татарская наука становится частью общесоюзной и мировой науки.

В негуманитарных областях появляются имена, известные далеко за пределами страны. В физике и космических исследованиях это Роальд Сагдеев. В микроэлектронике и физике твёрдого тела Камиль Валиев. В механике и гидродинамике Роберт Нигматулин. В химии Ренад Сагдеев. В геохимии и исследованиях происхождения вещества планет Эрик Галимов. В медицине Ренат Акчурин. Эти люди работали на самом переднем крае науки, создавали школы, направления, институты.

И именно здесь для татар обнаруживается заметный пробел, который трудно не заметить.

Почти вся их профессиональная мысль формировалась не на родном языке. Не потому, что татарский язык был беден или неспособен. А потому, что не существовало университета, где он мог бы быть языком физики, химии, инженерии, медицины. Наука развивалась, но язык в неё не был встроен. Постепенно татарский язык перестал быть языком научного поиска и профессионального образования. Он остался языком культуры, быта, гуманитарной сферы. Это не было запретом. Это было вытеснение через отсутствие.

К концу XX века это противоречие стало очевидным. Народ с тысячелетней письменной и научной традицией оказался без собственного университета, где родной язык был бы языком высшего знания. Поэтому события 1990-х годов воспринимались

не только как политические изменения, но и как редкий шанс замкнуть длинную историческую дугу, начатую ещё в болгарские времена.

Суверенитет республики, собственная конституция, договорные отношения с федеральным центром создавали ощущение, что утраченные звенья можно восстановить. Идея национально-го университета тогда не выглядела фантазией. Она воспринималась как естественный итог всей этой истории. Университет виделся пространством, где татарский язык снова станет языком мышления, анализа, профессионального знания.

В 1990-е годы были сделаны реальные шаги. Появлялись учебники и методические пособия на татарском языке по экономике, технике, управлению. Создавались образовательные структуры, которые рассматривались как фундамент будущего университета. В этой работе участвовали десятки людей. Преподаватели, методисты, организаторы образования. Среди них была и Фәрзәнә Кулеева, работавшая вместе с коллегами над созданием материалов для высшей школы. Для меня важно сказать, что речь идёт о моей маме. Поэтому эта тема здесь не отвлечённая, а прожитая.

Вместе с Рафкатом Рахматуллиным она участвовала в подготовке учебников и учебно-методических пособий по техническим и экономическим дисциплинам на татарском языке. Это был принципиально важный шаг, поскольку именно отсутствие терминологической базы и учебной литературы часто называли главным препятствием для обучения на национальном языке. Эти работы показывали, что проблема не в языке, а в наличии институциональной поддержки, который дал бы этому языку пространство.

Была создана структура, задуманная как национальный университет, с факультетами и преподавателями. Университет фактически начал работу — в нём действовали шесть факультетов, велось обучение на татарском языке, формировались учебные программы. Однако лицензия на обучение от Министерства образования Республики Татарстан так и не была выдана.

Важно подчеркнуть, что все эти люди действовали не в формате протеста и не в логике противостояния. Их деятельность была направлена на созидание и постепенное расширение пространства татарского языка в образовании. Потому что без высшей школы язык неизбежно сужается. Он остаётся в семье и школе, но уходит из науки, управления, экономики.

Но история снова повернулась иначе. Высшее образование стало укрупняться, интегрироваться, стандартизироваться. Идея национального университета не была запрещена. Она просто растворилась в логике больших структур. Татарский язык остался в отдельных курсах и кафедрах, но так и не стал основой университетского знания.

Это можно рассматривать как паузу, а можно — как регресс. История знает и то и другое. Но ясно одно. Когда язык теряет университет, он теряет будущее в науке. А когда общество теряет многоязычную науку, оно беднеет само. Не сразу, не заметно, но неизбежно.

Общество, в котором меньше языков способных мыслить на уровне науки и образования, становится менее гибким и менее устойчивым.

История от рунического письма и болгарских учёных до несостоявшегося национального университета — это не прямая линия прогресса. Это волнообразное движение, где подъёмы сменяются откатами. И вопрос, который остаётся открытым, звучит просто. Был ли конец XX века вершиной этой эволюции, которую не успели закрепить, или лишь очередной остановкой перед новым витком. Ответ на него зависит не от прошлого, а от того, какое место знанию и языку будет отведено в будущем.

53. МОНГОЛЫ И ТАТАРЫ

Как придумали «татаро-монголов» и почему это удобно до сих пор.

Начать стоит с вещи неожиданной, но показательной. С русского мата. Потому что всякий раз, когда заходит разговор о грубости, жестокости или «низкой культуре», кто-нибудь обязательно скажет, что это у нас от татар. Или от монголов. Или вообще от Орды, как от общего источника всего неприятного. И мат, мол, тоже оттуда. Пришли кочевники, принесли кровь, огонь и грязные слова, а мы потом веками расхлёбывали.

Проблема только в том, что лингвистика с этим не согласна. Совсем. Все основные корни русского мата — древние, индоевропейские, праславянские. Им тысячи лет. Они прекрасно жили в языке задолго до XIII века, задолго до Орды, задолго до первых встреч с татарами. Их родственники есть в польском, чешском, сербском, болгарском, литовском, даже в санскрите находятся дальние отзвуки. Это не заимствование. Это их родное, доморощенное, выросшее в той же почве, что и всё остальное.

Но миф живёт. И живёт он не потому, что кто-то плохо учил языкознание. А потому, что он очень удобен. Если слово грубое, значит чужое. Если явление неприятное, значит принесённое. Если стыдно за себя, всегда приятно сказать, что это не мы такие, это нам занесли.

С этого мифа и начинается длинная дорога, по которой слово «татары» шаг за шагом превращалось в универсальное объяснение всего плохого.

К этому образу добавлялась ещё одна, вроде бы мелкая, но очень цепкая деталь — речь. Татарина, говорящего по-русски с акцентом, часто воспринимали как человека второго сорта. Смешной для чужого уха выговор, непривычная интонация, неверное ударение превращались не просто в особенность языка, а в повод для снисходительной усмешки. Акцент легко становился маркером «отсталости», даже если за ним стоял ум, труд и желание учиться. Это чувствовали на себе тысячи татарских детей, которые входили в русский язык не как в родную среду, а как в чужой дом, осторожно, слово за словом.

Это знание не пришло из книг. В раннем детстве, осваивая новый для себя русский язык, я быстро понял, что ошибка в сло-

ве или интонации может сделать тебя не просто «другим», а «хуже». И фраза, однажды сказанная позже в Казани лучшим русским другом детства — «ты хороший пацан, хоть и татарин», — запомнилась на всю жизнь. Запомнилась не потому, что в ней было зло, а потому, что неожиданно пришло понимание как всё на самом деле устроено. Хороший — несмотря. Свой — с оговоркой. Так незаметно большой исторический миф о «татаро-монгольской дикости» продолжал работать в повседневной речи, в шутках, в интонациях, передаваясь не через учебники, а через детский двор и школьный класс.

В XIII веке, когда войска Чингисхана и его наследников вышли к границам Восточной Европы, они не называли себя татарами. Они называли себя монголами. Более того, татары для них были конкретным племенным союзом, с которым они воевали и который в значительной степени разгромили. В китайских и ранних степных источниках татары — это отдельное имя, не общее.

Но европейский и ближневосточный мир устроен проще. Там не вникают в тонкости степной этнографии. Там называют всех по первому знакомому слову. Так в латинских хрониках появляются «татары», так же их называют арабские авторы, так же слово попадает и в русские летописи. Оно становится не названием народа, а ярлыком. Обозначением угрозы с востока.

Монголы ушли. Империя распалась. Золотая Орда стала тюркской по языку, мусульманской по вере и сложной по устройству. На её обломках возникли ханства, в том числе Казанское. И вот здесь происходит ключевой, но редко проговариваемый момент.

Образ XIII века переносят на XVI.

То, что когда-то относилось к монгольским завоевателям эпохи Чингисхана, аккуратно, без лишних размышлений, прикладывают к казанским татарам. Не разбирая. Не уточняя. Просто потому, что слово уже есть, и оно удобно. Татарин становится наследником «татаро-монгола» автоматически, по имени, а не по истории.

Так работает миф. Он не требует доказательств, он требует повторения.

Когда Московское государство начинало борьбу за Поволжье, ему был нужен не просто противник, но и образ. Не сосед, не равный, не другая цивилизация, а враг из прошлого, продолжение старого ужаса. И казанские татары идеально подходили на эту роль. Они мусульмане, они говорили на другом языке, у них была иная традиция власти. А главное — их можно связать с тем самым нашествием, которое веками объясняло русскую беду.

Так рождалась странная историческая конструкция. Монголы XIII века исчезают как реальный народ и превращаются в тень. Татары XVI века получают в наследство чужую жестокость, чужие походы и чужую вину. Между ними — триста лет истории, смена языков, веры, уклада, но это уже никого не интересует. Миф не любит промежутков.

Термин «татаро-монголы» окончательно закрепился уже в новой, книжной истории XVIII — XIX веков. В эпоху, когда историю начали писать не летописцы, а учёные и чиновники. Им был нужен удобный язык. Им была нужна чёткая схема. И они получили её. Есть Русь. Есть Восток. Есть иго. Есть освобождение. Всё сложилось красиво и понятно.

Цена этой красоты — искажение.

Потому что под этим словом исчезают реальные монголы с их системой, законами и организацией. Исчезает Золотая Орда как сложное государство. Исчезают татары как народ, прошедший через Орду, ислам, городскую культуру, письменность и собственную историю. Остаётся только карикатура, которую можно приклеить к любому неудобному соседу.

Со временем эта карикатура начинает жить своей жизнью. В ней объясняют жестокость, объясняют деспотизм, объясняют бедность, объясняют мат. Всё сходится в одну точку. Татаро-монголы. Удобное слово, которое вроде бы всё объясняет и ничего не требует взамен.

Современная наука давно разобрала эту конструкцию по винтикам. Историки показали, что Орда была многоэтничной,

управляемой, письменной и встроенной в мировую торговлю. Лингвисты показали, что язык живёт по своим законам и не заимствует мат по приказу завоевателей. Археология показала, что города Поволжья и Руси после нашествия не провалились в дикость, а продолжили развиваться, меняясь, но не исчезая.

Но миф живёт дольше фактов. Потому что факты требуют усилия, а миф даёт облегчение.

Именно поэтому сегодня так важно возвращать словам их реальный смысл. Не для того, чтобы кого-то оправдать или обвинить, а чтобы наконец перестать путать разные эпохи, разные народы и разные истории. Монголы XIII века были одними. Татары Золотой Орды — другими. Казанские татары XVI века — третьими. Связывать их в одну фигуру — значит не понимать ни одного из этих миров.

История сложнее. Но в этой сложности она честнее. А честность — редкая, но очень полезная вещь, особенно когда речь идёт о памяти, которая слишком долго жила чужими словами.

54. ОТ МИФА — К СТАТИСТИКЕ

Миф о «татаро-монгольской жестокости» удобно работает, пока речь идёт о далёком прошлом. Он позволяет объяснять грубость, насилие и несправедливость как нечто занесённое извне, чужое, восточное, степное. Пока перед глазами стоят смутные всадники XIII века, этот образ кажется почти безобидным. Он живёт в учебниках, в бытовых разговорах, в шутках и присказках, не задевая конкретных лиц. Но как только взгляд сдвигается на XX век, на конкретные имена, даты и семьи, миф перестаёт помогать. Он просто рассыпается, потому что больше некого обвинять абстрактно.

В 1930–1950-е годы «татарами» были не фигуры из летописей и не тени из исторических схем. Это были живые люди, со своими домами, огородами, книгами, молитвами, привычками и страхами. Крестьяне, вставшие до рассвета, чтобы идти в поле. Учителя, обучавшие детей грамоте. Ремесленники, дер-

жавшие в руках инструмент, переданный от отца к сыну. Солдаты, вернувшиеся с войны и не всегда понимающие, в какую страну они вернулись. Отцы и деды, чьи имена ещё помнили соседи. Именно они стали одной из заметных, но редко проговариваемых групп жертв репрессий того времени.

Когда говорят о репрессиях, почти всегда возникает желание, особенно у тех, кто не был близок к этому времени, назвать точную цифру, поставить точку и закрыть тему. Но в случае с татарами это невозможно, и не потому, что кто-то что-то скрывает намеренно, а потому что сама система учёта была устроена иначе. Отчётность фиксировала не людей, а категории. Аресты, приговоры, сроки, этапы. Территории, статьи, лагеря. Национальность появлялась в документах не всегда и не везде, а иногда исчезала вовсе, растворяясь в сухих формулировках.

Поэтому с самого начала важно не переступать границу возможного и не ждать от истории того, чего она не могла сохранить. Единой официальной цифры «всех репрессированных татар» не существует. Репрессии считались по видам наказаний, по регионам, по ведомствам. Тем не менее, некоторые массивы данных сохранились достаточно хорошо, чтобы дать представление о масштабе, пусть и неполное.

Даже те немногие сводные таблицы карательных органов, в которых национальность всё же указывалась, дают лишь осторожное представление о происходившем. Это не итог и не счёт за десятилетия, а всего лишь редкие остановки взгляда, зафиксированные на бумаге. Так, в справке НКВД о составе лагерей на 1 января 1939 года значится чуть более двадцати четырёх тысяч человек, записанных как татары. Через несколько лет, уже на фоне войны и ужесточившегося контроля, аналогичный документ отмечает, что к началу 1942 года в лагерях находилось около двадцати девяти тысяч татар. Эти числа не складываются и не спорят друг с другом, они просто показывают, сколько людей в тот момент находилось внутри системы наказаний.

Послевоенная отчётность расширяет этот взгляд, включая не только лагеря, но и исправительно-трудовые колонии. По сводным данным на начало 1951 года таких людей насчитывалось почти пятьдесят семь тысяч, распределённых между разными формами заключения. Эта цифра известна из архивной гуглаговской статистики, к которой обращались исследователи, работавшие с материалами государственных архивов. Но и она остаётся лишь одним из срезов, а не итоговой чертой.

За пределами этих чисел остаются те, кого расстреляли, выслали, кто умер в дороге или исчез из документов ещё до того, как стал строкой в отчёте. Статистика лишь на мгновение приоткрывает дверь, за которой всегда было больше человеческих судеб, чем может вместить любая таблица.

Есть и другой пласт, учтённый гораздо точнее. В 1944 году крымские татары были депортированы целиком, как народ. Операция сопровождалась сплошным учётом, и потому здесь цифры особенно надёжны. Около ста девяноста — ста девяноста четырёх тысяч человек были насильственно вывезены с родной земли и оформлены как спецпоселенцы. За этими числами стоят вагоны, дороги, болезни, потери и долгие годы жизни без права вернуться. Это одна из немногих страниц репрессивной истории, где статистика почти совпадает с реальностью, хотя и она не передаёт всего.

Но даже самые аккуратные цифры всегда лгут в одном. Они не показывают плотность трагедии. Они не умеют говорить о том, сколько боли приходится на один дом, на одну семью, на один род. Это становится особенно ясно, когда смотришь не на народ в целом, а на судьбу одной обычной татарской семьи, ничем не выделявшейся на фоне других.

В воспоминаниях моей мамы сохранилась именно такая история. Не как исключение и не как символ, а как часть повседневной реальности тех лет. В ее большой татарской семье в годы репрессий были расстреляны оба её деда — мои родные предки — и восемь дядей. Десять человек, убитых государством

Прокуратура
Российской Федерации

ПРОКУРАТУРА
ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

644099, г. Омск, ул. Ленина, 1

№ 11555 от 12.08.97

на № _____ от _____

СПРАВКА
пострадавшего от политических репрессий

Тру(ма) Владимир (Алтынбаев) Фаткуллович Газизов
по приговору Омского областного суда (Западно-Сибирского краевого суда, Тарского окружного суда, линейного суда водного транспорта II-Иртышского бассейна, линейного, специального суда Омской ж.-д. военного трибунала ж/фл. НКВД Омской области), по постановлению ЧК по Сиб-краю, тройки УНКВД по Омской области (при ПП ОГПУ по Запсибкраю, Особого совещания при НКВД СССР).

Его (ее) отец (мать) Алтынбаев Фаткуллович Газизов (Владимир)

от 2 ноября 1937 г. по ст. 58-10 УК РСФСР был(а) заключен(а) в 4474-ю _____ расстрелян(а). Реабилитирован(а): 09.08.1957 г. Омский областной суд дело № 11555

В соответствии со ст. ст. 2^й Закона РСФСР от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий», он(а) считается пострадавшим от политических репрессий.

Основание: заключение прокурора области «12» сентября 1997 г.

Заместитель прокурора
Омской области государственного
совета истинно: Якунин

 Ю. А. ЯКУНИН

Фото документа о расстреле (02.11.1937) и посмертной реабилитации (09.08.1957) моего прадеда Алтынбаева Фаткуллы Газизовича, выданный его дочери — моей бабушке.

по обвинениям, которые позднее были признаны несостоятельными. Все они были реабилитированы посмертно. Помимо расстрелянных, ещё несколько близких родственников прошли через тюрьмы и лагеря, получили длительные сроки, вернулись

Прокуратура
Российской Федерации

**ПРОКУРАТУРА
ОМСКОЙ ОБЛАСТИ**

644000, г. Омск, ул. Ленина, 1
404/44 № 12
на № _____ от _____

СПРАВКА
пострадавшего от политических репрессий

г.р. № (из) Кулеева Галляма Шариповича, р. 1938 г. (муж)
по причине Омского областного суда (Восточно-Сибирского краевого суда, Тарского окружного суда, линейного суда водного транспорта, И. Нуртязского бассейна, армейского, специального суда Омской ж.-д. милиции, трибунала войск НКВД Омской области), по постановлению ЧК по Сиб-краю, трибуна УНКВД по Омской области, дела ТП ОСИУ по Записке, Оубного заключения про НКВД СССР.

Уд. (мат.) отцу (матери) Кулеев Галлям Шарипович
(освобожден от государственной ответственности)
р. 14 марта 1938 г. был признан виновным в совершении УК
Р-ФСР был (а) заключен (а) в ИТЛ на 10 лет. Реабилитирован 05.02.1958
в ИТЛ на 10 лет.

В соответствии со ст. 12 Закона РСФСР от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий», он (а) считается пострадавшим от политических репрессий.

Основание: заключение прокурора области «2» 07 1994 г.

Заместитель прокурора
Омской области государственной
службы охраны З. А. А. А.

Ю. А. ВЕДУНОВ

Фото документа о заключении в ИТЛ сроком на 10 лет (14.03.1938) и последующей реабилитации (05.02.1958) моего деда Кулеева Галляма Шариповича, выданный моей маме

больными или не вернулись совсем. Это не абстрактные «репрессированные», а конкретные мужчины, чьи имена знали дети и жёны, чьи вещи ещё долго хранились в сундуках, чьи места за столом так и остались пустыми.

Такая семья не была редкостью. Подобные истории можно найти в Поволжье, в Сибири, на Урале, в Крыму. Просто о них не рассказывают.

Привычка к молчанию оказалась тихим убежищем.

Поэтому официальные цифры, какими бы внушительными они ни были, скорее обозначают нижнюю границу происходившего. Всё остальное растворилось в семейной памяти, передаваемой негромко, намёками, паузами в разговоре.

Если вернуться к мифу, с которого начинался разговор, становится видно, насколько он несостоятелен. В XX веке татары не были наследниками чужой жестокости и несли не ордынскую тень, а несли собственный опыт страдания, который ничем не отличался от опыта других народов страны. Их репрессировали не за древние завоевания и не за мифическую дикость, а за происхождение, социальный статус, веру, слово или просто за то, что они оказались не в том месте и не в то время.

История репрессий татар не требует громких выводов. Она не нуждается в обвинительных речах и не ищет оправданий. Она важна как напоминание о том, что за большими словами и привычными обобщениями всегда стоят живые люди. Когда исчезает миф, остаётся человек. А вместе с ним остаётся история, в которой уже невозможно спрятаться за чужие образы и далёкие века.

55. ДОРОГИ, КОТОРЫЕ ВЫБИРАЮТ САМИ СЕБЯ

Если смотреть на карту Иделя без современных границ и названий становится видно одно простое обстоятельство. Это пространство никогда не было окраиной. Оно всегда было перекрёстком. Здесь сходились реки, здесь пересекались сухопутные пути, здесь сходились разные направления и разные ритмы жизни с их интересами.

Булгарские земли изначально формировались как пространство движения. Здесь соединялись водные пути, которые связывали север и юг, лес и степь, восток и запад. Кама

не просто вливалась в Идель. Они образовывали совместную систему, в которой любое поселение оказывалось включённым в более широкий мир. Именно поэтому Волжская Булгария возникла не как замкнутое государство, а как узел, через который проходили товары, люди и идеи.

Выбор этого пространства не был случайным. Движение Котрага и его потомков к Иделю и Каме выглядит как интуитивное понимание географии задолго до появления точных карт и теорий. Здесь было достаточно воды, чтобы дорога не обрывалась, и достаточно земли, чтобы не зависеть только от кочевья. Здесь можно было не просто остановиться, но и встроиться в существующие потоки. Булгары пришли не на пустое место и не на край мира. Они пришли туда, где мир сходилась.

Средневековая ценность территории измерялась не размерами и не числом подданных. Её определяли пути. Тот, кто стоял на дороге, получал влияние без необходимости завоёвывать огромные пространства. Булгарские города именно так и работали. Они не подавляли, а связывали. Через них шёл обмен, здесь считали, здесь взимали пошлины, здесь умели ждать и договариваться. Контроль над движением оказывался важнее контроля над границей.

Включение булгарских земель в состав Золотой Орды не разрушило эту логику. Ордынский мир сам держался на дорогах. Почтовая система, торговые маршруты, сбор дани всё это требовало устойчивых узлов. Булгарские центры не исчезли, а продолжили существовать в изменённой системе. Их значение могло меняться, но сама функция сохранялась. Реки продолжали быть дорогами, а пристани оставались точками притяжения.

Казанское ханство стало следующим этапом этой преемственности. Казань унаследовала булгарскую географию и ордынский опыт. Ханство жило не только земледелием и ремёслами, но и движением. Камская линия и другие пункты была частью этого организма. Здесь следили за всем, здесь собирали пошлины, здесь решались вопросы, от которых зависела устой-

чивость государства. Это было пространство контроля, а не случайного расселения.

Именно поэтому завоевание Казанского ханства стал для Московского государства стратегическим поворотом. Речь шла не просто о расширении территории. Речь шла о том, чтобы взять под контроль древний перекрёсток. Захватить не только город, но и всю систему дорог, связывавших Волгу, Каму и восточные направления. После 1552 года центр управления изменился, но значение этих путей никуда не исчезло. Они продолжили работать, уже в другой системе власти.

Со временем выяснилось, что ценность этого пространства не ограничивается тем, что по нему проходит. Земли булгарского и ханского мира оказались богаты тем, что скрыто в глубине. Открытие нефтяных месторождений в XX веке, и прежде всего Ромашинского, стало новым этапом использования той же самой географии. Нефть, как и торговля раньше, требовала движения. Её нужно было добывать, транспортировать, распределять. Поток изменил форму, но не смысл.

Если сопоставить районы добычи нефти с картой средневековых поселений, становится видно, что устойчивость жизни на этих землях не была случайной. Люди веками выбирали места, где можно жить долго. Там, где есть вода, удобные пути, возможность обмена и защиты. Именно такие пространства чаще всего оказываются богатыми ресурсами. Историческая интуиция, даже не оформленная в слова, редко ошибается на больших временных отрезках.

Современные железные дороги и нефтепроводы во многом повторяют старые маршруты. Они идут вдоль рек, соединяют те же узлы, пересекают знакомые пространства. То, что в булгарское и ханское время делали ладьи и караваны, сегодня делают поезда и трубы. География не меняется. Она лишь позволяет каждому времени использовать себя по-своему.

В этом смысле движение Котрага выглядит сегодня не как случайный выбор, а как точное попадание в будущее. Его народ оказался в пространстве, которое сначала стало центром торгов-

ли, затем центром государственности, а позже центром промышленности и энергетики. Это была дорога с длинной перспективой, даже если тогда она ощущалась как риск.

Поэтому история булгар и Казанского ханства не сводится к рассказу о падении и утрате. Это история перекрёстка, который менял хозяев, но не терял значения. Челны на Каме, Казань на Волге, нефтяные районы и современные транспортные узлы это не разрозненные эпизоды. Это одна и та же линия, протянутая через века. Люди могли не знать будущего, но пространство знало, где будут дороги.

Пока по этим землям продолжается движение, их история не завершена. Она просто каждый раз говорит на языке своего времени, сохраняя прежний смысл.

Быть там, где сходятся дороги, и уметь удерживать это место.

56. ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ БУЛГАРСКОГО МИРА. ОПЫТ ЛИЧНОГО АНАЛИЗА И ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Вопрос о происхождении татар на протяжении двух столетий оставался предметом споров, идеологических построений и откровенных упрощений. Одни версии сводили историю татар исключительно к Золотой Орде, другие — к монгольским завоеваниям XIII века, третьи рассматривали татар как преимущественно кочевой народ, пришедший извне, а некоторые вовсе отрицали преемственность между средневековыми государствами Поволжья и современным татарским народом. Между тем письменные источники, археология и культурная традиция указывают на гораздо более глубокую и сложную линию происхождения, начинающуюся задолго до эпохи Чингисхана. В последние десятилетия к этим источникам добавился ещё один инструмент — популяционная генетика.

Следует отметить, что ДНК-анализ одного человека не может служить статистическим описанием целого народа. В данном случае индивидуальный генетический профиль используется как

иллюстративный пример, позволяющий сопоставить данные популяционной генетики с существующей исторической моделью происхождения татар. Речь идёт не о поиске конкретных предков, а о проверке согласованности генетических данных с моделью болгарской преемственности.

Автор данной книги — представитель татарского населения Казани, родившийся в начале 1960-х годов XX века. Его родословная, по документальным источникам и семейной памяти, прослеживается не менее чем на четыре поколения. Все известные предки происходили с территории Среднего Поволжья и сопредельных регионов, входящих сегодня в состав Российской Федерации, прежде всего Татарстана, Башкирии и Ульяновской области. Это пространство, которое в разные эпохи являлось ядром Волжской Булгарии, Казанского ханства и позднее — регионом компактного проживания татарского населения. Именно поэтому обращение к ДНК-анализу имело не абстрактный, а строго исследовательский характер.

Анализ был проведён в независимой международной лаборатории AncestryDNA, располагающей одной из крупнейших в мире баз сравнительных генетических данных. Использовался аутосомный анализ, позволяющий оценить совокупность наследия по всем линиям, а не только по прямой мужской или женской ветви. Такой подход наиболее адекватен задаче изучения этногенеза, поскольку речь идёт не о поиске конкретного предка, а о принадлежности к исторически сложившемуся популяционному массиву. Для интерпретации результатов аутосомного анализа необходимо рассмотреть их в привязке к основным историческим этапам формирования населения Поволжья, начиная с раннебулгарского периода.

Великая Булгария и степной генетический комплекс

Связь с Великой Булгарией, существовавшей в VI–VII веках в степях Причерноморья и Прикаспия, может быть установлена лишь косвенно, поскольку прямых генетических образцов этого периода крайне мало. Однако археология и сравнительные исследования древней ДНК позволяют реконструировать генети-

ческий профиль населения, из которого сформировались ранние булгары. Этот профиль включает несколько ключевых компонентов.

Первый из них — степной тюркский компонент, связанный с раннетюркской и прототюркской средой Центральной Азии. В анализе ДНК автора он выражен в виде компонента, соотносимого с регионами Центральной Азии, Казахстана и верхнего степного пояса. Этот компонент не является «монгольским» в позднем смысле слова и не связан с событиями XIII века. Он отражает более ранние процессы, характерные для эпохи гуннских и тюркских союзов, из которых и вышли огурские племена, известных в византийских источниках как булгары.

Второй важный элемент — иранский или сармато-аланский компонент ДНК автора, определенный в небольшом, но устойчивом объёме. Он указывает на тесные контакты булгар с ираноязычным миром степей, который в течение многих столетий определял военную, социальную и культурную среду Причерноморья. Сарматы и аланы не были внешним фоном, они входили в состав тех союзов, на базе которых формировалась Великая Булгария.

Особое значение имеет балкано-византийский компонент, выявленный в результате анализа. Его присутствие позволяет связать генетический профиль с тем этапом булгарской истории, который протекал в пределах византийского мира. Именно к этому контексту относится деятельность Кубера и связанных с ним булгарских групп, действовавших в конце VII века на Балканах. Эти группы находились в длительном контакте с византийским населением, включали в свой состав выходцев из имперской среды и существовали в пространстве интенсивного демографического обмена.

Современные популяционные модели соотносят этот генетический слой с регионами Греции, Крита и Ионических островов не потому, что речь идёт об островном происхождении, а потому, что именно там византийский генетический компонент сохранился наиболее отчётливо. Его наличие в ДНК современного

Балкано-византийский генетический компонент по результатом ДНК-анализа автора

татарина указывает на то, что предки участвовали в тех же исторических процессах, которые связаны с болгарским присутствием на Балканах в эпоху Кубера.

Внимания также заслуживает локализация одного из наиболее выраженных древних слоёв в причерноморско-дунайском пространстве, охватывающем территорию между нижним Дунаем, Северным Причерноморьем и Приазовьем. Именно в этом регионе в VI–VII веках формируется политический и демографический центр Великой Булгарии. Совпадение этой зоны с реконструируемым ареалом раннебулгарского мира хорошо согласуется с исторической моделью формирования протобулгарской среды именно в данном пространстве.

В совокупности степной тюркский, иранский, балкано-византийский и причерноморско-дунайский компоненты формируют тот самый комплекс, который историки связывают с населением Великой Булгарии. Их присутствие в ДНК современного татарина не является прямым доказательством происхождения от конкретных людей VI века, но полностью отражает реконструируемый болгарский популяционный профиль.

Волжская Булгария и региональная основа Поволжья

Причерноморско-дунайский генетический компонент

Булгария Иделя, государство, возникшее в X веке на территории Среднего Поволжья. Именно здесь болгарский мир окончательно укоренился, и именно отсюда начинается непрерывная региональная история, прослеживаемая вплоть до современности.

В генетическом профиле автора основная доля приходится на компонент, соотносимый с территорией современной Российской Федерации, прежде всего Волго-Камским и Урало-Поволжским регионами. Однако география этого компонента показывает, что речь идёт не о позднем славянском населении, а о глубинном восточноевропейском и евразийском массиве, сформировавшемся задолго до появления современных государств.

Главное значение здесь имеет финно-угорский компонент, представленный в анализе через регионы Северной и Восточной Европы. До прихода булгар Поволжье было населено финно-угорскими племенами, которые не исчезли, а были включены в состав Волжской Булгарии. Они составили значительную часть её населения, и их генетическое наследие является неотъемле-

мой частью генома современных татар. Это подтверждает археологические и лингвистические данные, указывающие на сложный, многослойный характер булгарского общества.

Таким образом, Волжская Булгария была не случайным эпизодом истории, а прочной основой формирования народа, где пришедшие из степи булгары смешались с местным населением Поволжья и вместе создали устойчивую общность.

Казанское ханство и позднесредневековая трансформация

Казанское ханство стало прямым наследником Волжской Булгарии. Его население не возникло внезапно и не было принесено извне. Генетические данные показывают преемственность между средневековым населением Поволжья и современными татарами. При этом вклад Золотой Орды, безусловно, имел место, но он наложился на уже существующую булгарскую основу, а не заменил её.

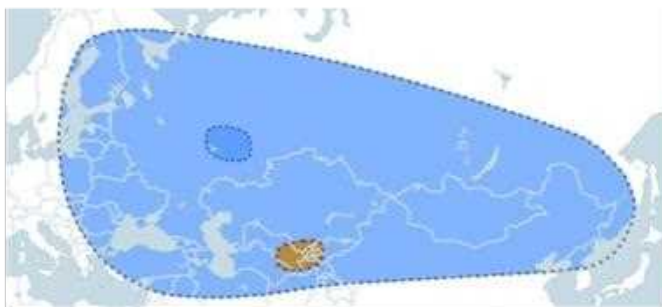
Отсутствие в анализе значительного восточноазиатского компонента, характерного для народов, сформировавшихся в результате монгольских завоеваний, является косвенным подтверждением того, что монгольский элемент не стал доминирующим в формировании татарского населения Среднего Поволжья.

От завоевания Казани к современности

После падения Казанского ханства и включения региона в состав Русского государства население Поволжья пережило демографические потери, миграции и социальные трансформации. Однако генетическая основа региона осталась относительно устойчивой. Это подтверждается тем, что современный анализ фиксирует преемственность с древними и средневековыми слоями, а не резкий разрыв.

Популяционные ядра и ранние этапы этногенеза

Аутосомный ДНК-анализ позволяет выявлять так называемые популяционные ядра — области наибольшей концентрации общих генетических сегментов, отражающие длительные и устойчивые этапы формирования предков в определённом историческом пространстве.

Популяционные ядра, выявленные по данным AncestryDNA

В визуализации AncestryDNA такие ядра представлены на карте как зоны популяционного сходства, указывающие не на разовые миграции, а на глубинные слои этногенеза. В данном случае выявлены два ядра. Первое, волжско-камское, отражает регион длительного проживания и демографической устойчивости, связанный с Волжской Булгарией, Казанским ханством и последующей историей татарского населения Поволжья. Второе ядро, локализованное в Средней Азии, носит вторичный и недоминирующий характер, отличается компактностью и глубиной, что указывает на его древнее происхождение. Подобная структура не соответствует позднесредневековым перемещениям эпохи Казанского ханства, которые обычно оставляют более локальные и «свежие» генетические сигналы. Кроме того, генетический профиль населения Средней Азии XV–XVI веков характеризовался более выраженным иранским и восточноазиатским компонентами, а также следами тимуридского и постмонгольского смешения, тогда как в анализе автора восточноазиатский вклад минимален, а иранский присутствует в умеренном, фоновом объеме. Логика двух ядер также указывает на одновременность их формирования, поскольку при позднем происхождении среднеазиатского ядра его значимость была бы сопоставима с поволжским центром, чего в данном случае не наблюдается. Напротив, сочетание устойчивого регионального ядра и более

древнего вторичного слоя соответствует модели раннего источника и последующего закрепления. География среднеазиатского ядра совпадает с зонами формирования раннетюркских союзов, огурских племён и протобулгарской среды до их выхода в причерноморско-приазовские степи, что подтверждается письменными источниками и археологическими данными. Характер сохранения этого компонента — небольшой, но устойчивый и недоминирующий — соответствует ожиданиям для протобулгарского слоя, встроенного в более позднюю популяционную структуру. При отсутствии другой исторической модели, которая могла бы объяснить появление такого ядра без признаков позднего смешения при устойчивом поволжском центре, протобулгарская интерпретация выглядит наиболее убедительной. В этом контексте связь с огурской средой раннего Средневековья наилучшим образом согласуется с полученными генетическими данными.

О преемственности, времени и сохранённом ядре

От эпохи Великой Булгарии до жизни современного человека лежит почти полторы тысячи лет. Если исходить из средней длины поколения в двадцать пять–тридцать лет, то между булгарами VI–VII веков и автором данного исследования пролегает примерно пятьдесят поколений. Это огромная временная дистанция, на протяжении которой менялись государства, языки, религии, формы власти и сами названия народов. И всё же генетическая память, в отличие от политической истории, не показывает резких обрывов. Она не исчезает вместе с падением столицы и не начинается заново с новым именем.

Результаты ДНК-анализа показывают, что современный татарин, чьи предки на протяжении веков жили в Среднем Поволжье, несёт в себе тот самый сложный и многослойный генетический комплекс, который историки связывают с булгарским миром. Это не «чистая кровь» — такого понятия не существует ни в науке, ни в реальной истории. Это наследие, сложившееся из степного тюркского ядра, сармато-аланского иранского окружения, балкано-византийских связей и мощного финно-

угорского фундамента Поволжья. Именно таким было население Волжской Булгарии, и именно такой профиль сохраняется у её потомков.

Монгольское нашествие XIII века, безусловно, стало одной из крупнейших катастроф в истории региона. Оно принесло разрушения, демографические потери и нарушение связей. Однако генетические данные ясно показывают, что это нашествие не привело к замене населения. Восточноазиатский компонент, характерный для монгольских популяций, присутствует в анализе лишь в минимальной доле, соответствующей ранним тюркским процессам, а не массовой миграции XIII века. Это означает, что Золотая Орда наложилась на уже существующее болгарское население, используя его как основу, но не вытеснив и не уничтожив его.

Казанское ханство стало следующим этапом этой преемственности. Оно вобрало в себя различные элементы — ордынские, степные, региональные, — но его демографическое ядро оставалось наследником Волжской Булгарии. Генетика подтверждает, что основные компоненты, сформировавшиеся в болгарскую эпоху, продолжают доминировать и в более поздних слоях. Ханство не создало новый народ, а оформило уже существующий.

Падение Казани, захват и ликвидация ханства в XVI веке вновь стали тяжёлым ударом. Подавление, переселение, насильственные изменения социальной структуры и последующие века жизни в условиях чужой государственности неизбежно повлияли на население. В генетическом плане это выразилось в появлении дополнительных восточноевропейских компонентов. Но и здесь не произошло главного — разрыва преемственности. Основное ядро, сформированное в болгарскую и постбулгарскую эпоху, сохранилось.

Именно это и является главным выводом исследования. Татары — это наследники Волжской Булгарии по крови, но не в биологически упрощённом смысле, а как потомки исторического населения, прошедшего через множество трансфор-

Полная карта распределения генетических компонентов по данным ДНК-анализа автора (AncestryDNA)

маций, но не исчезнувшего. Их генетика — это не застывший портрет одного народа, а живой след многовековой истории, в которой катастрофы не уничтожали полностью, а лишь накладывали новые слои.

Современные научные методы не позволяют указать на конкретного предка, жившего в VI или X веке. Но они позволяют установить принадлежность к определённому историческому массиву. И на примере анализа ДНК автора становится ясно, что этот массив — болгарский по своему происхождению, поволжский по месту формирования и татарский по своему современному облику.

Данная карта отражает совокупное распределение генетических компонентов, выявленных в результате аутосомного ДНК-анализа автора. Представленные зоны совпадений соотносятся с основными этапами истории болгарского мира и предков современных татар. Степные и восточноевропейские компоненты отражают среду формирования протоболгарских племён раннего Средневековья и период Великой Булгарии, сложившейся в причерноморско-приазовских степях. Балкано-византийские зоны совпадений указывают на дунайский этап болгарской истории

и длительные контакты с византийским миром. Региональная основа Поволжья, включая коренные финно-угорские компоненты, связана с формированием Булгарии Иделя, где болгарские племена смешались с местным населением и заложили устойчивое демографическое ядро. В период Золотой Орды в генетический облик населения добавились отдельные степные элементы, однако они наложились на уже существующую болгарскую основу и не привели к её исчезновению. Эпоха Казанского ханства отражает дальнейшее развитие этого населения, в котором сохраняется преемственность с болгарскими предками при ограниченном включении новых компонентов. В целом карта иллюстрирует модель непрерывной генетической линии от протоболгарских племён и Волжской Булгарии через ордынский и ханский периоды к современным татарам Среднего Поволжья.

Татарский народ, пройдя через распад государств, нашествия, утрату политической независимости и долгие века давления, сохранил в себе не только язык и культуру, но и частицы крови и памяти болгарского мира. Не как миф и не как идеологию, а как реальность, которую сегодня можно увидеть даже на уровне молекул. И в этом, пожалуй, заключается одно из самых убедительных свидетельств исторической преемственности — неприметное и не бросающееся в глаза, но упрямо сохраняющееся сквозь время.

57. НАСЛЕДИЕ БУЛГАР

Здесь Булгар живёт, продолжаясь в татарах,
Где люди зовут эту землю своей.
В краю этом дух — величавый и старый,
Веками хранится в молчанье камней.
Здесь камень молчит, но хранит откровенье
Следы караванов и отблеск костров.
И в этом молчанье живут поколения
И поступь ушедших и отзвук миров
Здесь время легло на ступени и плиты

Но память людей не разрушат века
В порывах ветров и напевах молитвы
Звучит сокровенная воля Творца

История не укладывается в простые ответы. Она не любит прямых линий, аккуратных стрелок и формул вроде «было — стало». Особенно когда речь идёт о народах. Народы не возникают внезапно и не исчезают по команде. Они меняются, переживают удары, теряют имена, приобретают новые, но продолжают жить. Именно в этом и заключается главная сложность разговора о преемственности между булгарами и татарами.

Булгары не «превратились» в татар в какой-то один год. Татары не «пришли» и не «заменили» их собой. Между этими словами — длинный, трудный и очень человеческий процесс. Процесс включения, смешения, приспособления и сохранения. И если отбросить крайности, становится ясно, что преемственность здесь не сводится ни к чистой крови, ни только к культуре. Она лежит между ними.

После катастрофы 1236 года Волжская Булгария как государство исчезла. Это факт. Но исчезновение государства не означает исчезновения людей. Основная масса населения осталась жить там же, где жила и раньше. Кто-то погиб, кто-то был уведён в плен, кто-то ушёл севернее, в лесостепь и лес, спасаясь от разорения. Но ядро — городское и сельское — сохранилось. Археология ясно показывает непрерывность заселения. Слои не обрываются пустотой. Дома перестраиваются. Поселения смещаются, но не исчезают.

Люди продолжали пахать землю, пасти скот, ковать железо, строить дома, растить детей. Они жили на тех же реках, на тех же дорогах, на той же земле, где жили их отцы и деды. Они вошли в ордынский мир не как пустое место, а как население с опытом городской жизни, торговли, ремесла и веры. Поэтому разговоры о том, что «всех вырезали», так же неверны, как и утверждения, что «ничего не изменилось». Изменилось многое. Но люди остались.

Язык — одна из самых чувствительных тем в этом разговоре. Булгарский тюркский язык относился к огурской группе. Язык Золотой Орды был в основном кыпчакским. Со временем именно кыпчакская основа стала доминирующей в разговорной и письменной практике. Язык действительно сменился. Но смена языка не равна смене населения. История знает десятки примеров, когда люди продолжают жить на одном месте, но переходят на другой язык под влиянием политической, военной или экономической среды.

Современный татарский язык не равен болгарскому. Это правда. Но он невозможен без болгарского слоя. Он вобрал в себя лексику, фонетику, топонимику и речевые привычки более раннего населения. Язык изменился, но люди остались. И это одна из самых честных формул преемственности.

Самым прочным мостом между эпохами стал ислам. Он не был принесён Ордынцами как нечто новое. Он уже был местным, привычным и укоренённым. Именно ислам связал домонгольскую Булгарию и татарский мир в единое духовное пространство. Религиозные нормы, представления о чистоте, праве, семье, чести и ответственности пережили смену власти. Мечети разрушались и строились заново, но сама практика не прерывалась полностью.

Ислам стал стержнем, который удержал общество от распада и позволил сохранить внутреннюю идентичность даже при смене имени.

Государства исчезают, города умирают, и иногда от них остаётся только земля, перемешанная с камнем и пеплом. Сегодня Булгар, Сувар и Биляр — это не города, а исторические места. Там нет улиц, рынков и голосов. Их возвращают в память через восстановленные стены и мечети, но под этим новым обликом всё так же лежат холмы, обломки и культурные слои ушедших веков.

Но даже в таком виде эти места не перестали быть опорными точками памяти. Люди не забыли, где стояли их города. Они не перенесли прошлое в другое место. К этим точкам продолжа-

ют возвращаться мысленно и физически. Поэтому память здесь держится не на названиях государств и не на красивых формулировках, а на конкретной земле, пережившей разрушение. И именно на этих местах до сих пор опирается татарское представление о своём прошлом — без иллюзий, но и без отказа от памяти.

Из той же почвы вырастает и хозяйственная преемственность. Земледелие, тяжёлый плуг, работа с металлом, кожей, торговые навыки не появляются внезапно и не исчезают вместе с падением городов. Их несут конкретные семьи и конкретные мастера. Ремесло нельзя переселить мгновенно, оно живёт там, где живут люди. Именно поэтому ордынская экономика так быстро оперлась на болгарское наследие. Оно не создавалось заново — оно уже работало.

Но преемственность — это не только сохранённое. Это и утраченное. Булгарская книжная культура, научная и философская традиция, медресе как центры знания были прерваны. Форма письма сохранилась, но содержание изменилось. Письмо стало прежде всего инструментом управления, закона и налогов. Глубина учёности сократилась. Это нужно признать честно. Утраченные библиотеки, школы, научные среды не были восстановлены в прежнем виде.

Имя «татары» пришло извне. Его не выбирали и не придумывали для себя. Оно возникло как общее обозначение, которым начали называть людей этой земли со стороны — проще, грубее, без вникания в различия. Сначала это было чужое слово, не связанное с внутренним самоощущением. Но со временем к нему привыкли. Его приняли и наполнили своим содержанием.

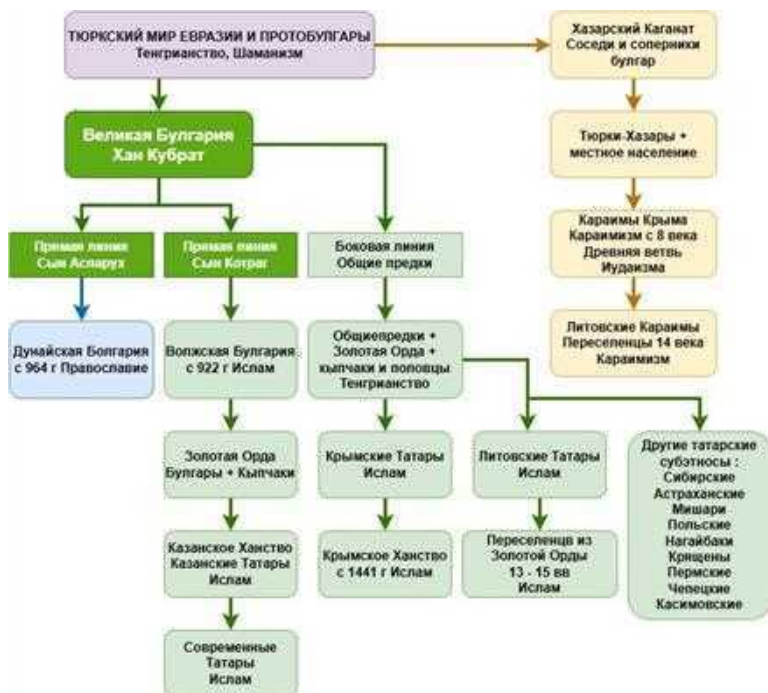
Имя может быть внешним, а жизнь всегда остаётся внутренней. Под словом «татары» продолжили жить потомки болгар, те же семьи и общины, связанные с той же землёй, теми же реками и дорогами, даже если сами города давно исчезли. Память не сменилась вместе с названием. Она просто стала жить под другим именем. И в этом нет подмены — есть обычная человеческая способность выжить, сохранив себя.

Важно помнить и о том, что большие перемены не проходят бесследно, что-то ломают и уносят с собой. Но понимание утрат позволяет по-настоящему увидеть масштаб того, что всё же удалось сохранить.

В итоге татары — это не копия болгар и не чужой народ на их месте. Это продолжение жизни, прошедшее через катастрофы, смену языка и имени, но сохранившее основу. Это история не исчезновения, а выживания. История не подмены, а длительного движения вперёд, иногда через боль и утраты.

Преемственность — вещь живая. Она не укладывается в схемы и не сводится к датам. Её видно в земле, в языке, который упрямо звучит сквозь века, в вере, в памяти — и в той глубинной связи, которая ощущается телесно, на уровне крови.

И это понятно еще до всех слов и рассуждений.

Обобщающая модель исторического развития и культурной преемственности тюркских и татарских общностей

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Эта книга написана человеком, для которого история Волжской Булгарии и татар — не отвлечённый сюжет, а часть семейной памяти. Она отражает взгляд потомка общества, развитие которого было насильственно прервано, а последующие века сопровождались утратами, ассимиляцией и репрессиями. Цель этой книги — не поиск виновных, а попытка понять, как изломы истории формируют судьбы народов и отдельных семей, и осознать, что именно память удерживает их от исчезновения.

История, рассказанная в этой книге, охватывает почти полторы тысячи лет — путь от протобулгарских степей у Танаиса и Меотиды до современных татарских городов по берегам Идела. Это путь народа, который менял государства, языки, письменности, политические системы, но не менял самого главного — внутреннего ядра, той духовной опоры, которая позволила ему выстоять под натиском империй, нашествий, ассимиляции и забвения.

Булгары пережили распад Великой Булгарии, но создали государство сильнее прежнего — Волжскую Булгарию. Она пала от ударов монгольской конницы, но под властью Орды вновь расцвела, превратившись в центр ремёсел, торговли и науки. Казанское ханство стало блистательным наследником этой традиции — и тоже было разрушено. Но народ, стоявший за ним, не исчез. Он сумел пережить разрушение городов, изгнание знати, запреты на язык и веру, потерю государственности и столетия чужой власти.

В каждом поколении находились те, кто переносил через запреты и страхи самое главное — слово, молитву, память, традицию. В тайных мечетях, в домашних школах, в песнях, в семейных рассказах, в рукописях, спрятанных от властей, — там продолжалась жизнь народа. История показала, что не стены

городов делают народ сильным, а способность сохранять себя, даже когда разрушено всё остальное.

Когда мы говорим «татары — наследники Великой Булгарии», мы говорим не о мифологии, а о реальной исторической преемственности — подтверждённой археологией, генеалогией, письменными источниками, языковыми слоями, культурными традициями. Это преемственность крови и культуры, которая не рвётся даже под тяжестью веков.

Сегодня татарский народ живёт в новой эпохе — без внешних каганатов, без ханств, без Орды. Но за его плечами стоит опыт нескольких великих цивилизаций, слитых в одну. Эта книга не о прошлом как о времени, которое прошло. Она о прошлом как о фундаменте, на котором строится всё будущее.

Если читатель, закрыв последнюю страницу, осознанно почувствует гордость за своих предков, уважение к их пути и желание сохранить свой язык, общий культурный код, духовное наследие, — значит, эта книга достигла своей цели.

Мы — потомки тех, кто выстоял.

И пока в тишине ночи звучит родная колыбельная —

Они продолжают жить в нас.

СОҢҒЫ СҮЗ

Бу китаптагы тарих мең ярым елга сузылган протоболгар далаларыннан — Танас һәм Меотидан алып бүгенге заман Идел буе ярларына кадәр сибелгән шәһәрләргә кадәр узган юлны тасвирлый. Бу — дәүләтчелеген, телен, язмасын, сәяси системасын алыштырган, ләкин иң мөһиме: яңа империяләр һөжүменә, яу һәм ассимиляциягә, оныттырырга теләүләргә каршы тору өчен үзенең төп үзәген (ядросын), рухи таянычын саклап калган халык тарихы.

Болгарлар Бөек Болгар иленең таркалуын кичерсәләр дә, элеккегедән дә көчлерәк яңа дәүләт — Идел Болгариясен төзиләр. Ул монгол атлы гаскәре бәрәп керүеннән жимерелә, әмма Орда хакимлеген астында һөнәр, кәсеп, сәүдә, фән үзәгенә әвереләп, яңадан чәчәк ата. Казан ханлыгы да бу традициянең лаеклы давамчысы буларак үсә, һәм ул да жимерелә. Әмма халык юкка чыкмый.

Шәһәрләрнең жимерелүенә, аксөякләрнең куылуына, телнең һәм диннең тыелуына, дәүләтчелекнең югалуына, гасырлар буе чит хакимлеккә түзәргә туры килүенә карамастан, һәр буында, һәр нәселдә иң мөһим булган — сүзгә, доганы, хәтерне, традициягә саклаучылар табыла. Хакимлекләрдән яшеренгән мәчетләрдә, идән асты мәктәпләрендә, җырларда, гаилә истәлекләрендә, кулъязмаларда халыкның рухи тормышы давам итә.

Тарих күрсәтте: халыкны саклай торган нәрсә — шәһәр стеналары түгел. Бар да жимерелсә дә, үзен саклап кала белү сәләте халыкны көчләтә.

Без «Татарлар — Бөек Болгар варислары» дигәндә, мифология турында түгел, ә археология, генеалогия, язма чыганаclar, тел катламнары, мәдәни традицияләр белән расланган тарихи чынбарлык турында сөйлибез. Бу — буыннан буынга

күчеп килгән, гасырлар авырлыкларыннан өзелмәгән кан һәм мәдәният.

Бүген татар халкы тышкы каганатсыз, ханлыксыз, Ордасыз — яңа эпохада яши. Аның жилкәсе артында бер цивилизациягә тупланган күп гасырлык берничә бөек дәүләтнең тәҗрибәсе тора. Бу китап — вакыты узган үткән заман турында гына түгел. Ул — киләчәк төзелеше өчен үткәнебезнең ныклы фундаменты.

Әгәр укучы соңгы битне ябып, ата-бабалары өчен горурлык, үткән юлга ихтирам, телне, гомуми мәдәни кодны, рухи варислыкны сакларга теләк хис итсә — димәк, бу китап юкка язылмаган.

Без бирешмәгәннәрнең, чыдый алганнарның варислары,
Төnnәр тынлыгында кадерле бишек жыры ишетелгәнгә
кадәр,

Алар безнең күңелебездә, жаныбызда яшәүен дәвам итәләр.

SOŃGI SÜZ (YANALIF)

Bu kitaptagı tarix meñ yarım elga suzılğan protobolğar dalalarınnan — Tanas häm Meotidan alıp bügenge zaman İdel buye yarlarına qädär sibelgän şähärlärgä qädär uzğan yulnı tasvırlıy. Bu — дәwlätselägen, telen, yazmasın, säyäsi sistemasın alıştırğan, läkin iñ möhime: yaña imperiyälär höcümenä, yau häm assimilyatsiyägä, onıttırırğa teläwlärenä qarşı toru öçen üzeneñ töp üzägen, ruhi tayanıçın saqlap qalğan xalıq tarixi.

Bolğarlar Böek Bolğar ileneñ tarqaluwın kiçersälär dä, elekkegedän dä köçleräk yaña дәwlät — İdel Bolğariyasen tözilär. Ul mongol atlı ğaskäre bärep kerüennän cimerelä, ämma Orda xakimlege astında hünär, käsen, säwdä, fän üzägenä äwerelen, yañadan çäçäk ata. Kazan xanlığı da bu traditsiyäneñ layıqlı дәwamçısı bularaq üsə, häm ul da cimerelä. Ämma xalıq yuqqa çıkmıy.

Şähärlärneñ cimerelüenä, aksöyäklerneñ qulınuına, telneñ häm dınneñ tieluına, дәwlätselekneñ yuganyına, ğasırlar buye çit xakimlekkä tuzarğa turı kilüenä qaramastan, här buında, här nәselдә iñ möhim bulğan — süzne, doganı, xäterne, traditsiyäne saqlawçılar tabıla. Xakimleklärdän yäşepenğән мәçetләrdә, idән astı мәktәplәrendә, cırlarda, ğailä istäleklәrendә, qul'yazmalarda xalıqnıñ ruhi tormışı дәwam itä.

Tarix kürsättә: xalıqnı saqlıy torğan närsä — şähär stenaları tügel. Bar da cimerelsä dä, üzen saqlap qala belü säläte xalıqnı köçle itä.

Bez «Tatarlar — Böek Bolğar warisları» digändä, mifologiyä turında tügel, ä arxeologiyä, genealogiyä, yazma çıganaklar, tel qatlamnarı, мәдәни traditsiyälär belән raslanğan tarixıy çınbarlıq turında söylebez. Bu — buınnan buınğa küçep kilgән, ğasırlar awırılıqlarınnan özelmägән qan häm мәдәниyät.

Bügen tatar xalıqı tısqı kaganatsız, xanlıqsız, Ordasız — yaña

epochada yaşî. Аның cilkäse artında ber tsivilizatsiyägä tuplangan küp ğasırlıq berničä böyek дәwlätneñ täcribäse tora. Bu kitap – waqıtı uzğan ütkän zaman turında ğına tügel. Ul – kiläçäk tözelişe öçen ütkänebezneñ nıqlı fundamentı.

Äğär ukuçı soñğı bitne yabıyp, ata-babaları öçen ğorurlıq, ütkän yulğa ixtiram, telle häm gomumi мәдәни коды, ruhi warıslıqnı saqlaw telägen xis itsä – dimäk, bu kitap yuqqa yazılmağan. Bez – bireşmägän, çıdağan, yaşap qalğan ata-babalarıbızniñ дәwamçıları, warısları. Äğär bez alarnıñ telen, dinen häm xäteren saqlasak – alar bezneñ canıbızda, uyıbızda, cäleге-бездә yaşәwen дәwam itäçäklär.

Bez – bireşmägännärneñ, çıdağannarnıñ warısları,

Tönnär tınlıġında qäderle bişek cırı yañġırağanğa qadär,

Alar bezneñ küñelebezdä häm canıbızda yaşәwen дәwam itälär.

سۆڭكى سۆز

بو كىتابتاڭى تارىخ مىڭ يازىم ئىلگە سۆزىلغان پروتوبولغار دالالارىنان. تاتاسى ھەم مېلىتەن
ئىب بۆگىنىڭ زامان ئىدىل بۇيى يازىرىنا قىددىر سىيىلىگەن شەھەرلەرگە قىددىر ئۇزغان يولى
«ئىسپۇرلىم. بۇ. دىۋىتچىلىگىن، ئىلىن بۇزما سىن، سىياسى سىستېمىسىن ئالماشتۇرغان
لىكىن ئىك مۇھىمى پاتا ئىمپېرىيالەر ھۇجۇمىتە، پاۋ ھەم ئاسىمىلياتسىيالا بۇنىتىرغا
ئېلىمىلەرنە قارشى تورۇ ئۈچۈن ئۆزىنىڭ ئۆپ ئۆزەگىن، رۇھى تايانچىسىن ساقلاپ قالغان
خالىق تارىخىد.

لەر دە، ئىلىگىكىدىن دە كۆچىرىك پاتا بولغارلار بۈيۈك يولغارلىرىنىڭ تارقاقلىقى كىچىر
دەۋلىت. ئىدىل يولغارلىرىدىن ئۆزىلىر. ئۇل مونگول ئاتلى غاسكىرى بىرىپ كىرۈپتىن
جىمىرىلە، ئىمما ئوردا خاگىملىكى ئاستىدا ھۇنەر، كىسەپ، سەۋدە، قەن ئۆزەگىنە
ئۆزۈپلەپ، پائادان چىچەك ئاتا. قازان خاگىملىقى دا بۇ تەرادىتسىيىنىڭ لايىقلى دەۋامچىسى
بولاراق ئۆس، ھەم ئۇل دا جىمىرىلە، ئىمما خالىق يوققا چىقىمىد.

شەھەرلەرنىڭ جىمىرىلۈپ، ئاكىۋىتىلەرنىڭ قۇلىپىلۈپ، ئىلىنىڭ ھەم دىنىيەتنىڭ ئىپلىۋىتە
دەۋلىتىلىگەن بۇلار ۋە، غاسىرلار بويى چىت خاگىملىكىگە ئۆزەرگە ئۆزى كەلىۋە
پاراستان ھەر بۇنىدا، ھەر ئىسىلە ئىك مۇھىمى بولغان. سۆزى، دوغانى، خەتەرنى
لەردىن باشىرىنكەن مەجىتەلەردە، ئىدىن تەرادىتسىيىنى ساقلاۋچىلار تاپىلا. خاگىملىك
يازمالاردا خالىقنىڭ رۇھى ئاستى مەكتەپلەرنىدە، جىرالاردا، غايىلە ئىستېلىكلەر دە، قۇل
تورۇمىنى دەۋام ئىتە.

تارىخ كۆرسەتتى. خالىقنى ساقلاپ تۇرغان نەرسە شەھەر سىتلىرى ئۆگىل. پار دا
جىمىرىلە دە، ئۆزىن ساقلاپ قالا يەن سەلەتى خالىقنى كۈچلۈ ئىتە.

دېگەندە، مەنۇلۇگىيە تۇرۇنغا ئۆگىل، ئە «تاتارلار. بۈيۈك يولغارلار ۋارىسلارى» بىز
ئارخىتولوگىيە، گېنىتالوگىيە، يازما چىنەناتلار، ئىل قاتلامىزى مەنەنى تەرادىتسىيەلەر
، يەلەن راسلانغان تارىخى چىتبارلىق تۇرۇنغا سۆيلىس. بۇ. بۇنىدىن بۇنىغا كۈچۈپ كىلگەن
غاسىرلار ئاۋىرلىقلارنى ئۆزەلگەن قان ھەم مەنەنىت.

بۈگۈن تاتار خالىقى ئىشلىنىڭلاڭلىقى، خالىقلىقى، ئورداسى. پاتا ئىپۇخادا ياشى. ئۇنىڭ
چىلەكسى تارىلىدا بىر ئىسۇلىز تىسىپكە ئۆپلەن كۆپ غاسىرلىق بىر تەجە بۈيۈك
دەۋلىتلەرنىڭ تەجىرىمىسى تۇرا. بۇ كىتاب ۋاقتى ئۇزغان ئۆتكەن زامان تۇرۇنغا غىنا ئۆگىل.
ئۇل كىلەچەك ئۆزەلشنى ئۈچۈن ئۆتكەننىڭ ئىشلى قۇندامىتە.

، ئىگەر ئۇقۇچى سۆڭكى بىتتى ياپىپ، پاتا بابالارى ئۈچۈن غورۇرلىق. ئۆتكەن يولغا ئىختىرام
ئىلە ھەم گومومى مەنەنى كودلى رۇھى ۋارىسلىقنى ساقلاۋ ئېلىگەن خەس ئىتە، دېمەك
بۇ كىتاب يوققا يازىلماغان. بىز بىرىشمەكەن، چىداگان، ياشىپ قالغان پاتا بابالارىمىزنىڭ
دەۋامچىلىرى. ۋارىسلار دە ئىگەر بىز ئالارنىڭ ئىلىن دىنىيەن ھەم خەتەرن ساقلاسا
ئالار بىزنىڭ جاتىمىزدا، بۇنىزدە، كەلگەمىزدە پاشىۋەن دەۋام ئىتەچىكلەر.

Послесловие. Текст на татарском языке в иске имля

РЕЕСТР ИСТОЧНИКОВ

В перечень включены как источники, непосредственно использованные в тексте, так и материалы, формирующие широкий исторический контекст исследования.

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Византийская и латинская традиция

Патриарх Никифор. *Breviarium* («Краткая история») Хранение: Ватиканская апостольская библиотека (BAV), греческая рукописная традиция (*Vat. gr.*). Контекст: история Византии VII – VIII вв.; сведения о варварских народах и политической обстановке в Причерноморье.

Феофан Исповедник. *Chronographia* («Хронография») Хранение: Ватиканская апостольская библиотека. Контекст: ключевой византийский хронограф; упоминания кочевых и полукочевых народов, Балканы, Причерноморье.

Прокопий Кесарийский. *De Bellis* («Войны») Хранение: рукописная традиция; крупнейшие собрания — Ватиканская апостольская библиотека, Национальная библиотека Франции. Контекст: войны Византии VI в.; описание народов степного пояса и военных практик.

Агатий Миринейский. *Historiae* («Истории») Хранение: рукописная традиция; Австрийская национальная библиотека, Национальная библиотека Франции. Контекст: продолжение Прокопия; сведения о кочевых народах и дипломатии.

Аммиан Марцеллин. *Res gestae* Хранение: Ватиканская апостольская библиотека, *Vat. lat. 1873* (основной кодекс). Контекст: позднеримский мир; этнополитическая ситуация в степях Восточной Европы.

Маврикий Стратег. *Strategikon* Хранение: рукописная традиция; Австрийская национальная библиотека, Национальная библиотека Франции. Контекст: военная тактика; описание степных воинов и методов ведения войны.

Феофилакт Симокатта. *Historiae* Хранение: Ватиканская апостольская библиотека, *Vat. gr. 977*. Контекст: история конца VI – начала VII вв.; сведения о степном мире.

Константин VII Багрянородный. *De Administrando Imperio* Хранение: Национальная библиотека Франции (*Paris gr. 2009*); Ватиканская апостольская библиотека (*Vat.-Pal. gr. 126*). Контекст: народы Восточной Европы, пути, политические структуры; ключевой источник по булгарам и соседям.

Павел Диякон. *Historia Langobardorum* Хранение: рукописная традиция; Ватиканская апостольская библиотека, Баварская государственная библиотека. Контекст: варварские королевства Европы; общий фон эпохи.

Costographia (Аноним Равеннский) Хранение: Ватиканская апостольская библиотека (*Urb. lat. 961*); Национальная библиотека Франции. Контекст: география поздней Античности и раннего Средневековья; топонимика Восточной Европы.

Болгарская традиция

Именник болгарских ханов Хранение: русские списки в составе хронографов (Уваровский список XV в. и др.); собрания Государственный исторический музей (Москва). Контекст: династическая и политическая история ранних болгар; хронология правителей.

Арабо-исламская традиция

Аль-Масуди. *Murūj adh-dhahab* («Золотые луга») Хранение: рукописная традиция; Библиотека Сулеймание, Национальная библиотека Франции. Контекст: народы Восточной Европы, Волга, торговля и этнография.

Ибн Фадлан. *Risāla* Хранение: Razavi (Riḍāwīya) Library, MS 5229, Мешхед (Иран). Контекст: прямое описание Волжской Булгарии, обрядов, быта и социальной структуры.

Ибн Русте. *Kitāb al-A lāq an-Nafīsa* Хранение: рукописная тра-

дия; Библиотека Сулеймание, Национальная библиотека Франции. Контекст: география и народы Восточной Европы и Волги.

Ибн ал-Асир. *Al-Kāmil fī at-Tārīkh* Хранение: рукописная традиция; крупнейшие собрания Востока и Европы. Контекст: универсальная хроника; политическая история степного мира.

Гардизи. *Zayn al-Akhbār* Хранение: Национальная библиотека Ирана; Британская библиотека. Контекст: этнография и политическая география.

Ал-Истахри. *Masālik al-Mamālik* Хранение: Библиотека Сулеймание; Национальная библиотека Франции. Контекст: пути сообщения и торговля.

Ал-Мукаддаси. *Aḥsan at-Taqāsīm* Хранение: Бодлеанская библиотека; Библиотека Сулеймание. Контекст: экономическая и культурная география.

Якуби. *Kitāb al-Buldān* Хранение: Библиотека Сулеймание; Британская библиотека. Контекст: описание стран и народов.

Ибн Хаукаль. *Ṣūrat al-Arḍ* Хранение: Библиотека Сулеймание; Национальная библиотека Франции. Контекст: торговля и пути.

Рашид ад-Дин. *Jāmi at-Tawārīkh* Хранение: Национальная библиотека Ирана; Библиотека Сулеймание. Контекст: история тюркских и монгольских народов; генеалогии и государства.

Монгольская и постмонгольская традиция

Ала ад-Дин Ата-Малик Джувейни. *Tārīkh-i Jahān-gushā* («История завоевателя мира») Хранение: Национальная библиотека Франции, иллюстрированный список *Supplément persan* 205 (XIII в.). Контекст: завоевания монголов, структура власти, административная практика; используется для глав о Монгольской империи и Золотой Орде.

Иоанн де Плано Карпини. *Historia Mongalorum* (также *Liber Tartarorum*) Хранение: Британская библиотека, *Royal MS 13 A XIV*. Контекст: раннее западноевропейское посольское описание монголов; общественный строй, военная организация, обычаи.

Вильгельм де Рубрук. *Itinerarium* Хранение: рукописная традиция; фиксируемые списки в Национальная библиотека Фран-

ции (латинские рукописи, в т. ч. *BnF, lat.*). Контекст: этнография и религия Монгольской империи; города, торговые пути, контакты Востока и Запада.

Ордынская и постордынская историография

Утемиш-хаджи. *Чингиз-наме* Хранение: рукописная традиция; основные списки — Ташкентский и Стамбульский (описаны в научных каталогах). Контекст: позднеордынская историческая традиция, генеалогии и легитимация власти.

Абдугаффар Кырыми. *Umdat al-Akhhbār* («Умдет ал-ахбар») Хранение: рукописная традиция в османских и европейских собраниях (в т. ч. Стамбул). Контекст: история тюркских государств после Орды; Крым, Поволжье, постордынский мир.

Хафиз-и Аbru. *Zubdat at-Tawārīkh* Хранение: рукописная традиция; восточные собрания Ирана и Османской империи. Контекст: история Улуса Джучи и постордынского пространства.

Муин ад-Дин Натанзи. *Muntakhab at-Tawārīkh* Хранение: рукописная традиция; восточные и европейские библиотеки. Контекст: распад Орды, региональные ханства, политическая фрагментация.

Ахмед ибн Арабшах. *ʿAjāʾib al-Maqdūr* Хранение: рукописная традиция; крупнейшие восточные и европейские собрания. Контекст: Тимур и трансформация степного мира; внешний взгляд на евразийскую политику.

Русская летописная традиция

Никоновская летопись. Хранение: списки в Библиотека Российской академии наук; издания и копии — Российская государственная библиотека. Контекст: завоевание Казани, политика Московского государства в Поволжье.

Царственная книга (в составе Лицевого летописного свода). Хранение: оригинальные тома — Российская государственная библиотека, Российский государственный архив древних актов; факсимильные и цифровые копии — государственные собрания. Контекст: официальная летописная фиксация царствования Ивана IV; осада и взятие Казани 1552 г.; государственное визуальное-текстовое изложение эпохи.

Казанский летописец (История о Казанском царстве). Хранение: Российская государственная библиотека (рукописные списки и цифровые копии). Контекст: осада и падение Казани 1552 г.; летописный нарратив.

Степенная книга царского родословия. Хранение: Российская государственная библиотека (древнейшие списки и издания). Контекст: идеология власти, включение ханств в состав Русского государства.

Европейские авторы раннего Нового времени

Сигизмунд Герберштейн. *Rerum Moscoviticarum Commentarii* Хранение: Австрийская национальная библиотека (печатные издания XVI в.). Контекст: внешнее описание Московии и соседних народов; сравнительный источник.

Джорджо Интериано. *De Tataria* Хранение: Biblioteca del Museo Correr (Венеция), *Ms. Donà 23*. Контекст: европейские представления о «Татарии», быте и социальной структуре.

Османская историография

Мустафа Али. *Künhül'-Ahbār* Хранение: Библиотека Сулеймание (османская рукописная традиция). Контекст: татары, Крым и Османская империя; османское восприятие региональной истории.

Летописные источники и исторические описания

Сказание о взятии Казани (анонимный автор). Хранение: Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург); Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Контекст: летописно-публицистический текст о событиях 1552 г.; используется как нарративный источник с учётом жанровой специфики.

Строгановская летопись. Хранение: Российская национальная библиотека, фонд Строгановых (рукописные списки XVII в.). Контекст: версия Строгановых о походе Ермака и начале освоения Сибири; источник с заказной перспективой, используется в сопоставлении с другими летописями.

Есиповская летопись. Хранение: Тобольская рукописная традиция; музейные и библиотечные собрания Российской Федерации (региональные архивы и музеи Сибири). Контекст: сибир-

ская летописная версия; религиозно-церковная интерпретация похода Ермака и ранней русской колонизации.

Семён Ульянович Ремезов. Чертёжная книга Сибири. Хранение: Российская государственная библиотека, Отдел рукописей. Контекст: картографический и описательный источник; география, топонимика, маршруты и административные представления о Сибири конца XVII — начала XVIII вв.

Дипломатические и приказные источники

Посольские книги Московского государства (XVI в.). Хранение: Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Контекст: дипломатическая переписка, приёмы послов, внешнеполитические контакты Московского государства с восточными и западными странами.

Разрядные книги конца XVI — начала XVII вв. Хранение: Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Контекст: служебные назначения, военные кампании, воеводы и состав войск; базовый источник по военной истории.

Правовые и земельные документы

Русская Правда. Хранение: списки и редакции — Российская государственная библиотека; Библиотека Российской академии наук; Российский государственный архив древних актов. Контекст: древнерусский правовой свод XI–XIII вв.; нормы, регулирующие статус холопов и рабов; правовое понимание личной несвободы и имущественной ответственности.

Акты землевладения и службы татарской знати после 1552 г. Хранение: Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Контекст: правовой статус татарской знати, пожалования земель, служба в системе Русского государства.

Соборное уложение 1649 года. Хранение: Российский государственный архив древних актов (РГАДА); Российская государственная библиотека. Контекст: законодательная база Русского государства; правовое регулирование сословий, землевладения, службы и наказаний.

Жалованные грамоты Строгановым (XVI в.). Хранение: Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ком-

плекс документов Строгановых. Контекст: правовое оформление владений, прав и обязанностей Строгановых; ключевой источник по освоению Урала и Сибири.

Учётно-статистические источники

Писцовые книги Казанского уезда (XVI – XVII вв.). Хранение: Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Контекст: описание земель, дворов, населения, повинностей; базовый источник по демографии и хозяйству.

Писцовые и переписные книги Казанского уезда (XVII – XVIII вв.). Хранение: Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Контекст: динамика населения, налоговая база, изменения в структуре поселений; используется для анализа долгосрочных последствий завоевания.

Отчёты археологических разведок Нижнего Прикамья. Хранение: Архив Институт археологии РАН (Москва). Контекст: результаты археологических разведок и раскопок; материальные свидетельства заселения и хозяйственной деятельности региона.

Архивные и документальные сборники

Материалы по истории Татарской АССР (сборники документов). Хранение: Национальный архив Республики Татарстан (Казань). Контекст: официальные документы советского периода; государственное строительство, социально-экономические процессы, культурная политика в Татарской АССР.

Документы по языковой и письменной политике

Центральный Исполнительный Комитет СССР. Постановление «О латинизации алфавитов народов СССР, пользующихся арабской письменностью» (1926 г.). Хранение: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Контекст: начало политики латинизации; государственное вмешательство в традиционную письменность мусульманских народов СССР.

Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров Татарской АССР. Постановление «О введении нового тюркского алфавита (яналиф) » (1927 г.). Хранение: Национальный архив Республики Татарстан (Казань). Контекст: реализация

латинизации в Татарской АССР; переход с арабской графики на латиницу.

Центральный Комитет ВКП (б) и Совет Народных Комиссаров СССР. Постановление «О переводе письменности народов СССР на русскую графическую основу» (13 марта 1938 г.). Хранение: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Контекст: отказ от латинизации; централизованная политика перехода на кириллицу.

Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров Татарской АССР. Постановление «О переводе татарской письменности с латинизированного алфавита на русский алфавит» (5 мая 1939 г.). Хранение: Национальный архив Республики Татарстан (Казань). Контекст: окончательное закрепление кириллицы для татарского языка на уровне республиканских органов власти.

Источники по политическим репрессиям

Статистические отчёты НКВД по национальным операциям. Хранение: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Контекст: официальная статистика репрессивных кампаний; используется как количественный и ведомственный источник.

Приказы НКВД СССР №00447 и №00485 (1937–1938 гг.). Хранение: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Контекст: нормативная база массовых репрессий и «национальных операций»; ключевые документы периода Большого террора.

Государственный Комитет Обороны СССР. Постановление №5859сс от 11 мая 1944 г. «О крымских татарах». Хранение: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Контекст: правовая акция о депортации крымских татар; используется для анализа государственной политики принудительных переселений.

Книга памяти жертв политических репрессий в Республике Татарстан. Хранение: Национальный архив Республики Татарстан (Казань). Контекст: персональный учёт репрессированных; справочный и мемориальный

Сборники документов «Политические репрессии в СССР». Хранение: Государственный архив Российской Федерации; Российская государственная библиотека. Контекст: опубликованные архивные материалы; нормативные акты, приказы, отчёты.

Документы по топонимике и административным решениям

Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О переименовании города Набережные Челны в город Брежнев» (1982 г.). Хранение: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Контекст: официальное переименование города; пример идеологической топонимической политики позднего СССР.

Решение Президиума Верховного Совета РСФСР «О возвращении городу Брежнев исторического наименования Набережные Челны» (1988 г.). Хранение: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Контекст: восстановление исторического названия; отражение процессов перестройки и пересмотра символической политики.

Нормативно-правовые источники

Конституция Республики Татарстан Официальное издание Государственного Совета Республики Татарстан (Казань). Контекст использования: — статья 1 — Республика Татарстан является демократическим правовым государством в составе Российской Федерации; — статья 33 — гарантируются свобода мысли и слова, право свободного выражения взглядов и распространения информации законными способами.

Конституция Российской Федерации Официальное издание; хранение — Российская государственная библиотека (Москва). Контекст использования: — статья 44 — гарантируются свобода литературного, художественного и научного творчества; охрана интеллектуальной собственности; обязанность государства по сохранению исторического и культурного наследия.

МАТЕРИАЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

I. РАННИЙ ПЕРИОД IV – VII вв.

Перешипинский клад (VII в.) – Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург): золотые сосуды, оружие, украшения, печати; золотой перстень-печатка хана Кубрата с греческой надписью *ΚΟΥΒΡΑΤΟΥ ΠΑΤΡΙΚΙΟΥ*. Прямое материальное свидетельство элиты Великой Булгарии и её связей с Византией.

Фанагория (позднеантичные и раннесредневековые слои) – музей-заповедник «Фанагория»: амфоры, винные сосуды, хозяйственные постройки; свидетельства торговли в античной традиции.

Пантикапей (Керчь) – Государственный Эрмитаж, Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник: позднеантичные и раннесредневековые слои; амфоры, монеты, хозяйственные и портовые сооружения; материальные свидетельства городской жизни и торговли в Северном Причерноморье в период контактов с протобулгарскими и степными группами.

Херсонес Таврический – музей-заповедник «Херсонес Таврический»: городская застройка, оборонительные стены, хозяйственные комплексы; керамика и винная тара; материальные свидетельства византийского города, функционировавшего в среде степного мира и связанного с раннебулгарскими объединениями торговыми и политическими контактами.

Танаис (Нижний Дон) – музей-заповедник «Танаис»: позднеантичные и раннесредневековые горизонты; остатки городской планировки, торговые помещения, амфоры; материальные свидетельства транзитной торговли между Причерноморьем и степью.

Боспорские города Восточного Крыма (IV – VI вв.) – региональные музеи Крыма, **Государственный Эрмитаж:** керамика, монеты, предметы быта; свидетельства продолжения городской традиции и экономических связей в эпоху Великого переселения народов.

Курганные погребения протобулгарского круга Северного Причерноморья (IV – VII вв.) – Институт археологии РАН: по-

гребальные комплексы с оружием, конским снаряжением, украшениями; инвентарь воинской знати и племенной элиты.

Ювелирные изделия и поясные наборы раннебулгарского времени — Государственный Эрмитаж, региональные музеи Причерноморья: золотые и серебряные пряжки, бляхи, наконечники ремней; материальные признаки социальной и военной иерархии.

Античные и раннесредневековые монеты в протобулгарском контексте — Государственный Эрмитаж: византийские солиды и их подражания, найденные в погребениях и кладах; свидетельства денежного обращения и контактов с Византийским миром.

Поселения и стоянки ранних кочевых и полукочевых групп Причерноморья (IV — VII вв.) — Институт археологии РАН: остатки жилищ, хозяйственные ямы, керамика; материальные свидетельства образа жизни и хозяйственной адаптации раннебулгарских объединений.

II. ХАЗАРО-БУЛГАРСКИЙ И СТЕПНОЙ МИР VII — X вв.

Салтово-маяцкая археологическая культура — Институт археологии РАН: котлы, чаши, сосуды для напитков; предметы элитарного и бытового потребления.

Ранние булгарские некрополи Северного Причерноморья — Институт археологии РАН: инвентарь знати, предметы застольной культуры.

Дунайская Булгария (VII — X вв.): Плиска — Национальный археологический институт Болгарии (София): дворцово-крепостной комплекс, каменные оборонительные стены, хозяйственные постройки; прямое материальное свидетельство ранней булгарской государственности на Балканах. **Преслав** — городская застройка, ремесленные мастерские, предметы элитной и церковной культуры; свидетельство перехода к оседлой и христианской традиции. **Мадара** — Мадарский всадник (рельеф VIII в.), эпиграфические надписи булгарских ханов; официальный монумент власти и идеологии. **Клады и ювелирные находки** — Национальный археологический музей Болгарии:

золотые и серебряные украшения, поясные наборы, перстни, сосуды; материальные свидетельства элиты и ремесленного производства.

III. ВОЛЖСКАЯ БУЛГАРИЯ X — XIII вв.

Булгар, Биляр, Сувар — Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник, музеи Республики Татарстан: городские культурные слои, ремесленные кварталы, остатки водопроводов, канализации и дренажных систем; кумганы и другие сосуды для воды и омовений; керамические сосуды для хранения жидкостей. Материальные свидетельства развитой городской цивилизации Волжской Булгарии.

Набережночелнинские археологические памятники — Национальный музей Республики Татарстан: городища и селища Камского региона, культурные слои позднего Средневековья и раннего Нового времени; керамика, хозяйственный инвентарь, следы стационарных поселений. Материальные свидетельства длительного и непрерывного заселения Нижнего Прикамья.

Археология Нижнего Прикамья — Институт археологии РАН: результаты археологических разведок и стационарных раскопок; поселения, могильники, хозяйственные комплексы; материалы булгарского и раннеордынского времени.

Булгарские ремесленные комплексы (X — XIII вв.) — металлургические мастерские, кузнечные и литейные комплексы, следы массового ремесленного производства; прямые свидетельства развитой экономики и специализации труда.

Булгарские и ордынские клады и некрополи (X — XIV вв.) — денежно-вещевые клады, погребальные комплексы с инвентарём; украшения, оружие, элементы костюма (серьги, гривны, подвески, перстни). Прямые материальные свидетельства социальной структуры и элитной культуры.

Монетная чеканка Волжской Булгарии — Государственный Эрмитаж, Институт археологии РАН: серебряные дирхамы и пулы; штемпели и заготовки; материальные свидетельства экономического суверенитета и международной торговли.

Булгарские мусульманские некрополи — Институт археологии РАН: материальные свидетельства исламизации и религиозной культуры.

Письменность и книжная культура Волжской Булгарии

Эпиграфические памятники Булгара, Биляра и Сувара: надмогильные камни с арабской графикой, эпитафии с датами по хиджре, имена и религиозные формулы; надписи на архитектурных элементах; письменные принадлежности (писала, чернильницы); фрагменты рукописных книг и переплётов; монеты с арабскими надписями; керамика и бытовые предметы с клеймами.

Поэма «Кысса-и Йусуф» (XIII в.), автор Кул Гали — рукописная традиция XIII — XVI вв. (Институт восточных рукописей РАН, Национальная библиотека РТ, библиотеки Турции и Ирана); поэма на тюркском языке с арабской графикой, религиозно-нравственный сюжет, развитая поэтическая форма. Сохранившийся памятник книжной и поэтической традиции Волжской Булгарии.

IV. ДРЕВНЯЯ РУСЬ X — XIII вв.

Археология Новгорода — Новгородский государственный музей-заповедник: остатки бродильных ям; деревянные чаны и бочки; сосуды со следами брожения; керамика с остатками мёда и зерновых. Прямые археологические свидетельства производства мёда и пива как части хозяйственной и ремесленной культуры.

Археология Новгорода — Новгородский государственный музей-заповедник: Отхожие ямы — органические остатки, материальные свидетельства повседневного быта, санитарных практик и питания городского населения.

Предметы принуждения и контроля — Новгородский государственный музей-заповедник, Институт археологии РАН: кандалы, оковы, цепи, элементы запирающих устройств; материальные свидетельства существования несвободного и зависимого населения (холопов, челяди) в социальной структуре Древней Руси.

Берестяные грамоты о несвободных людях — Новгородский государственный музей-заповедник: упоминания холопов, рабов, закупов; долговые обязательства; акты передачи людей вместе с имуществом. Письменные свидетельства социально-правового статуса зависимого населения.

Письменность и книжная культура Руси

Берестяные грамоты (XI — XV вв.) — Новгородский государственный музей-заповедник: частная переписка; хозяйственные расчёты; судебные и долговые записи; учебные тексты и азбуки; религиозные формулы. Прямые материальные свидетельства широкой грамотности в городской среде, включая женщин и детей.

Учебные принадлежности — Новгород, Новгородский государственный музей-заповедник: писала (стилусы), дощечки для письма, береста с учебными текстами; материальные свидетельства систематического обучения письму.

Рукописные книги Древней Руси (XI — XIII вв.) — Российская национальная библиотека, Российская государственная библиотека: Остромирово Евангелие (XI в.), Изборники, Псалтыри и служебные книги; материальные свидетельства развитой книжной, переводческой и богослужебной традиции.

«Слово о полку Игореве» — рукописная традиция и научные копии (РГБ, РНБ): древнерусский поэтический текст, светский историко-эпический сюжет, высокий уровень художественного языка и образности; признанный памятник книжной и поэтической культуры Древней Руси.

Хозяйство, торговля и городская организация

Торговые комплексы Новгорода — Новгородский государственный музей-заповедник: весы и гирьки, импортные товары, складские постройки; материальные свидетельства включённости Руси в международные торговые сети (Балтика, Восток).

Клады серебра и денежных слитков — Новгород, Псков; хранение: Государственный Эрмитаж, региональные музеи: гривны, фрагменты серебра, импортные монеты; свидетельства денежного обращения, накопления богатства и развитой экономики.

V. ЗОЛОТАЯ ОРДА XIII — XIV вв.

Сарай-Бату, Сарай-Берке — Астраханский музей-заповедник: городская инфраструктура; сосуды, чаши, котлы; монетные клады.

Золотоордынские ювелирные клады — Государственный Эрмитаж: золотые украшения, статусные предметы.

Булгарские и ордынские клады и некрополи (X — XIV вв.) — фонды Института археологии РАН: денежно-вещевые клады; погребальные комплексы с инвентарём; украшения, оружие, элементы костюма. Прямые материальные свидетельства социальной структуры и элитной культуры.

Шапка Мономаха — Оружейная палата Московского Кремля: золотой головной убор с меховой опушкой; драгоценные камни, орнаментация; зафиксирована в описях государственной казны. Материальный объект государственной царской символики; используется как музейный и инвентарный предмет без утверждений о происхождении.

VI. КАЗАНСКОЕ ХАНСТВО XV — XVI вв.

Казанское городище, Иске-Казан — Институт археологии РАН: городские кварталы; хозяйственные и жилые постройки; керамика и металлические изделия; следы ремесленной деятельности. Материальные свидетельства формирования и функционирования политического центра Казанского ханства.

Казанский кремль (докремлёвские и ранние ханские слои) — музей-заповедник «Казанский кремль»: остатки оборонительных сооружений; культурные слои ханского времени; элементы военной архитектуры. Материальные свидетельства ханской столицы до завоевания 1552 года.

Монетные клады Казанского ханства — Государственный Эрмитаж, Национальный музей РТ: серебряные и медные монеты; локальные типы чеканки; клады городского и сельского происхождения. Прямые материальные признаки экономического суверенитета и денежного обращения ханства.

Монетная чеканка Казанского ханства — Государственный Эрмитаж, Институт археологии РАН: штемпели; заготовки; произ-

водственные отходы. Материальные свидетельства существования собственной монетной системы.

Кладбища и мусульманские некрополи Казанского ханства — Институт археологии РАН: надмогильные камни с арабской графикой; эпитафии с именами и датами; ориентация захоронений. Материальные свидетельства исламской религиозной традиции и социальной структуры.

Эпиграфические памятники Казани и Иске-Казани — Институт археологии РАН: надписи на камне; культовые и мемориальные тексты; имена правителей и знатных лиц. Прямые материальные свидетельства письменности и официальной культуры ханства.

Ремесленные комплексы Казанского ханства — Институт археологии РАН, Национальный музей РТ: кузнечные мастерские; литейные и гончарные комплексы; следы массового производства. Материальные свидетельства развитой городской экономики.

Вооружение и воинское снаряжение — Государственный Эрмитаж, региональные музеи Татарстана: сабли, наконечники стрел; элементы доспехов; конское снаряжение. Материальные свидетельства военной организации ханства.

Клады украшений и предметов личного убранства — Государственный Эрмитаж, Национальный музей РТ: серьги, перстни, подвески; пояса и элементы костюма. Материальные свидетельства элитной и городской культуры.

Рукописные книги и книжная традиция Казанского ханства — Национальная библиотека Республики Татарстан, Институт восточных рукописей РАН: религиозные тексты (списки Корана, тафсиры, сборники молитв); богословские сочинения по фикху и акыде; учебные тексты для начального и среднего религиозного образования; правовые и административные записи религиозного характера; рукописи на тюркском языке с использованием арабской графики. Сохранившиеся материальные памятники книжной культуры, образования и религиозной письменности Казанского ханства.

Поэтические и литературные памятники тюркской традиции ханского периода — рукописные собрания Востока (Россия, Турция, Иран): религиозно-нравственные поэмы; дидактические тексты и наставления; стихотворные переложения коранических и библейских сюжетов; произведения, восходящие к болгаро-татарской и общетюркской литературной традиции; рукописи с поэтическим оформлением и каллиграфическим письмом. Материальные свидетельства непрерывности литературной традиции тюркского мира Поволжья.

Научные рукописи и прикладные знания Казанского ханства — Национальная библиотека Республики Татарстан, Институт восточных рукописей РАН: медицинские рукописи (тибб) — лечебники, фармакологические списки, рецептуры; переводы и переработки классической исламской медицины (авиценновская традиция). Сохранившиеся материальные свидетельства развитой медицинской письменной традиции.

Астрономия, астрология и календарные знания — рукописные собрания Востока: астрономические таблицы и расчёты; календарные трактаты (лунно-солнечные циклы, религиозные даты); астрологические сочинения прикладного характера; тексты по определению времени молитв и направлению киблы. Материальные свидетельства прикладной астрономии и математических знаний, необходимых для религиозной и хозяйственной практики.

Математика, география и естествознание — рукописные фонды Востока: трактаты по арифметике и измерениям; географические описания и космографические схемы; практические руководства по ориентации и землемерию. Материальные свидетельства распространения научных знаний исламского мира в Поволжье ханского периода.

Научные компиляции и учебные сборники — Национальная библиотека Республики Татарстан, Институт восточных рукописей РАН: сводные рукописи, объединяющие богословие, медицину и астрономию; учебные конспекты и комментарии. Материальные свидетельства систематического обучения и передачи

научных знаний.

VII. ПОХОД ЕРМАКА И ЗАВОЕВАНИЕ СИБИРИ XVI в.

Материальные следы похода Ермака — региональные музеи Западной Сибири: оружие (пищали, сабли); элементы снаряжения; стоянки и зимовья.

VIII. ПОСЛЕ 1552 ГОДА XVI — XVII вв.

Казанский кремль (слои XVI — XVII вв.) — музей-заповедник «Казанский кремль»: перестройка оборонительных систем; смена культурного слоя; каменные и земляные укрепления; остатки административных и военных сооружений. Материальные свидетельства включения Казани в административно-военную систему Русского государства.

Арские и Свияжские оборонительные комплексы — музеи Республики Татарстан: крепостные сооружения и земляные валы; элементы деревянно-земляной фортификации; военная инфраструктура гарнизонов. Материальные свидетельства колониальной и оборонительной политики XVI века.

Свияжск (город и крепость XVI — XVII вв.) — музей-заповедник «Остров-град Свияжск»: планировочная структура города; остатки крепостных стен и башен; жилые и хозяйственные постройки. Материальные свидетельства нового административного центра Поволжья.

Татарские слободы Казани (XVI — XVII вв.) — Национальный музей Республики Татарстан: жилые кварталы; хозяйственный инвентарь; предметы традиционного быта. Материальные свидетельства адаптации и сохранения татарского населения в новых политических условиях.

Мусульманские кладбища Казани и Казанского уезда — Институт археологии РАН: погребения с исламской ориентацией; надгробные камни с арабской графикой; эпитафии и памятные формулы. Материальные свидетельства сохранения религиозной и культурной традиции.

Археологические следы насильственного переселения и разрушений — Институт археологии РАН: заброшенные и разрушенные поселения; обрыв культурных слоёв; следы пожаров

и уничтожения застройки. Материальные свидетельства последствий завоевания и демографических изменений.

Ремесленные и хозяйственные комплексы послевоенного времени — Национальный музей Республики Татарстан, Институт археологии РАН: мастерские; сельскохозяйственные постройки; орудия труда. Материальные свидетельства перестройки экономики региона в XVI — XVII вв.

IX. НОВОЕ ВРЕМЯ XVIII — XX вв.

Сельские поселения Татарстана (XVIII — XIX вв.) — Институт археологии РАН: жилые и хозяйственные постройки; сельскохозяйственный инвентарь; предметы традиционного быта; планировка деревень и усадеб. Материальные свидетельства трансформации традиционного общества в условиях Российской империи.

Городская материальная культура XVIII — XIX вв. — Национальный музей Республики Татарстан: предметы городского быта; ремесленные изделия; торговый инвентарь. Материальные свидетельства социально-экономического развития региона.

Культовые сооружения и религиозная материальная культура — музеи Республики Татарстан, Институт археологии РАН: мечети и церковные постройки; предметы культа; надгробные памятники. Материальные свидетельства религиозной жизни и конфессионального многообразия.

Материальные свидетельства политических репрессий XX века

Объекты спецпоселений и мест принудительного проживания — региональные музеи, архивы, Институт археологии РАН: остатки жилых бараков; хозяйственные сооружения спецпоселений. Материальные свидетельства политики принудительных переселений.

Лагерные объекты и производственные зоны — региональные музеи, архивы: лагерные постройки; производственные объекты. Материальные свидетельства системы принудительного труда.

Личные вещи репрессированных — региональные музеи, **семейные архивы**: предметы быта; документы личного происхождения. Материальные свидетельства повседневной жизни репрессированных и памяти о трагических событиях XX века.

Х. НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

Восстановление и сохранение историко-культурного наследия
(конец XX — начало XXI вв.)

Булгар — Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник: — Белая мечеть — современное культовое сооружение, возведённое в историческом ландшафте средневекового города; — Соборная мечеть Булгара (руины и консервация); — Северный и Восточный мавзолеи; — Чёрная палата; — Малый минарет; — музеефицированные археологические объекты городской застройки. Материальные свидетельства восстановления и актуализации наследия Волжской Булгарии.

Казанский кремль — музей-заповедник: — Кул-Шариф — восстановленная главная мечеть Казани, мемориальный и религиозный центр; — археологические и архитектурные слои ханского и послевоенного времени. Материальные свидетельства преемственности культур и конфессий.

Исторические мечети и культовые сооружения Татарстана (конец XX — XXI вв.): — Апанаевская мечеть (Казань) — реставрация и возвращение культовой функции; — Марджани (Казань) — сохранённая и действующая мечеть XVIII в.; — Азимовская мечеть (Казань) — восстановление архитектурного памятника; — мечети Болгарского, Спасского, Лаишевского районов. Материальные свидетельства возрождения исламской архитектуры и религиозной жизни.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
1. Происхождение протобулгар	5
2. Семья Кубрата — род Дуло, жена и пять сыновей	13
3. Язык, письменность и образ жизни Великой Булгарии ...	18
4. Военное дело и вооружение протобулгар	21
5. Общество протобулгар — структура и родовая связь	25
6. Батбаян — наследник, который остался	28
7. Котраг — путь к Иделю и рождение Волжской ветви	31
8. Аспарух — переход через Истр и рождение Дунайской ветви	33
9. Кубер — болгарская линия в юго-западных землях	36
10. Алцек — западная ветвь и след булгар в Италии	38
11. Пути сыновей и единый корень	41
12. Дунайская ветвь протобулгар — движение Аспаруха и рождение новой державы	43
13. Путь Котрага — становление восточной болгарской орды и начало истории будущей Волжской Булгарии	47
14. Булгария Иделя VIII — IX века	54
15. X век и правление Алмуша	59
16. Властители Волжской Булгарии от Алмуша до последнего эмира	65
17. Города Волжской Булгарии до монгольского нашествия	69
18. Несвобода как норма цивилизации — рабство и зависимость	74
19. Рабство и несвобода в Булгарии Иделя и на Руси	77
20. Язык брани — Древняя Русь и Булгария	80
21. Баня и гигиена	85
22. Трубы и ямы	91
23. Пергамент, береста, бумага	94
24. Трезвость и хмель	103
25. Булгария Иделя и Русь перед нашествием монголов — два мира накануне катастрофы	107

26. Женщины средневековья. Общая судьба в эпоху завоеваний	110
27. Монгольское нашествие — последний бой Биляра и падение Булгара	114
28. Возрождение Булгара под властью Золотой Орды	117
29. Золото Булгара и символ, который обрёл новое имя ...	120
30. Наследники Булгара и восхождение татарского народа	127
31. Рождение Казанского ханства	131
32. Последний век Казанского ханства	136
33. Как начиналась последняя война	141
34. Как «брали» Казань	144
35. О «Царственной книге» и границах исторического знания	153
36. Казань 1552 года в европейском контексте городских катастроф	155
37. Башня Сююмбике — история, миф и реальность	160
38. Почему пала Казань — причины поражения ханства ...	163
39. После падения Казани — Арск, черемисы и очаги локального сопротивления	169
40. Политика Московского государства в Поволжье после его присоединения	172
41. Потомки казанских мурз в XVII веке	175
42. Строгановы и восточная граница после падения Казани ..	179
43. Ермак	181
44. Татарские города XVII века — от Чистополя до Арска ..	186
45. Чаллы Яр — Набережные Челны	190
46. Ограничения Ислама — непубличная религиозная жизнь татар XVI — XVII веков	196
47. Генеалогическая гипотеза происхождения фамилии Сафин	202
48. Татары XVII — XX веков — от наследия Булгара и Казанского ханства к современной нации	205
49. Габдулла Тукай и живая нить письменной памяти	209
50. Иске имля. Письменность татарского мира	213

51. Язык и письменность татар — от болгарской арабицы до латиницы и кириллицы	217
52. Язык без университета. Татарская наука на рубеже эпох	223
53. Монголы и татары	227
54. От мифа — к статистике	231
55. Дороги, которые выбирают сами себя	236
56. Генетическая преемственность болгарского мира. Опыт личного анализа и исторический контекст	239
57. Наследие болгар	249
Послесловие	255
Соңгы сүз	257
Soñğı süz (yanalif)	259
Реестр источников	262
Письменные источники	262
Материальные свидетельства	271

Айдар Сафин

ТАТАРЫ — НАСЛЕДНИКИ ВЕЛИКОЙ БУЛГАРИИ
История народа от Великой Булгарии до Казанского ханства
и современности